

**ГУМАНИТАРНАЯ РОССИЯ: ГЕРМЕНЕВТИКА
НАУКИ И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКАЯ
КРИТИКА XVIII-XXI ВВ.**

Материалы международной
научно-практической конференции молодых ученых

2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Международный научно-исследовательский центр
«Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования»

*В сотрудничестве с Институтом философии РАН,
Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Институтом логики, когнитологии и развития личности,
ГБУК г. Москвы «Дом Лосева»*

*При информационной поддержке журналов «Вопросы философии»,
«Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования»*

ГУМАНИТАРНАЯ РОССИЯ: ГЕРМЕНЕВТИКА НАУКИ И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА XVIII-XXI ВВ.

Материалы международной
научно-практической конференции молодых ученых

Белгород 2023

УДК 130.1
ББК 87.3(2)-5-6
Г 94

Рецензенты:

Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой коммуникативистики, рекламы
и связей с общественностью НИУ «БелГУ»;

И.А. Монастырская, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры теории и методологии науки БГТУ им. В.Г. Шухова

Редколлегия:

С.Н. Борисов, Т.И. Липич, Е.Н. Мотовникова,
П.А. Ольхов, Е.Ю. Чистякова, М.В. Новак

Г 94 **Гуманитарная Россия: герменевтика науки и литературно-философская критика XVIII-XXI вв.:** материалы международной научно-практической конференции молодых ученых / отв. ред. М.В. Новак. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2023. – 112 с.

ISBN 978-5-9571-3452-7

Возобновление памяти о русской интеллектуальной культуре XVIII-XIX вв. является существенным условием формирования и упрочения познавательной идентичности молодых ученых России. В этой памяти, как в исторической сокровищнице, всё чаще обнаруживаются свидетельства не наивного, методологически развитого понимания «мира как целого» (Н.Н. Страхов). В публикуемом сборнике представлены материалы (тезисы и доклады) международной научно-практической конференции молодых ученых «Гуманитарная Россия: герменевтика науки и литературно-философская критика XVIII-XXI в.», которая состоялась в Белгороде 13-15 апреля 2023 года.

Конференция подготовлена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РНФ, № 23-28-01844 "Архив эпохи Н.Н. Страбова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения"

УДК 130.1
ББК 87.3(2)-5-6

ISBN 978-5-9571-3452-7

© НИУ «БелГУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Круглый стол молодых ученых «Духовность: между догмой и личностью»

Стоянович В.

«Внеинституциональная» духовность:
к онтологическим аспектам новых религиозных движений..... 8

Говорят наставники – I

Пружинин Б.И.

Экспертиза в гуманитарной науке:
мысленный эксперимент или эмпирическое обобщение? 9

Щедрина Т.Г.

Герменевтический метод в междисциплинарной
программе Н.И. Жинкина 11

Пленарное заседание I

Фон Шталь-Хан А.Ю.

Архив как путь к самоидентичности 12

Журавель Е.П.

Понятие «культура» у Д.С. Лихачева и «универсальный предметный
код у Н.И. Жинкина: опыт сопоставления 13

Щедрина И.О.

Социально-педагогический потенциал архивного исследования
для студенческой аудитории 14

Круглый стол.

Interlingua: русская культура в зеркале зарубежных СМИ

Ба амаду

СМИ Республики Мали как фактор диалога с русской культурой 15

Боева Я.

Роль современных болгарских СМИ в освещении
культурных и спортивных событий в России 16

Вентаза уоунес

Algeria-russia cultural ties 18

Оквор Эммануэль Оньекачукву

Россия и Нигерия: культурные различия 19

Итаванса Анджелес Меджире

Культура России и моей родины (Нигерия) 20

Кауфман И.С. Рецепция Спинозы в русской философии XVIII в.....	21
--	----

Пленарное заседание II

Нифонтова О.И. Антропологические аспекты в рукописи архиепископа Евлампия (Пятницкого) «введение в деятельное богословие»	22
Мысовских Л.О. Концепт экзистенциального отчаяния в поздней лирике М.Ю. Лермонтова.....	24
Нарожный Т.И. Иронические топосы А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова (предварительные наблюдения).....	24
Коровина О.В. Мировоззренческие кругозоры А.В. Никитенко и Н.Н. Страхова (к дневниковым записям и перепискам)	28
Кускова Л.Е. Переписка Н.Н. Страхова и А.Г. Достоевской (предварительные результаты архивных исследований).....	29

Говорят наставники – II

Ольхов П.А. Робинзоны русской философии (к записям П.П. Перцева о Н.Н. Страхове).....	30
Липич Т.И. Романтики прошлых столетий (литературно-философские диалоги в России первой половины XIX в.).....	34
Мотовникова Е.Н. Мыслить органически: опыт Н.Н. Страхова и его великих русских собеседников	39
Чистякова Е.Ю. Наука-для или наука-вместе? Субординативные начала герменевтики русского естественнонаучного образования.....	40
Новак М.В. Визуальные практики в советской культуре: метасемантика центонов	44

Пленарное заседание III

Жилина М.А. Древний и новый Египет в русскоязычном академическом пространстве (интернет-проекты и информационные ресурсы 2000-2023 гг.).....	46
--	----

Першина И.Л. Семантика аттрактивности в архитектуре древнего Египта (заметки к материалам русских исследователей)	53
Перекрестов В.В. Спиритуализм XIX века: переосмысления и коннотации концептов о природе разума в категориях «вечности», «духовности», посмертного существования и вселенной.....	57
Ветров В.А. Философская рецепция русских биологов на примере творчества И.И. Мечникова	58
Макарова Е.Ю. Образ Петра I в размышлениях и характеристиках Кан Ювэя.....	59
Михайлов А.Е. Психоанализ игры (очерк методологического опыта К.Г. Юнга).....	61
Макарейкина Ю.В. Прообраз теории масс и «массового человека» в общественной мысли до нового времени	62
Апатенко Д.В. Абсолютные смыслы дела В.И. Засулич (по материалам воспоминаний А.Ф. Кони)	62
Козак О.В. Н.М. Карамзин в XXI столетии (опыт сравнительно-библиографического анализа)	63
Леонова Д.О. Свобода воли в «психологии» М.И. Владиславлева (опыт герменевтической реконструкции).....	64
Гребенникова А.И. А.А. Фет и немецкая философия (аспекты вовлечённости)	64
Зюганова С.К. Семантика категорий $\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ и $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\sigma$ в античном музыкальном мышлении (по работе Е.В. Герцмана «Античное музыкальное мышление»)	65

Секция I

Научное и литературно-философское наследие собеседников и современников Н.Н. Страхова

Заброскова А.О. Понятие и концептуализация самопознания в философии В.Н. Карпова	70
Ермолова Е.М. Стиль речи и стиль мышления В.П. Буренина (к оценкам и впечатлениям современников)	71

Рудавина Т.А.	
Специфика религиозной мысли Ф.М. Достоевского и А.С. Пушкина.....	72
Сиротина А.Н.	
Тема вечной женственности в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»	79
Винграновская А.В.	
Смех Ф.М. Достоевского: обзор исследований	80
Шульженко А.А.	
Предпосылки возникновения органицизма в России XIX века	81
Кальницкий А.А.	
Особенности концептов российской государственности в работах Н.Я. Данилевского и И.Л. Солоневича. Опыт реконструкции	82
Хоу Цзыци	
Золотой век русской литературы в интерпретации К.Н. Леонтьева.....	82
Сергеева И.Н.	
Почвеннические понятия в лексиконе Ореста Марковича Новицкого	83
Брызгунов М.А.	
Ф.И. Тютчев и русские образы немецкого романтизма (к исследованиям Т.И. Липич)	84
Акиншина А.С.	
Я.П. Полонский в библиотеке-музее Н.Н. Стрехова (опыт информационно-аналитического обзора)	85
Штейнмиллер И.О.	
Воображаемый разговор: к философии театра Г.Г. Шпета	85

Секция II

Социальные и гуманитарные науки в структуре национального образования XIX-XX в.

Нифонтова В.А.	
Культурно-исторический подход в образовательном процессе: современные процессы	87
Кузубова М.А.	
А.А. Потебня о языке как выражении отношения народа к миру и средстве познания.....	89
Говорун Е.Д.	
Моральная экономика: к истории понятия в русской философии конца XIX – первой половины XX вв.	92
Чуева Ю.А. Анализ влияния эллинистической философии на богословие ап. Павла в трудах Н.Н. Глубоковского	92

<i>Зайцева Е.А.</i> Идеи славянофильства и западничества в творчестве Л.Н. Толстого	93
<i>Кахерская С.А.</i> Философские произведения Н.В. Гоголя и их отражения в современной России	94
<i>Безродная К.С.</i> Русская мысль XVIII-XIX веков: связь антропологических и философских исследований	96
<i>Мовсесян А.С.</i> Влияние октябрьской революции и гражданской войны на детскую литературу	97
<i>Головин П.В.</i> Антропологические мотивы в книге А.Н. Радищева «о человеке, его смертности и бессмертии»	97
<i>Жеребцов П.В.</i> Каноническое право в системе образования: история и современность	100
Круглый стол Кого пустить в будущее? Трансгуманизм, русская философия и социальное воображаемое В.О. Пелевина	
<i>Чистякова Е.Ю.</i> Преодолевая человеческое: наброски (к трансгуманизму?) Мишеля Уэльбека	104
<i>Бондарев А.А.</i> Некоторые аспекты пересечения трансгуманизма и буддизма в прозе Виктора Пелевина	106
<i>Боболь А.А.</i> Сверхчеловек – инвалид? Место дефективности в будущем (по материалам работы Выготского «Основы дефектологии»)	107
<i>Колесников А.А.</i> Сверхчеловек: интерпретации Владимира Соловьёва	109
<i>Винаков Н.О.</i> Трансгуманизм и Н.Ф. Федоров (некоторые сближения)	109
<i>Жагин П.С.</i> Трансгуманизм Пелевина: к опыту чтения Generation Z	110
<i>Скрябин Н.Ю.</i> Экзистенциальная бездна поколения «П»	110

**НАКАНУНЕ:
ОНЛАЙН-ГОСТИНАЯ У ВОЙИСЛАВА СТОЯНОВИЧА
(РЕСПУБЛИКА СЕРБИЯ – НИУ «БЕЛГУ»)**

Круглый стол молодых ученых
«ДУХОВНОСТЬ: МЕЖДУ ДОГМОЙ И ЛИЧНОСТЬЮ»

Основной доклад:

Стоянович В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Сербия)

**«ВНЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ» ДУХОВНОСТЬ:
К ОНТОЛОГИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ
НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ**

Непонимание себя ставит под вопрос понимание всего остального. Когда исследуем какой-либо феномен, связанный с человеком, не надо забывать, что мы также являемся частью объекта исследования. Такой подход может сломать предвзятый характер нашего отношения к другим людям. Любое социальное явление есть в то же время и человеческое явление. Вот почему возникновение новых религиозных течений следует искать не где-либо, а в самом человеке.

Открывая и расшифровывая, как всё устроено, наука так и не даёт ответа на вопрос о сущностном смысле. Развитие неврологии религии (нейротеологии) и обнаружение точки в мозге, связанной с духовностью, помогает понять, как работает мозг, но, если предположим, что в здоровом человеческом теле каждая клетка играет свою роль в процессе человеческой жизни, можем задаться вопросом, почему существует потенциал религиозности и склонности к духовности.

Определение религии исключительно через наблюдение за её культурно-социальными формами и функциями, а не полноты природно-врожденного потенциала, вызывает неполное, а может быть и неверное представление феномена.

Максимально точное определение религиозности и религии, а также чёткое разделение между употреблением их и злоупотреблением ими, позволит объективно наблюдать за процессом возникновения неинституциональной духовности и появлением новых религиозных групп.

14.10-14.45

ГОВОРЯТ НАСТАВНИКИ – I
семинар-лаборатория с руководителями исследовательских проектов
(Институт философии РАН, Московский педагогический
государственный университет)

Пружинин Б. И.
журнал «Вопросы философии»;
сектор философии естественных наук ИФ РАН,
Институт логики, когнитологии и развития личности (Москва, Россия)

ЭКСПЕРТИЗА В ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ: МЫСЛЕННЫЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ ИЛИ ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ?

Доклад подготовлен в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФИ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке».

Экспертиза – одна из наиболее актуальных тематических сфер современной философии и методологии науки. В принципе, экспертная деятельность присутствовала в науке всегда, обращение к специалистам, к компетентным людям при разрешении затруднительных ситуаций было нормой. Сегодня в основе экспертизы лежит наука, т.е. в экспертные оценки необходимо включается научное знание. И задача современной экспертизы – это в определенном смысле удовлетворение запроса, снимающего неопределенность ситуации. Эта задача всем очевидна, но эксперт фиксирует неопределенности, опираясь на науку, и тем самым становится в несколько иное положение по отношению к реальности.

Когда экспертиза погружается в науку, а не просто обслуживает социальный запрос, она выступает как эксперимент (прежде всего, как мысленный). В этом случае эксперт, фактически, выполняет функции ученого, а экспертиза приобретает поисковый характер. В эксперименте выявляется то, что порождает потребность в обращении к эксперту, что ставит и ученого, и практика в ситуацию выбора. Теоретик оказывается перед проблемой выбора дальнейшего пути научного знания, а практик – перед проблемой наиболее эффективных методологических средств для достижения прикладного результата. Поисковый эксперимент многое меняет в самом понимании экспертизы.

Со времен Галилея эксперимент представал как традиционный метод научного исследования, ориентированного на проверку гипотезы или теории. Он был направлен на изменение (мысленное или реальное) действительности (т.е. принципиальное значение приобретали технические параметры эксперимента). Естествоиспытатель «пытал» природу, он заставлял ее

отвечать на вопрос. Галилеевское понимание эксперимента господствует до сих пор. И мы не опровергаем традиционные методы исследования, но подчеркиваем то, что выступает на передний план: экспертная гипотеза заставляет нас технически менять реальность. А поисковый эксперимент сдвигает наши интересы. Он оказывается ориентированным на то, чтобы обнажить именно выходящее за пределы сложившейся ситуации (т.е. те многочисленные факторы, которые действуют на нас вне заданной теории, но мы их не учитываем, отсекаем в своих теориях, направляясь на достижение конкретного результата).

Наиболее отчетливо это выглядит в социально-гуманитарных науках. По подсчетам специалистов, только около 6% экспериментов в социологии возможно воспроизвести (на респондента влияет всё: от степени освещенности помещения до изменения погоды). Хотя, конечно, воспроизводимость эксперимента это проблема не только социальных и гуманитарных наук, но и естествознания. Каждый раз, когда условия эксперимента меняются, мы получаем несколько иной результат, отличающийся, отклоняющийся от предыдущего. Именно эти отклонения и должны сегодня интересовать ученого, работающего в коллаборации с экспертом.

Социально-гуманитарные науки несут в себе элемент неопределенности, в них повторить опыт практически невозможно. Они не позволяют воспроизводить ситуацию однозначно. И когда эти науки входят в деятельность ученого как элемент экспертизы, то создаются при этом условия для ясного понимания неопределенности. Когда они входят в экспертизу, то в ней проясняется целеустремленность, телеологичность, социальный запрос. И в этом качестве экспертиза (понимаемая как эксперимент в гуманитарных науках) не сводится ни к эмпирическому описанию, ни к теоретическим конструкциям. Экспертиза как поисковый эксперимент ориентирует нас на поиск неопределенностей, которые, фактически, влекут за собой расширение нашего знания об исследуемой предметной области. В этом плане очень важным становится вопрос: на какое знание мы опираемся, когда проводим поисковый эксперимент. А опираемся мы на данные истории науки, которая менялась. Здесь важно понять, что эксперимент тоже меняет наш взгляд. Так, теория относительности не опровергает положения Ньютона, она дополнила их. И вся историческая последовательность физических экспериментов, идущих от античности до наших дней, попадает в поле нашего зрения, мы оказываемся свидетелями непрерывного совершенствования науки как деятельности и расширения научного знания о мире. В нашей стране эти идеи развивал В.И. Вернадский, придававший историческому взгляду на научное знание колоссальное значение. Его трактовка исторического особенно важна для нас, поскольку открывает методологические перспективы.

Щедрина Т. Г.

Московский педагогический государственный университет,
Институт логики, когнитологии и развития личности (Москва, Россия)

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ МЕТОД В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРОГРАММЕ Н.И. ЖИНКИНА

Доклад подготовлен в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФ, № 22-28-01799 ««Архив эпохи» Н.И. Жинкина в контексте современных проблем методологии и философии науки».

Николай Иванович Жинкин (1893–1979) известен сегодня в научно-гуманитарном сообществе в большей степени именно как психолог, стоявший у истоков психолингвистики, как теоретик кинематографа и психологической кибернетики, как исследователь семиотических проблем. Вместе с тем, его философское наследие оказывается не менее актуальным для осмысления современных проблем философии языка, мышления, искусственного интеллекта, кибернетики, машинного обучения, неформальной логики и др. Его разносторонние научные интересы можно рассматривать сегодня как особую междисциплинарную программу, в основании которой лежит, как это ни парадоксально, «герменевтическая феноменология». Это направление разрабатывал (перерабатывая и расширяя идеи Эдмунда Гуссерля) его учитель Густав Густавович Шпет (1879–1937).

Герменевтическая феноменология исследует процесс постижения смысла, открывающегося в реальности. Шпет акцентировал внимание на философских аспектах «выражения» смысла, а Жинкин перевел эти идеи на язык психологии. Он исследует идею выразимости смысла в аспекте живой речи (этой тематике посвящена его кандидатская диссертация «Интонация речи в связи с общими проблемами экспрессии», которую он защитил в 1947 году). Так, в разговоре человек передает другому не только информацию, но и свое отношение к ней (субъективное со-значение), он тонирует свои высказывания в звучании. Как происходит процесс передачи смыслов? Чтобы ответить на этот вопрос, Жинкин предпринимает междисциплинарное исследование. Прежде всего, он записывает речь актера, чтобы потом соотнести интонационные конструкции и движения речевого аппарата. Кроме того, он впечатлевает с помощью кинорентгено съемки процесс движения языка, фиксирует в фотографиях движения гортани и т.д., чтобы затем сопоставить эти данные с записями речи актеров. Результаты этих «экспериментов» он обобщает в книге «Механизмы речи» (1958). А еще, он осуществляет скрытое наблюдение за приматами, чтобы выявить их коммуникативную систему. Все эти – весьма разные – «эксперименты» Николай Иванович рассматривал как звенья целостного исследования проблемы передачи смысла. Его научный опыт оказался настолько предметно богатым, насколько и методологически плодотворным, потому что он не

останавливался на внутридисциплинарной интерпретации полученных опытных данных, он постоянно искал смысловых соотношений между разными областями. Лингвистика, логика, психология, семиотика – для него части, связанные друг с другом в целостную междисциплинарную программу исследования универсального предметного кода (УПК). Жинкин не был естествоиспытателем, он не «пытал» природу экспериментально, но хотел понять, осознать ее внутреннюю форму. К сожалению, он не успел завершить свои исследования, книга «Речь как проводник информации» (1982) появилась уже после его смерти. Но его архив позволяет нам сегодня реконструировать его интеллектуальные поиски и актуализировать его идеи.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ I

Фон Шталь-Хан А.Ю.

Degree of Master of Arts in Philosophy,
свободный исследователь (Швеция, Стокгольм)

АРХИВ КАК ПУТЬ К САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Обращение к истории, в том числе интеллектуальной, обращение к биографическим исследованиям, не только позволяют уточнять факты, исследовать культуру но и позволяет сделать историю и культуру «своей», перейти от восприятия того или иного предмета, науки, как чего-то абстрактного, и для нас чужеродного, к тому чтобы сделать науку, культуру, исследование по-настоящему своими. Помимо этого, обращение к биографическим исследованиям помогает увидеть более целостную и полную картину того мира, в котором теории и идеи возникали, позволяет увидеть какие события повлияли на формирование идей.

Одним из философов, призывающих людей обратиться к предкам и памяти о них был Николай Федорович Федоров. Он писал о необходимости вернуться к нашим корням, с его точки зрения возвращаясь к предкам, обращаясь к истории точно того места откуда наши предки были родом, мы делаем своим, непосредственно затрагивающим нас пласт знаний, касающихся истории, философии. Каждое историческое событие может быть рассмотрено как со стороны дат и фактов, так и с точки зрения людей, существовавших в нем- наших предков. Обращаясь к архиву своей семьи, мы имеем возможность посмотреть на историю с другой стороны. Автобиографии/ мемуары были написаны предками для определенного круга лиц, которых они знали и с определенной целью. Я, как читатель, не являюсь целевой аудиторией предков, однако их рассказы в сочетании с рассказанным и нерассказанным о предках создают полную картину их жизни. Тексты, написанные совсем с другой целью, являются сейчас взглядом на историю России изнутри самой истории, собрать и написать

которую является нашей задачей- для того чтобы сохранить и не потерять себя. В документах архива мы встречаемся с собой. Каждый документ и фотография, каждый предмет является не только свидетельством семейной истории, но и истории страны и эпохи, из которой к нам пришел документ.

Архив семьи в таком случае является не просто затратным хобби, а является входной дверью в «архив эпохи», определяемый Т.Г. Щедриной как «архивный пласт интеллектуальных и экзистенциальных традиций русской философии» [1, с.104].

Литература

1 Щедрина, Т. Г. (2009). Архив эпохи: проблема и концепт. Вестник культурологии, (1), 104-111.

Журавель Е. П.

Институт логики, когнитологии и развития личности (Москва, Россия)

ПОНЯТИЕ «КУЛЬТУРА» У Д.С. ЛИХАЧЕВА И «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТНЫЙ КОД У Н.И. ЖИНКИНА: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Доклад подготовлен в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФИ, № 22-28-01799 «“Архив эпохи” Н.И. Жинкина в контексте современных проблем методологии и философии науки».

Экология культуры в понимании Д.С. Лихачева напрямую связана с восприятием культуры как настолько же важной экосистемы, насколько ей является природная экосистема. Ее важным параметром является способ сохранения через памятники культуры, которые представляют собой нечто вроде хранителей тех смыслов и элементов массового сознания, на которых строится культура. Именно тут можно провести параллель с концепцией универсального предметного кода Н.И. Жинкина, который утверждал, что коммуникация человека строится на универсальном языке, кодирующем в себе объекты внешнего мира и из которого можно перевести объект в форму образа, слова, понятия. Если мы предположим, что в культурных и исторических памятниках проявляется та сущность, которая скрепляет общество и также проявляется в социальных практиках и взаимоотношениях, можно прийти к идее подобного кода. В этом докладе сравниваются понятия культуры и универсального предметного кода у Д.С. Лихачева и Н.И. Жинкина соответственно.

Щедрина И. О.

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРХИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

Архив является особым гуманитарным, социально-педагогическим ресурсом, который сегодня может сыграть важную роль в области воспитания студенческой молодежи и приобщения ее к научным исследованиям. Тем актуальнее сегодня возвращение к интеллектуальному архиву, и тем более значимой оказывается фокусировка на сохраненном документированном прошлом для понимания, герменевтического осмысления и познания (и одновременно, для дальнейшего развития) интеллектуальной культуры России. Поэтому в данном случае архив – это не просто хранилище документов, точка на карте, государственная организация, но культурный динамический коллектив; то, что позволяет с одной стороны, актуализировать, а с другой – формировать современное социально-гуманитарное знание, представляя в один момент и инструментарием и исследовательским материалом, и специфической интеллектуальной локацией – символическим миром, существующим в исторической памяти. Доклад базируется на исследовательских разработках по проекту «Нарратив или сторителлинг? Социальное программирование студенческой аудитории на научный успех в контексте реализации программы Десятилетия науки и технологий» (Министерство науки и высшего образования РФ, ЭИСИ, проект № FENW-2022-0026). Обращение к архиву в социально-педагогическом ключе, таким образом, опирается в первую очередь на осознание студентом собственной историчности, на работу с популяризацией науки и усилением ее позиций в различных интеллектуальных локациях (архив, издательство, библиотека). В рамках Десятилетия науки и технологий особенно важно привлечь внимание студенческой аудитории к научно-исследовательской деятельности в рамках архивных исследований на базе интеллектуальной культуры России. В частности, речь идет о вовлечении студенческого сообщества в активное изучение архивной истории родных ВУЗов. Многие персоналии из истории отечественной науки до сих пор находятся в тени. Ученые, профессора (XIX–XX вв.), работавшие в высших образовательных учреждениях в разных городах и областях страны вкладывали свой труд, время и силы ради просвещения и образования. Информация об этих людях зачастую сохраняется только в архиве вуза. Однако, интеллектуальное наследие этих людей не потеряло своей актуальности и значимости для сегодняшней молодежной аудитории, для научных исследований и для современной интеллектуальной культуры. Обращение к архиву как социально-педагогическому ресурсу позволяет реализовать выбранные методологические стратегии на государственном уровне с одной стороны, а с другой – обеспечивает рост личностного интереса и, одновременно, рост профессионального уровня студента как будущего исследователя.

INTERLINGUA:

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ С ЭКСПЕРТАМИ В ОБЛАСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ И МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ НИУ «БЕЛГУ»

АЛЕКСАНДРОМ ПЕТРОВИЧЕМ КОРОЧЕНСКИМ (ДОКТ.ФИЛОЛ.Н., ПРОФЕССОРОМ),
АНДРЕЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ ПОЛОНСКИМ (ДОКТ.ФИЛОЛ.Н., ПРОФЕССОРОМ),
ЕВГЕНИЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ КОЖЕМЯКИНЫМ (ДОКТ.ФИЛОС.Н., ПРОФЕССОРОМ)

Ба Амаду

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет; (Республика Мали)
(*научный руководитель – д.филол.н., проф. А.В. Полонский*)

СМИ РЕСПУБЛИКИ МАЛИ КАК ФАКТОР ДИАЛОГА С РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ

Основная роль СМИ заключается в передаче информации и отражении существующей практики жизни и ценностных установок. С этой целью необходимо отметить, что малийские СМИ играют большую роль в продвижении русской культуры.

Благодаря малийским СМИ многие узнали о дате дня рождения известного русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Ежегодно 06 июня в Мали также отмечается Международный День русского языка. «Мы хотим продвигать этот язык в первую очередь в средних школах, потому что именно школьники после абитура поступают в высшие учебные заведения. Необходимо большое развитие в средних школах, а затем и в высшем образовании», - говорит Ибрагим Гиндо, президент организации изучающих русский язык в Мали в 2022 году (<http://bamada.net/celebration-de-la-journee-de-la-langue-russe-cooperation-mali-russie-etude-de-la-langue-russe-au-mali>).

Как и в 2017 году, по случаю 870-летия российской столицы Москвы, посольство Российской Федерации в Мали в апреле провело конкурс по русскому языку под названием «Олимпиада» среди учащихся 10, 11 и 12 классов 8 малийских средних школ. Конкурс был посвящен истории Москвы (http://malijet.com/la_societe_malienne_aujourd'hui/education_et_formation_au_mali/183694-remise-des-prix-aux-laur%C3%A9ats-maliens-de-l'olympiade-de-la-langue.html).

Олимпиады по русскому языку, первая из которых была проведена в 1990-х годах, являются ежегодным свидетельством интереса, проявляемого в Мали к русской культуре и языку, что способствует укреплению традиционных связей дружбы между народами и молодежью Мали и России (http://malijet.com/la_societe_malienne_aujourd'hui/education_et_formation_au_mali/183694-remise-des-prix-aux-laur%C3%A9ats-maliens-de-l'olympiade-de-la-langue.html).

На протяжении всего кризиса, который переживает Мали, Россия была на стороне Мали, и отношения между двумя странами находятся в хорошем состоянии. Сотрудничество между двумя странами значительно развивается, хотя не все может быть достигнуто одновременно. Можно сказать, что благодаря средствам массовой информации и блогерам открываются новые перспективы для развития Мали и продвижения ее демократии, и малийское население проявляет все больший интерес к русской культуре.

Боева Я.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Болгария)

(научный руководитель – д.филол.н., проф. А.В. Полонский)

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ БОЛГАРСКИХ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ И СПОРТИВНЫХ СОБЫТИЙ В РОССИИ

В нашем исследовании мы рассмотрели особенности репрезентации в современных болгарских СМИ событий, которые отражают культурную и спортивную жизнь России. Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что сегодня, с одной стороны, СМИ широко используются разными структурами для оказания влияния и управления общественным сознанием [Кожемякин 2010; Короченский 2003; Липман 2004; Полонский 2017], а с другой – культура и спорт становятся одним из востребованных инструментов политического противостояния [Леонтьев 2022; Юдина 2017]. В контексте последних социально-политических событий, которые напрямую отразились на взаимодействии России и Болгарии – двух стран, связанных исторически, общей духовной традицией и схожим культурным и языковым кодом, заявленная проблематика получает звучит особенно значимо.

Исследование основывается на материалах, опубликованных в последние два года (2022-2023 гг.) в таких болгарских изданиях, как «Вести», «Webcafe», «Сeга», «Dnes.bg», «Гласове», «Dir.bg», «OffNews», «Новини 247», «Свободная Европа», издание «The epoch times», газеты «Дневник», «Труд», «Факти», «Телеграф», «Стандарт», «Марица» и др. Цель исследования – проанализировать тематически сфокусированный сегмент медийного поля Болгарии, отражающий состояние болгаро-российских отношений, которые в последние годы оказались в плену многочисленный догм, стереотипов, предрассудков и ангажированной пропаганды.

В процессе исследования были использованы описательный метод, метод риторико-стилистического анализа и метод контент-анализа, который позволил ранжировать имеющиеся материалы, а также определить силу латентных настроений, передаваемых в публикации эмоций и ценностно-политических ориентиров.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что сегодня нет оснований говорить об однозначности в настроениях и оценочных суждениях относительно болгарско-российских отношений. Опыт проблемного и даже конфликтного взаимодействия России и Запада неизбежно накладывает отпечаток на диалог между Россией и Болгарией, что, безусловно, находит свое отражение в практике освещения и оценочного комментирования культурных и спортивных аспектов жизни России. Сегодня культура и спорт не считаются удачным основанием для выстраивания отношений сотрудничества, перестают быть средством для достижения взаимопонимания и культурного обмена [Пономарев 1974, с. 12], становясь частью политического дискурса как инструмента идеологической корректировки картины мира [Переверзев, Кожемякин 2008; Полонский 2019; Moody, Eslami 2020].

Исследование показало, что в аспекте репрезентации в современных болгарских СМИ событий, которые отражают культурную и спортивную жизнь России, как правило, реализуется установка на конфронтацию, что выражается в жесткой негативной оценочности и вербальной агрессии по отношению к России и представляющим ее субъектам.

Последствия такой медийной практики находят прямое отражение в социально-культурных и спортивных аспектах взаимодействия России и Болгарии.

Литература

Кожемякин, Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2010. №12 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kommunikatsiya-i-mediadiskurs-k-metodologii-issledovaniya> (дата обращения: 01.03.2023).

Короченский, А.П. Медиакритика в теории и практике журналистики: специальность 10.01.10 “Журналистика”: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Короченский Александр Петрович. Санкт-Петербург, 2003. 467 с.

Леонтьев, Е.Д. Спортивная политика как инструмент воздействия на современное общество // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. №2 (847). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnaya-politika-kak-instrument-vozdeystviya-na-sovremennoe-obschestvo> (дата обращения: 01.03.2023).

Липман, У. Общественное мнение. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

Переверзев, Е.В., Кожемякин, Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 74-79.

Полонский, А.В. Медиареальность: что мы можем сказать о ней сегодня? // Медиалингвистика: Материалы II Международной научно-

практической конференции, Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 года / Ответственный редактор А.А. Малышев. Том Выпуск 6. – Санкт-Петербург: Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», 2017. С. 329-331.

Полонский, А.В. Медийный текст как феномен современной культуры // Тексты нового века : материалы Межрегионального круглого стола, Орел, 27–28 февраля 2019 года. – Орел: Орловский государственный институт культуры, 2019. – С. 31-34.

Пономарев, Н.И. Социальные функции физической культуры и спорта. М.: Физкультура и спорт, 1974. 310 с.

Станчева Х. Отношения между Болгарией и Россией за последние десять лет в отражении СМИ // Страны Восточной Европы и Россия: взаимоотношения в начале XXI века. 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-mezhdu-bolgariey-i-rossiey-za-poslednie-desyat-let-v-otrazhenii-smi> (дата обращения: 14.02.2023).

Юдина А.В. Спорт как инструмент политического противостояния: к вопросу о государственной политике в сфере физической культуры и спорта // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-kak-instrument-politicheskogo-protivostoyaniya-k-voprosu-o-gosudarstvennoy-politike-v-sfere-fizicheskoy-kultury-i-sporta> (дата обращения: 01.03.2023).

Moody, S., Eslami Z. R. Political Discourse, Code-Switching, and Ideology // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24, No. 2. P. 325-343.

Benmaza Younes

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Algeria, Oran)

ALGERIA-RUSSIA CULTURAL TIES

This report examines the cultural ties between Algeria and Russia, highlighting their historical, political, and cultural exchanges. The two countries have maintained strong diplomatic relations since the Soviet era, with Russia supporting Algeria's struggle for independence from France. Since then, Algeria and Russia have cooperated on various international issues, including the fight against terrorism and the promotion of global peace and stability.

Cultural exchanges between the two countries have been an essential part of their relationship, with several exhibitions, festivals, and academic conferences promoting mutual understanding and appreciation of each other's cultures. Algerian literature, known for its focus on themes of identity, politics, and social justice, and Russian literature, famous for its philosophical depth and exploration

of the human condition, have contributed to this cultural exchange. The Algerian National Library has a large collection of Russian literature, and the two countries have established partnerships between their universities and research institutions, allowing for academic exchanges and joint research projects.

Algerian and Russian artists have also collaborated on several exhibitions, showcasing their works in both countries. In addition, Algerian and Russian cuisines share some similarities, such as the use of spices and herbs, and both cultures have a strong tradition of hospitality and sharing food with guests.

Other cultural ties between Algeria and Russia include military cooperation, architectural influence, and sports competitions.

Overall, this report highlights the multifaceted nature of the cultural ties between Algeria and Russia, and the potential for further collaboration and exchange in the future.

Оквор Эммануэль Онъекачукву
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Энугу, Нигерия)

РОССИЯ И НИГЕРИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Культуры России и Нигерии очень различаются. Россия находится на территории Евразии и представляет собой смесь западной и восточной культурных влияний. Нигерия находится на западном побережье Африки и является домом для более чем 250 этнических групп, каждая из которых имеет свои традиции и обычаи.

Культура России имеет богатую историю и включает в себя множество художественных и литературных произведений, архитектурных памятников, национальных традиций и обычаев. Русские люди известны своей гостеприимностью, любовью к традициям и обрядам, а также уважением к семье и роду. Кроме того, Россия славится своим балетом, оперой, классической музыкой и живописью.

Культура Нигерии также богата и разнообразна. В стране преобладает множество народных праздников, музыкальных и танцевальных стилей, национальных костюмов и ремёсел. Нигерийцы уважают старших и бережно сохраняют свои традиции и обычаи. Также в Нигерии славятся своим искусством, включая музыку, танцы и народные ремёсла.

Однако, несмотря на все различия, в культуре России и Нигерии есть много общего, например, любовь к национальной кухне, музыке и танцам. Кроме того, обе культуры уважают старших и считают семью очень важной ценностью.

Также в обеих культурах есть традиции, связанные с религией. В России основными религиями являются православие, ислам, буддизм

и иудаизм, в то время как в Нигерии преобладают христианство, ислам и традиционные африканские религии.

Еще одним общим элементом культур России и Нигерии является их язык. В России говорят на русском языке, который также является официальным языком в Беларуси, Казахстане и Киргизии. В Нигерии же национальным языком является английский, но также существует множество местных языков, таких как хауса, йоруба, игбо и другие.

Несмотря на то, что культуры России и Нигерии имеют много различий, они обе богаты и интересны. Каждая из них имеет свои уникальные особенности, которые можно изучать и понимать, чтобы лучше понимать эти страны и их жителей.

Итаванса Анджелес Меджире

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Нигерия)

КУЛЬТУРА РОССИИ И МОЕЙ РОДИНЫ (НИГЕРИЯ)

Культура, это наши глаза, обращенные к тому, что было, что есть и что будет. Наша культура – это часть того, что наш народ оставил после себя, чтобы мы могли жить настоящим и передавать нашим детям. Наша культура – это наша идентичность, которую необходимо сохранять.

Всего за 2 года жизни в России я была поражена богато сохранившейся культурой страны и народа. О национальных героях прошлого, творчески воплощенных в литературе, до архитектурных проектов, сохранившихся на протяжении десятилетий, религиозных памятников и произведений искусства, до интригующих кухонь и национальных блюд – все это дает представление о ценностях и престиже великой России.

Однако в моей стране ситуация не сильно отличается. Нигерия была благословлена более чем 250 различными группами, каждая со своими собственными традициями и ценностями. Поэтому неудивительно, что в автобусе с 10 русскими, говорящими на одном языке, вы можете увидеть 5 нигерийцев, но говорящих на 5 разных языках. Это действительно потрясающе!

Иностранцы действительно могут познакомиться с русской культурой, особенно на подготовительном факультете. Во время моей учебы мы достаточно близко познакомимся с литературой России. Я поняла, что в каждом русском стихотворении есть прекрасный смысл. Особенно мне запомнилась стихотворение, «Человеку надо мало». Самое блестящее – это то, что они сохранились.

Нигерийская литература также обширна. Те, которые много говорят, о нашей культуре, были хорошо пересказаны и переведены в современной

литературе. Мне даже рассказывали, что было время (обычно в прошлом), когда дети сидели со своими бабушками и дедушками при лунном свете, чтобы послушать эти истории. Честно говоря, это было бы здорово испытать.

Путешествуя по российским городам, можно легко представить, какими классическими были улицы в старину. Здания все еще крепко стоят, хотя и были отремонтированы, но сохранили основную структуру. Однако в Нигерии такие здания можно увидеть в деревне, когда уезжаешь далеко от больших городов и модернизации. Там вы можете увидеть изгибы реки; дома, построенные не из обычного цемента, а некоторые из глины или даже листьев. Вы должны увидеть это, чтобы поверить в это!

Кроме того, на праздниках всегда интересно, особенно с музыкой. Просто и приятно! Что касается моей страны, то нам нравятся большие и красивые. Пример можно увидеть во время свадеб, пара может принадлежать к двум разным племенам, поэтому все одеваются в свою культурную одежду, сильно отличающуюся друг от друга и очень красочную на вид. И еще одна важная вещь: там должна быть еда!

В заключение, я считаю, что у России и Нигерии схожие взгляды на некоторые аспекты нашей культуры, а также различия. Культуру своей страны может легко ощутить простой гражданин. Я считаю, что как личности мы не должны отказываться от ключевых аспектов нашей культуры только ради модернизации. Это можно и должно быть сохранено для будущего поколения.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ II

Кауфман И. С.

Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова
(Санкт-Петербург, Россия)

РЕЦЕПЦИЯ СПИНОЗЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XVIII В.

В современной (последних трех десятилетий) историографии философии и интеллектуальной культуры Просвещения важнейшее место занимает ревизия традиционных представлений как касающихся влияния идей Спинозы на интеллектуальную культуру Просвещения, так и о рецепции его идей мыслителями Просвещения. В исследованиях по русскому Просвещению эта тема практически не представлена, что, вероятно, связано с отсутствием базового описания упоминаний Спинозы в текстах русского Просвещения. Поэтому целью нашего исследования является выявление и анализ некоторых примеров рецепции учения Спинозы о Боге у авторов русского Просвещения. Мы обратимся к текстам Феофана Прокоповича, Василия Тредиаковского и Александра Сумарокова.

Нифонтова О. И.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В РУКОПИСИ
АРХИЕПИСКОПА ЕВЛАМПИЯ (ПЯТНИЦКОГО)
«ВВЕДЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ»**

Среди сохранившегося рукописного наследия духовно-академических мыслителей первой половины XIX века можно найти достаточно большое количество трудов, затрагивающих антропологическую проблематику. Это вполне объяснимо в связи с тем, что духовно-академическая философия основана на христианском вероучении, цель которого заключается в спасении поврежденной смертной природы человека.

Рассмотрим антропологическую проблематику в одном из трудов духовно-академического мыслителя данного периода, архиепископа Евлампия (Пятницкого) (Пятницкий, 1830-е г.: 1-189).

Архиепископ Евлампий (Пятницкий) (1794-1862) был выпускником Московской духовной академии, дававшей в те годы своим воспитанникам высокий уровень разностороннего образования. В 1831 году он получил назначение на должность ректора Вифанской семинарии.

В своем труде «Введение в деятельное богословие» архиепископ Евлампий обращает внимание на практическую цель, к которой призвана данная дисциплина: сподвигнуть человека переменить чувственную жизнь на духовную. Об этом он пишет следующее: «Дабы соответствовать своему наименованию Деятельное учение должно иметь предмет своим не то только, чтобы в правильном порядке, полно и ясно изложить деятельные истины, но особенно то, чтобы все истины были живы и действенны, и могли располагать человека к перемене чувственной жизни на духовную». (Пятницкий, 1830-е г.: 7). Здесь автор подчеркивает, что теоретические знания ценны не сами по себе, а в их применении к реальной жизни человека. Именно в способности деятельного использования состоит основной смысл любых знаний.

Вместе с тем, архиепископ Евлампий указывает на необходимость для совершения духовной перемены Божественной силы, которая одна способна перевести умозрительное (теоретическое) знание деятельного богословия в область практической деятельности: «Иначе если при внешнем высшем начале духовной деятельности, каковы суть Божественный откровенный Закон и Евангелие, не будет в человеке внутреннего высшего начала, Божественной силы, направляющей к действию, то не произойдет в нем духовной перемены... При духовных требованиях, но при немощных силах, падший человек будет только знать духовные правила, но не в состоянии будет исполнять» (Пятницкий, 1830-е г.: 8).

Конечной и главной целью деятельного богословия, заключающей в себе все другие цели, является возведение человека к Богоподобию

(Пятницкий, 1830-е г.: 10). Архиепископ Евлампий выделяет два возможных пути достижения Богоподобия, которые показали христианские подвижники. Это внешнее делание и делание сокровенное внутреннее: «одни достигали духовного совершенства внешними трудами, а другие внутренним сокровенным путём очищения» (Пятницкий, 1830-е г.: 11).

В идеале же, по мысли архиепископа Евлампия, деятельное Богословие объемлет в себе и внутреннюю, и внешнюю деятельность христианина, которые обе необходимы для приобретения полноты совершенства: «Посему деятельное Богословие, объемля в себе и внутреннюю, и внешнюю деятельность христианина, неразделяемо и сии два вида, как две необходимые принадлежности составляющие полноту и совершенство христианской деятельности, совокупляет во единое, глаголя в нём пребывать и должен есть, якоже он ходил есть, и сей такожде да ходит. 1 Иоа. 2.5 он ведёт к соединению с Богом путём внутреннего очищения, не иначе как через внешние труды и подвиги» (Пятницкий, 1830-е г.: 12).

По убеждению архиепископа Евлампия, природа человека повреждена в самом основании: «Когда же несомненно, что природа повреждена в самом основании: то посредством свободы, как поврежденной силы природы, человек сам собой никоим образом не может исправить повреждения всей своей природы» (Пятницкий, 1830-е г.: 20).

По мысли автора, из растрепанности в совершенство человеческую природу может привести только Сам Бог: «Действующая причина, производящая духовную перемену, по которой человек из ветхого и растрепанного по естеству преобразуется во всё существо в нового, по образу Божию создаваемого человека – есть Сам Бог. Бог как Единый в существе, единым действием совершает всё спасение человеческое» (Пятницкий, 1830-е г.: 24-25).

Подводя некоторый итог вышесказанному отметим, что рукопись архиепископа Евлампия «Введение в деятельное богословие» содержит антропологическое учение о природе человека, в котором утверждается неспособность человека самостоятельно победить в себе зло, подчеркивается необходимость благодати для совершения внутреннего обращения. Эти взаимосвязанные темы имеют одну главную цель, которая состоит в возведении человека к Богоподобию, чему предшествует перемена жизни с чувственной на духовную. Деятельное богословие в интерпретации архиепископа Евлампия сообщает человеку учение о повреждении его природы и о способе восстановления, призывая умозрительные (теоретические) знания применить в своей практической жизни. Такая направленность характерна для духовно-академических мыслителей первой половины XIX века, которые создавали свои труды для практической цели – сообщить читающим путь к совершенствованию своей природы в реальной жизни.

Литература

Пятницкий, Евлампий. Введение в деятельное богословие [рукопись]: лекции по курсу деятельного богословия, читанные Евлампием Пятницким в

Московской Духовной академии. - [Б.м.], 1830-е годы. - I + 189 [из них 3 чистых] л.; ОР Ф.173.2 № 43.

Мысовских Л.О.

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия)

КОНЦЕПТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОТЧАЯНИЯ В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

В докладе представлен анализ лирики последних двух лет жизни М. Ю. Лермонтова на предмет выявления в ней концептов, свойственных экзистенциальной философии, в первую очередь, – концепта отчаяния. Автор доклада считает, что в стихах последних лет жизни русского поэта прослеживается развитие экзистенциального концепта отчаяния, в основании которого лежат невозможность любви, одиночество и отчужденность человека, абсурдность его существования. Автор приходит к выводу, что из рассмотренных экзистенциальных концептов основной причиной отчаяния Лермонтова является его экзистенциальное одиночество.

Нарожный Т.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет (Белгород, Россия)

ИРОНИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ А.А. ГРИГОРЬЕВА И Н.Н. СТРАХОВА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

На сегодняшний день в контексте литературоведческих, литературно-философских изысканий в отечественной научной парадигме, мы можем говорить об устоявшемся консервативном подходе к исследованию произведений, документов, событий и персоналий. Такие исследования, в частности касающиеся, без преувеличения, наиболее плодотворного в отечественной литературе и журналистике периода – 1860-х годов, зачастую сделаны сквозь призму консервативного взгляда на науку и на литературу. Однако существует и маргинальная сторона этой парадигмы, или, по выражению переводчика А. Рене – «академическая хипхопота», с такими неопитскими претенциозными работами как «Рэп Владимира Высоцкого», «Русский рэп как форма философии XXI века», «Традиции гротеска Салтыкова-Щедрина в творчестве Оксимилона» и др. И тот, и другой подходы объединены тем, что исследователи «додумывают» за авторов исследуемых ими текстов, «вписывают» в их тексты дополнительные смыслы, «усредняют» или, наоборот, обособляют их на фоне современников и современной исходникам культурной среды. И то, и другое –

недопустимые крайности, «Сцилла и Хорибда», между которыми нам необходимо пройти, исследуя такие персоналии, как А. А. Григорьев и Н. Н. Страхов, чьё творчество с одной стороны – является питательной средой для «консерваторов» от мира науки, с другой – источником вдохновения для условных «маргиналов» (хотя на самом деле – конъюнктурщиков), претендующих в своих изысканиях на «научность».

Предвосхищая разумный вопрос об источнике моего интереса к этой теме, сразу обозначу следующее. Пока на первый план исследователи выводят «достоевские» и «околодостоевские» дискурсы (в смысле и обозначаемых проблем, и формы их осмысления), в тени остаются не менее исторически-значимые фигуры и тексты. В числе таких – как раз А. А. Григорьев и Н. Н. Страхов. Выражая сложные, локальные и глобальные идеи во многом посредством иронии, они не вписываются в означенную выше «традицию», ломают консервативную картину восприятия того времени, но, вместе с тем, без них невозможно представить этот литературный процесс.

В настоящем исследовании я ставлю перед собой целью выявить и проанализировать особенности эпистемологического стиля Н.Н. Стрхова и А.А. Григорьева – своего рода речевой матрицы их мышления органического или понимающего, герменевтического типа. Основой для исследования послужила переписка А. А. Григорьева и Н. Н. Стрхова, изобилующая экспрессией, переплетением отвлечённых разговоров с обсуждением деталей частной жизни, ненаукообразным, неформальным выражением вполне сформированной концепции «органической критики», идеологии почвенничества, проникающей сквозь «гемато-энцефалический барьер» текста (условно – отделённого от жизни), и текста, составляющего жизнь.

Ранее мною уже предпринимались попытки исследования обозначенной переписки. В ходе этих попыток я описал стилистически выдающиеся фрагменты из писем А. А. Григорьева, которые можно типологизировать следующим образом:

по характеру иронии (а): возвышенная (1), сниженная (2)

Пример (a1): «А все сдается, что нужно это только до тех пор, пока новый могучий стих // Ударит по сердцам с неведомою силой // и повлечет за собою неистощимую жажду человеческого сердца... и опять туда же in das Idealen-Reich»

Пример (a2): «готов быть говночистом «Вестника»

Здесь примечательно, что для Григорьева не существует компромиссного решения для выражения своих мыслей и чувств, не существует банальной обывательской иронии: он или цитирует «Ответ анониму» Пушкина (это стихотворение Григорьев упоминает многократно в своих трудах, в частности в статье, посвящённой поэзии Некрасова), или в одном предложении называет творчество современников «малафьей, блевотиной и х*****и»;

по адресату (б): самоирония (1), ирония направленная на собеседника (2), ирония направленная на третьих лиц (3)

Пример (б1): «В эти две недели воспоследовали опять каинская тоска, приливы желчи и, стало быть... прилив служения Лиэю, не вредивший, однако, делу классов».

Пример (б2): «мой всепонимающий философ» [к Страхову]

Пример (б3): «А еще более омерзительное обвинение меня человеком серьезным, как Катков, в фальшивом поступке из-за его говёного перевода «Ромео и Юлии»?»

Обращу внимание, что тип (б3), в свою очередь, требует доработки в том смысле, что его необходимо дополнительно разветвить ввиду широкого диапазона интересов А. А. Григорьева, чья ирония была направлена на авторов прошлого и настоящего (современного ему), отечественных и зарубежных, а также на политиков, своих родственников и других людей, что выходит за рамки этого доклада и требует дополнительного основательного исследования;

по степени личной вовлеченности (в): «добрая», «лёгкая» ирония (в1) и озлобленная ирония (в2)

Пример (в1): «Кроме четверга, я занят во вся дни живота моего»

*Пример (в2): «Вот чего я не пойму и не могу до сих пор забыть, это – неудовольствие на меня редакции «Времени» за то, что я серьезным тоном говорил о направлении Мракобесия. Стало быть (для меня всегда все ставится в + а или -- а), она может вот этому б*****у тону сочувствовать? Да -- я не деятель, Федор Михайлович! (предполагаю, что и Вы будете читать это письмо) и, признаюсь Вам, я горжусь тем, что я не деятель в этой луже -- что я не могу пердеть в неё купно с Курочкиным...»*

Последняя цитата – яркая иллюстрация того, как недружелюбно воспринимали Григорьева в литературных кругах, и как он сам воспринимал эти круги, в каком-то смысле не низвергая, но уж точно, по выражению Ницше «надевая перчатки в присутствии» даже ставшего практически святым при жизни (а после смерти уж точно) Ф. М. Достоевского, который с высоты своих литературных и идеологических достижений всё же проявлял интерес к Григорьеву (раз Страхов показывал ему его письма) и даже пытался с ним сотрудничать;

по соотносённости с частной (г1) или литературной, общественной жизнью (г2).

*Пример (г1): «Достойная и добродетельная супруга моя прислала на меня к Безаку жалобу, и, по духу российского законодательства, я обязан высылать этой барыне на б****и и пьянство ее часть моего жалованья»*

Пример (г2): «Пока не пропердятся Добролюбовы, не прорыгаются Ерошки, не проблюются Минаевы и не продрачатся Кусковы,-- честному и уважающему свою мысль писателю нельзя обязательно литераторствовать. Негде!»

Представленные мною четыре (а, б, в, г) критерия типологизации иронии Григорьева не представляются мне исчерпывающими, но и их достаточно для того, чтобы понять, насколько с т.з. речи и мысли многогранен Григорьев, и что речь идёт не просто об иронии как значительного элемента его текстов (в широком смысле), а об иронических топосах (или, как их называет упомянутый мной переводчик А. Рене, мотивах). Я не случайно уже дважды в этой работе обратился к А. Рене. Мне видится, что его опыт работы над переводом последнего романа Джойса «На помине Финнеганов» как нельзя лучше подошёл бы для текстов А. А. Григорьева. Так Рене создал систему «мотивов» – повторяющихся слов, предложений и тем, которые в его случае подлежали единообразному переводу (в соответствии с избранной стратегией), а в нашем, как мне видится, подлежат единообразной трактовке.

На примере одного из малых топосов предлагаю вариант его оформления:

Мотив	Упоминаний	Текстов	Комментарий
киргизы	3	2 ¹	<p>«Лучше я буду киргизов обучать русской грамоте, чем...»</p> <p>В 1861-1862 А. А. Григорьев находился в «добровольной ссылке» в Оренбурге, где устроился «учителем словесности», в надежде поправить материальное положение. Именно в Оренбурге жизнь столкнула Г. с тяготами семейной жизни и быта, при том что сам О. был отвратителен Г. В это время киргизы составляли значительную часть населения О. и области, которая в административно-территориальном делении Российской империи с 1859 по 1868 гг. называлась «Область Оренбургских Киргизов»</p>
<p>1. Григорьев А. А. Сочинения в двух томах. Том второй. Статьи. Письма М., «Художественная литература», 1990 [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0450.shtml см. письма к Н. Н. Страхову №2 от 18 июня 1861 года и №6 от 12 декабря 1861 года.</p>			

Полагаю, что обстоятельное исследование творчества А. А. Григорьева, комплексный аналитико-герменевтический подход, позволит выявить такие «мотивы», систематизировать их, установить связи между ними, что, в свою очередь, даст нам возможность сделать более обоснованные выводы о его личности, творчестве и вкладе в отечественную культуру и науку.

Отдельно, в качестве постскриптума, хочу вернуться к своему прошлому выступлению, которое также касалось работы с перепиской Григорьева и Страхова. Мною был высказан следующий тезис: «И карнавализация, и смеховая культура, и особая ирония – значительные части

национального сознания, «национальной почвы», ровно как, для непосредственно русской культуры (по разным оценкам) – и обценная лексика, и «служение Лиэю». Этот тезис повлѣк за собой дискуссию о «русском мате», о том, что он значит для отечественной культуры и для конкретной переписки.

Как мне кажется, обильное использование Григорьевым мата говорит не столько о том, что он имеет широкий речевой диапазон, сколько о том, что он искренен в переписке со Страховым, которого он считал другом. Табуированность мата в 19 веке была значительнее, нежели в 20 и 21, поскольку тогда Россия ещё не вошла в процесс деклериализации, соответственно – существовало религиозное массовое сознание, которое традиционно приписывает обценной лексике некие мистические свойства. За этим следовала и даже передовая культура, и устоявшиеся общественные нормы, которые строго запрещали нецензурную брань при любых обстоятельствах. Поэтому только с очень близкими людьми, в узком кругу, в самой что ни на есть частной переписке А. А. Григорьев мог позволить себе использовать бранные слова.

Продолжая герменевтический опыт А. Блока в отношении А.А. Григорьева, уместным представляется именно разрушение «четвёртой стены» в литературно-философской критике А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова. И там, где мы видим мат, мы можем уверенно говорить о том, что эта «четвёртая стена» рушится, поскольку в контексте этой переписки обценная лексика тождественна реальным поступкам Григорьева, сумма которых, по Бродскому, составляет человека. Сквернословя, уходя в запой А. А. Григорьев (если судить в категориях М. Хайдеггера) – существует аутентично, а стало быть становится живым воплощением собственной философии, идеологии «органической критики».

Коровина О.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Пушкинская библиотека-музей ЦБС г. Белгорода (Белгород, Россия)

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ КРУГОЗОРЫ А.В. НИКИТЕНКО И Н.Н. СТРАХОВА (К ДНЕВНИКОВЫМ ЗАПИСЯМ И ПЕРЕПИСКАМ)

В статье сделана попытка рассмотреть взаимодействие цензора, профессора А.В. Никитенко и философа Н.Н. Страхова. Поводом к этому взаимодействию стала известная статья философа «Роковой вопрос». В своём дневнике А.В. Никитенко подробно описывает обращение к нему Страхова, просившего «совета и, по возможности, заступничества». Это обращение представляется не случайным, но обусловленным близостью литературно-философских и мировоззренческих взглядов двух значимых в интеллектуальной истории России фигур.

Принимая за основу мысль, высказанную М.М. Бахтиным: «Мировоззрение устроено и объединяет кругозор человека...», мы приходим к выводу, что кругозоры Никитенко и Страхова соотносимы в областях их взглядов на искусство, литературу, религию.

Кускова Л.Е.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)
Институт логики, когнитологии и развития личности (Москва, Россия)

ПЕРЕПИСКА Н.Н. СТРАХОВА И А.Г. ДОСТОЕВСКОЙ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Доклад подготовлен в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФ, № 23-28-01844 «Архив эпохи Н.Н. Страхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения»

В докладе впервые дается общая характеристика переписки Н.Н. Страхова с А.Г. Достоевской, практически неизвестная современным исследователям. Указываются возможные причины невнимания исследователей к этой части эпистолярного наследия жены Ф.М. Достоевского и его сотрудника и первого биографа; при этом уточняются некоторые предубеждения, связанные с публикацией известного письма Н.Н. Страхова Л.Н. Толстому, и теневым положением А.Г. Достоевской в современном достоевковедении. Между тем, А.Г. Достоевская, почти забытая фигура в среде достоевковедов, заслуживает особого внимания. Предварительное исследование диалогов Н.Н. Страхова и А.Г. Достоевской и иных материалов, опубликованных и архивных, все яснее показывает особое историческое и личное достоинство «жены писателя».

По мере подготовке доклада в архивах РГАЛИ и РГБ была выявлена многолетняя переписка А.Г. Достоевской с Н.Н. Страховым, охватывающая период с 1872 по 1895 гг. В фондах РГАЛИ было найдено 32 письма Анны Григорьевны в Николаю Николаевичу. В фондах отдела рукописей РГБ было найдено около 46 писем Н.Н. Страхова к А.Г. Достоевской. Письма эти относятся к периоду с 1874 по 1892 гг. Деловые смыслы переписки, как показывает исследование, сопрягаются с данными интимно-биографического характера, которые позволяют фактически уточнить тематико-смысловые структуры «сферы разговора» ближайшего собеседников Ф.М. Достоевского, обстоятельства подготовки к изданию первого собрания сочинений Ф.М. Достоевского; ценными являются письма, темой которых являются общие знакомые Анны Григорьевны и Николая Николаевича, семейные поездки Достоевских и т.п.

Уже предварительное исследование материалов переписки Н.Н. Стрхова и А.Г. Достоевской позволяет заключить о их особой ценности этих документов для дальнейшего изучения истории жизни и мышления крупнейших русских мыслителей-почвенников XIX в. – их диалогической почвы.

ГОВОРЯТ НАСТАВНИКИ – II
семинар-лаборатория с руководителями исследовательских проектов
(образовательный профиль НИУ «БелГУ» «История отечественной философии и культуры»)

Ольхов П.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)
Институт логики, когнитологии и развития личности (Москва, Россия)

РОБИНЗОНЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
(К ЗАПИСЯМ П.П. ПЕРЦЕВА О Н.Н. СТРАХОВЕ)

Доклад подготовлен в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФИ, № 23-28-01844 «Архив эпохи Н.Н. Стрхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения»

Каждый раз, когда приходит время определять темы исследовательских работ для нового поколения студентов, я оказываюсь в ситуации довольно мучительного выбора: какие русские мыслители станут, при моём участии, многолетними собеседниками новичков в философии, поведут их своим, особенным познавательным маршрутом? Критерии выбора множественны, но один остается неизменным – критерий *диалогической отваги*, готовности того или иного мыслителя действовать на *границах* своей *исторической сферы разговора*, не слишком беспокоясь о том, как он при этом выглядит, странным, старомодным или, напротив, слишком ярким, радикальным в опыте своего речевого мышления. Мастера сказать новое на старом языке, возобновить утраченное ради собственно мышления, стремящегося быть собою, прежде всего – искренним и ответным... Много ли таких? Увы, диалогически отважные малочисленны; чаще они предпочитают помалкивать; они дорожат словом другого и высказываются тогда, когда не говорить нельзя. И никто из них не легок для исследовательской обработки по неким индустриальным шаблонам; новичкам предстоит смириться с тем, что лучше избегать оценочных суждений и не стоит действовать с аналитической безоглядностью; уточняя основания и практики избранных мастеров речевого мышления, им придётся существенным образом отдать отчёт в собственных возможностях и предпосылках.

П.П. Перцев назвал русских мыслителей такой особенной нравственной складки *робинзонами* – не столько концептуальными странниками, сколько

отшельниками поневоле, умеющими отстаивать жизненность своего, ответного мышления в самых разных обстоятельствах. Ключевой здесь являются переписка П.П. Перцева с В.В. Розановым и, особенно, возникшее в связи с этой перепиской его поминальное слово о Н.Н. Страхове. Стилистически очерчивая образ жизни и мышления Н.Н. Страхова, Перцев писал о нём в 1916 году как о «Робинзоне подлинном и критике для взрослых» (в отличие от «своего рода швейцарского Робинзона – Н.А. Добролюбова, «критика для юношества»): «От природы это был именно “философ”, мыслитель, всего более “критик” и тонкий аналитик чужих идей, – без всякого активного действенного порыва в себе... Как заметил еще Тургенев, русский человек любит распекание – “точно горькой водки отведал”. Никакой такой горькой водки ни капли не было в распоряжении Страхова. Он предлагал рассуждать, разбирать вопросы, а не разрубать их («правильная постановка вопроса» – были его любимые и очень характерные для него слова)... В те реформаторские 60-70 годы, когда по преимуществу выступал Страхов, это было еще сугубо «не ко времени». Мудрено ли, что его почти не заметили среди- злободневной журнальной сутолоки тех лет, и даже личная дружба и глубокое уважение таких корифеев, как Достоевский, Лев Толстой, Фет не могли обратить к нему общественного внимания... Книжкой-невидимкой стал Страхов. При жизни он сам довольно аккуратно издавал свои книги. Двадцать лет прошло со дня его смерти, старые издания “прикончились”, а о новых ничего не слышно... «ничего неизвестно»» (Перцев П.П. Н.Н. Страхов (1896 – 24 января – 1916) // Новое время. 1916, 25 января (7 февраля). С. 4.).

Всякий раз, когда происходит переоткрытие трудов русских мыслителей, подобных Н.Н. Страхову, – последовательно ответного философского склада, важным оказывается понимание *поэтики речевого мышления* – творчески конкретного мастерства, исследования которого не слишком обременительны для тех, кого интересуется лаборатория – мастерская мышления, ангажированного общением. Такого рода исследования, стоит только к ним приступить, оказываются исключительно захватывающими даже для новичков. Стоит вникнуть в речевое мастерство, почувствовать себя своим в мастерской всецело речевого мышления Н.И. Надеждина, В.Ф. Одоевского, А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, В.В. Розанова, М.М. Бахтина, или Г.Г. Шпета... как уже и не оторваться.

Как распознаются такие мыслители? Стилистически – довольно легко: робинзонаду их мышления отличает особая **фактичность**, именно речевая *слаженность* и «неслыханная» (по слову Б.Л. Пастернака) *простота*... и часто с этим очень трудно соглашаются их противники, сторонники, или даже ученики! Как вы помните, наверное, история классической философии наполнена осложнениями – речевыми недоразумениями или, иначе, системно-формалистическими переопределениями опыта великих мыслителей, в опыте каждого из которых есть своя толика робинзонады. Достаточно раскрыть платоновские диалоги и вчитаться в них, чтобы увидеть, что Сократ, один из робинзонов мышления, никак не «до ужаса рационален» (А.Ф. Лосев), не поддается осложнениям со стороны системного

рационализма, а говорит и мыслит в доступном ему пределе речевой фактичности и простоты. Шокирующими и неудобными в этом отношении могут показаться не только «Менон», в котором для платоновского Сократа не имеет рационального исхода вопрос о добротности человеческого поведения (этому, как обнаруживается, нельзя научиться, или получить это в результате упражнений для манипуляций); удивить своей простотой может и «Государство», в котором диалектика оказывается техническим понятием по отношению диалогу как опыту совместного полагания смыслов; что уже говорить об «Ионе» или 7-м письме Дионисию, наполненными заботой о речевой фактичности человеческого понимания. Такие примеры легко умножаются при чтении трудов каждого крупного философа, оказывавшегося, по мере своего становления, в «диалогически-островном» положении – развившего в себе дар речевого «мышления на покаяние», в котором не было и не могло быть желания стать не собою, онеметь в некотором безлично-речевом всеобщем, или исполнять чужие познавательные задания (стать «материалистом» Демокритом» или «идеалистом Платоном, «метафизиком» Аристотелем, «эмпириком» Бэконом или «рационалистом» Декартом, «иррационалистом» Шопенгауэром и т.д.). Впрочем, великие мыслители – таланты исполнившиеся; их робинзоада для нас часто является биографически, как граничное исследовательское условие понимания их познавательной открытости и глубины. Я же говорю об особенных мыслителях, чья робинзоада в истории русской мысли не завершена и по сию пору – чье присутствие в истории русской мысли изрядно затемнено.

Самый яркий пример для нас здесь, в Белгороде, – судьба Н.Н. Страхова, «всепонимающего философа» (по ироническому замечанию его старшего товарища и во многом наставника А.А. Григорьева). Стоит открыть его тексты, и... можно не найти, что читать! Стилистически он именно робинзон, ясный и смелый собеседник, весьма и весьма желанный для знающих толк в речевых путях мышления, но совершенно темный в своей ясности, подозрительный для тех, кто хотел бы увидеть его из речевого далека, дематериализовать диалогизм его мышления – идентифицировать как мышление «славянофила», «гегельянца» и т.д. Между тем, в своей речи он – свободный консерватор, который, как он сам говорил, «никогда не становился под знамена» чужих речей, хотя и был на них весьма отзывчив, проницателен по отношению к ним. Это стоило порою немалых *жертв* – и это второй существенный, этический признак, по которым можно различить мыслителей последовательно диалогического, «робинзонного» сложения.

Жертвы Н.Н. Страхова – академическая карьера, которая между прочим была затруднена его позицией в зоологическом сообществе, в котором он отстаивал преимущества гомологического понимания анатомии млекопитающих»; другая, невольная жертва – журнал М.М. и Ф.М. Достоевских и, собственно, самого Н.Н. Страхова «Время», который был закрыт из-за цензурного недопонимания статьи «Роковой вопрос», диалогически отчетливой и – для тех, кто был вне разговора, –

несвоевременной. Характерны, вполне жертвенны рассуждения о дарвинизме, продолжительные полемики с В.С. Соловьевым, диалогические хождения в Ясную Поляну, к Л.Н. Толстому, которого он для многих в России критически открыл как искреннего и глубокомысленного писателя, чтимого собеседника, которому стоило возражать, и т.д. Жертвенен в опыте своего мышления Н.И. Надеждин, своего рода русский Артюр Рембо, – проживший две жизни, в каждой из которых была своя мера жертвы.... Кажется, я уйду в перечни!

Наконец, мышление русских робинзонов в философии часто опознается как *почвенное* – *ироничное* по отношению к «угрюмой серьёзности» мышления, стремящегося к абстрактной речевой однозначности, речевому самовозвеличиванию или безлично-речевому всепониманию. «Робинзоны» не говорят на языке вымышленном; речевая совместность мышления для них, мыслящих диалогически дозорно, – первая ценность, но именно такой язык, иронично чуткий, часто оказывается непризнанным и охватывается стилистическими сетями монологизма, мнимо-серьезными топосами «иног бытия». Ироничное почвенное мышление совершается, как заметил Н.Н. Страхов, «без свиста» – оказывается весьма чутким в *онтологическом* отношении: оно укоренено в некоторой абсолютной ценности смыслов, прообразующих мышление, – их событийной непреложности. Нельзя вывести мысль за пределы события мышления, но эта событийность не принадлежит самому мышлению и не управляется им, не исчерпывается познавательно – является его жизненной характеристикой, неподрастным ценностным пределом мышления почвенно речевого и иронически адекватного.

Самое последнее, что я считаю наставнически важным: русские, диалогически отважные мыслители, менее всего доступны через этнографическое описание; их мышление не является аборигенным, самодумным или засмысленным (в рамках неких автономных русских умонастроений). С точностью до наоборот: когда Ф.Д. Достоевский пишет о необходимости «стать русским, во-первых, и прежде всего», он пишет сравнительно; стать собою, русским, можно, вступая в диалог со своим другим, «французом», «немцем» или «англичанином». Мыслить диалогически отважно в России означает – откликнуться понимающим образом, стать просвещенным другим мышлению древних или новых, высказывавшихся со своего жизненного места, из своей культурно-исторической определенности. История таких откликов далеко еще не написана. В.К. Тредиаковский и его древнеримские авторитеты и французские современники; М.В. Ломоносов и пиетист Христиан Вольф; Платон и Надеждин; Декарт, Кант, Гегель, Шопенгауэр и – Страхов; Гёте, Новалис, Шеллинг и Одоевский, Григорьев... А не похожий ни на кого Т. Карлейль, которым когда-то широко увлеклись и спустя считанные десятилетия массово забыли? А диалогически инициативное русское музыкальное мышление, от М.И. Глинки до П.И. Чайковского, Модеста Петровича Мусоргского, Николая Александровича Римского-Корсакова,

Александра Николаевича Скрябина и Сергея Васильевича Рахманинова? Наше исследовательское участие в диалогической истории русской мысли только разгорается, и здесь, на мой взгляд, еще многое предстоит – и неожиданное, и захватывающее, и полезное, – разумеется, для тех, кто осознает себя и свою интеллектуальную родину ненаивно, обстоятельно, – словом, с жизненной последовательностью.

Липич Т.И.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

**РОМАНТИКИ ПРОШЛЫХ СТОЛЕТИЙ
(ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ДИАЛОГИ
В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.)**

Известно, что ни одна национальная культура не развивалась и не развивается изолированно от других культур и не замыкается только на самой себе. Литературно-философские связи русских поэтов с западноевропейской культурой I половины XIX века сегодня рассматриваются с особым вниманием. Для русских романтиков философия постепенно становилась героиней поэзии. Это положение было главным отличием русских романтиков от немецких. Диалогические связи России и Запада, прослеживаются уже в творчестве таких русских поэтов-романтиков, как А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Д.В. Веневитинова, Ф.И. Тютчева и других.

М.М. Бахтин в свое время отмечал: «Каждая мысль с самого начала ощущает себя репликой незавершенного диалога..., живет на грани с чужой мыслью, с чужим сознанием» [1, с.55-56]. Это в полной мере относится к диалогу двух культур России и Германии. Этот диалог способствовал возникновению и распространению литературно-философского романтизма. Литературно-философский романтизм представляет собой сложный, исторически и культурно-идеологически обусловленный, коммуникативный мировоззренческий феномен, порождающий систему литературно-эстетических и литературно-философских текстов и контекстов, обладающих связанностью и целесообразностью, в которых соединены принципы художественно-образного (нарративного) и философско-рефлексивного познания и осмысления мира и человека в различных языковых, творческих и коммуникативных практиках. Особенно такой тип романтизма проявился в нефилософской среде, прежде всего, в русской литературе.

Бесспорен тот факт, что мощное начало в литературе было положено в I половине XIX века, это начало во многом может быть охарактеризовано как романтическое мировосприятие. В чем же особенности этого мироощущения на русской почве? Чем можно объяснить взлет художественного творчества именно в этот период? Каковы контексты этой эпохи? Литература в XIX веке была умом, честью и совестью русской жизни,

как совершенно справедливо отмечает Г.Д. Гачев. Почему же именно литература стала играть такую огромную роль в становлении и развитии русской культуры в I половине XIX века?

На наш взгляд, одной из определяющих причин явилась оплодотворенность русской литературы философскими идеями, выраженными в немецкой классической философии. Известно, что культура России I половины XIX века характеризуется особым интересом и отношением к немецкой классической философии в лице Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и многочисленных их учеников и последователей. Немецкая философия присутствует во всех областях культурной и духовной жизни России.

Русский литературно-философский романтизм явился и началом, и результатом культурного диалога России и Запада, он положил начало глубокому, творческому диалогу равноправных культур, а литература и философия стали приобретать в этом диалоге ключевую роль. Только в тесном союзе философии и литературы происходило развитие, углубление поисков «всеобщей истины». Их взаимодействие осуществлялось по принципу дополняемости. Но как только такой союз начинал ослабевать, то начинали сходить на нет и духовные поиски истины, на место которой выдвигался утилитаризм и меркантилизм «массовой культуры», её эрзац-ценности.

Можно сказать, что взлет русской литературы был предопределен во многом начавшимся культурным диалогом с Западом, был связан с творческой переработкой, переосмыслением и реинтерпретацией идей немецкой классической философии.

В русской поэзии и прозе многие авторы обращаются к исследованию глубины человеческого бытия как при помощи веры, так и при помощи разума, вследствие чего их произведения можно назвать «философскими». На основании этого формируется художественное сознание русских поэтов-романтиков, чье творчество было примером и разновидностью уже сформировавшегося в России литературно-философского романтизма.

Русская литература смогла схватить, отрефлексировать идеи немецкой классической философии прежде всего потому, что русское мировоззрение было к этому подготовлено русским православием.

Подъем русской культуры проявился в этот период в стремлении познать христианского бога философски, что способствовало стремлению к познанию самих себя. И если Германия в начале XIX века вырабатывала диалектику мысли, как универсальную форму духовно-теоретического освоения бытия, то в России начинался процесс формирования диалектики души, как конкретно-всеобщего свойства русского духовного освоения бытия, как высшего соотношения художественной и рассудочно-логической мысли. Русские писатели, фигурально говоря, дышали философским воздухом эпохи, поэтому их поэтическая мысль выполняла ту же роль, что и философская. «Философский пафос», «философский настрой» в русской литературе были основополагающими. Русские писатели в рамках своего

художественного сознания демонстрировали глубокие философские размышления.

Русская философская поэзия являлась своеобразным философским осмыслением и проникновением в глубины этого бытия, поэтому, ее в России необходимо рассматривать как особую форму литературно-философского романтизма, как один из истоков отечественной мысли, как равноправную с теоретической философской мыслью форму познания сущности бытия, и, прежде всего человека, а также как сферу духовной культуры, объединяющую философские идеи с индивидуальным духовным миром человека, его мироощущением.

Общей отличительной особенностью романтической философской поэзии является, прежде всего, рассмотрение общемировоззренческих вопросов через призму художественной интуиции. Это проявляется в том, что, во-первых, традиционная для литературы тема «человек и природа» преобразовывается в философской поэзии в более широкую – «человек и мир, человек и космос». Во-вторых, большое внимание уделяется осознанию проблемы человека, как частички мироздания и её связи с вечностью. В-третьих, очень важным в освещении таких мировоззренческих вопросов является религиозно-философский аспект: соотношение знания и веры, познаваемости мира, основ нравственности, вопрос о деянии и воздаянии, о границах свободы духа, о смертности и бессмертии человека. В-четвертых, философская поэзия могла в концентрированной форме выражать сущность эпохи, её философию истории. Как справедливо отмечает И.Н. Сиземская, «поэт умеет в частных явлениях увидеть знаки общей сущности, он умеет читать эти знаки и понимать их смысл, выразить их на «крыльях поэтического вдохновения» [2, с. 8].

Ярким представителем философской поэзии, школы «поэзии мысли» был Д. Веневитинов. В. Белинский считал Д. Веневитинова выдающимся явлением «мрачной эпохи». В. Зеньковский охарактеризовал его творчество как «внутреннее единство чувства и мысли», которое было у него по-настоящему глубоким. С Д. Веневитинова и Любомудров начинается, как мы уже отмечали, интенсивное освоение достижений немецкой классической философии и в первую очередь Шеллинга. При этом необходимо также отметить, что для Любомудров Шеллинг был первым философом, провозгласившим эстетическую сферу жизни одной из главных. Шеллингианская натурфилософия, которую еще называли «мифологией природы», являла собой картину вечного самодвижения жизни, связи всех явлений и сложнейшей борьбы противоречий и потому стала для Любомудров почти неисчерпаемым источником поэтических образов.

Не зря же И. Киреевский в свое время писал, что природа для них является способом иносказания. Веневитинов считал, что познать тайны природы может только поэт, так как саморазвитие природы совпадает с движением поэтического сознания, романтическая диалектика природы сливается с поэзией. У Д. Веневитинова мы видим своеобразный подход: сначала нужно создать национальную философию, а потом уже на её основе

строить свою собственную культуру, в том числе и философскую поэзию, где будет место и разуму, и чувствам.

Другим ярким представителем «поэзии мысли» был Е.А. Боратынский, который близко сходится в начале 30-х годов с любомудрами, И. Киреевским, В. Одоевским и А. Хомяковым. Характеризуя Боратынского, Пушкин, а вслед за ним и Белинский, отмечали, что он принадлежит к числу самых лучших поэтов эпохи, его стихи весьма оригинальны, так как он самостоятельно мыслит, а чувствует глубоко и сильно. Е. Боратынский разделял увлечение любомудров шеллингианством. Так же как и многие любомудры, Е. Боратынский принимает позицию резкой критики современной ему западной цивилизации, культуры, с её пренебрежением духовными ценностями. Поэт говорит о надвигающейся гибели всего человечества.

Творческая мысль Е. Боратынского была направлена в будущее, в отличие от немецких романтиков, устремляющих свой взгляд в прошлое. Он верил, как и славянофилы, в будущее России, считая, что его у неё больше, чем у кого бы то ни было. В его творчестве личное тесно переплетается с общественным. Так же, как и у других русских романтиков, у Боратынского прослеживается глубокая мысль об основах мироздания и откровениях человеческой души. В то время, когда в России складывалась своя национальная философия, что очень тонко почувствовал Е. Боратынский, им была высказана глубокая и вызывающая национальную гордость мысль: «Русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить» [3, с.351].

Большой вклад в разработку поэтического литературно-философского мировоззрения внес Ф.И. Тютчев. Его романтическая поэзия вобрала все основные характеристики русского романтизма, начиная с В.А. Жуковского и К.Н. Батюшкова. Тютчев долгие годы прожил в Германии, поэтому не испытывать на себе влияние немецкой культуры, в частности, Шеллинга, с которым был лично знаком, естественно, не мог. Поэзия Ф. Тютчева – это не вариации на тему шеллингианской философии. Вместе с тем, философская поэзия Ф. Тютчева глубоко национальна и самобытна, несмотря на то, что она принадлежит к так называемой «немецкой школе». Исходя из этого, мы вправе сказать, что Ф. Тютчев вел плодотворный критический диалог с немецкой идеалистической философией. Это способствовало формированию у Ф. Тютчева ряда концептов понимания мира, в которые включалась вся вселенная в её пространственно-временной бесконечности. Эта бесконечность носила у Тютчева замкнутый характер.

Ф.М. Тютчев, как и другие русские романтики, выделил в философии Шеллинга ряд идей, которые были созвучны его мировоззрению: это идея тождества противоположностей, которая воплощается у него в творческом воображении, в мечте. Поэтому-то так притягателен для Ф. Тютчева и романтиков мир грез, воображаемый мир художественных образов. Идея Шеллинга о духовности природы реализуется у романтиков, в том числе и у Ф. Тютчева, в идею абсолютного совершенства, величия природы, которую

познавать может только художник, отсюда абсолютизация роли художника, поэта. Эти общие идеи преломлялись в его поэтическом литературно-философском сознании в виде системы смыслов, выраженных в бинарных смыслообразях, которые представляют собой в духовной форме соединение понятийного и образного содержания, каждый из которых являлся своим «инобытием», своим «другим»: бытие – небытие, бытие – хаос, природа – человек, жизнь – смерть, день – ночь. Смыслообразы, как особый тип обобщений, такие как мир, вся действительность у Тютчева имели своё двойное воплощение, так как есть бытие действительности, а есть духовное бытие, поэтому природа у него в своей основе духовна, и эта духовность вполне реальна.

Таким образом, Ф. Тютчев, славянофилы, и вся русская «философская поэзия» как явления русской культуры возникли не потому, что в Германии романтиками и Шеллингом были провозглашены эти идеи, а в силу самостоятельного внутреннего развития русской культуры, хотя и Шеллинг, и Гегель, и немецкие романтики во многом стимулировали, ускоряли её развитие, служили неким катализатором её бурного движения.

Исходя из этого, можно сделать следующие выводы: русский литературно-философский романтизм формировался в результате критического диалога культур России и Германии. В художественном сознании русских поэтов-романтиков формировались новые смыслообразы самоидентификации личности, национального характера искусства. В русской культуре поиски «всеобщей истины» осуществлялись в рамках поэтико-эстетически-философского мировоззрения и связаны были с реинтерпретацией философско-эстетических идей немецкой классической философии в творчестве поэтов-романтиков [4, с.5-14].

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин – М. 1963. - С. 55 - 56.
2. Поэзия как жанр русской философии: Антология {Текст} / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии; Сост. И.Н. Сиземская. - М., 2007. - С. 8.
3. Боратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. / Е.А. Боратынский. - М., ГИХЛ, 1951- - С. 351.
4. Использованы материалы статьи Липич Т.И. Диалог с Западом в русском литературно-философском романтизме // Научные ведомости НИУ «БелГУ». – Серия «Философия. Социология. Право». – 2014. – 22(193). – Вып. 30. – С. 5-14.

Мотовникова Е.Н.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

МЫСЛИТЬ ОРГАНИЧЕСКИ: ОПЫТ Н.Н. СТРАХОВА И ЕГО ВЕЛИКИХ РУССКИХ СОБЕСЕДНИКОВ

Мыслить органически значит, прежде всего, мыслить из собственной личностной природы и из своего призвания: в контексте своей судьбы в культуре, в круге собеседников и заданных жизнью тем и проблем. Философское органическое мышление предполагает не только реализацию этой природной личностной устремленности, но и рефлексивный самоотчет в ней, осознанный выбор инструментов мышления.

Наставничество в философии весьма многообразно по стратегиям и техникам, и каждый научный руководитель своеобразен и неповторим. Однако есть и общие ориентации, педагогические традиции. Моя традиция – педагогика развития, в которой задача наставника состоит в том, чтобы помогать начинающему исследователю в его самостоятельном поиске: не направлять, не подгонять, а лишь подсказывать в ситуациях затруднений, какой мне известен опыт разрешения подобных проблем.

На излёте постмодернистского карнавала возрождается тяга к серьезности, к полноценной ответственности слова и мысли. В научно-исследовательской работе эта ответственность охватывает всё теоретико-методологическое поле, от постановки проблемы, до формы представления своих результатов в публикациях и выступлениях. Моя роль наставника, как я ее вижу и стараюсь исполнять, заключается в том, чтобы стимулировать эту ответственность в работе с предметом, свободно выбранным студентом. Максимально полно осознать и предмет, и свой выбор, и меру сил в реализации своего познавательного интереса, задать посильные вопросы и найти значимые ответы – в этом я могу помочь, опираясь на исходную любознательность и базовые логические навыки.

Постижение логики и смысла: в этом направлении мы следуем традиции русского философского рационализма и традиции понимания – текста, человека, народа, природы, мира... В золотом девятнадцатом веке русской культуры хранится неисчерпаемый клад произведений философской литературы (философско-научной, философско-художественной, философско-публицистической), изучение которых – такова коллективная позиция нашей кафедры – максимально продуктивно для развития самостоятельного, творческого мышления наших студентов в диалоге с лучшими мастерами русского слова и универсальной философской мысли. Мыслить органически = мыслить исторично, учиться выявлять точки зрения и поля аргументации, дистанции временные и смысловые, вникать в чужие идеи и устремления, лучше понимая при этом свои собственные основания и устои. Такова программа студенческих исследований, как я их понимаю и как стараюсь их направлять в рамках своего научного руководства.

Чистякова Е.Ю.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)
Институт логики, когнитологии и развития личности (Москва, Россия)

**НАУКА-ДЛЯ ИЛИ НАУКА-ВМЕСТЕ?
СУБОРДИНАТИВНЫЕ НАЧАЛА ГЕРМЕНЕВТИКИ
РУССКОГО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Доклад подготовлен в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФИ, № 23-28-01844 «Архив эпохи Н.Н. Страхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения»

Проблема обучения естественным наукам достаточно остро стояла в российском обществе XVIII-XIX вв. в силу «отстающего» характера школьного образования. Система общего образования в Российской Империи сформировалась достаточно поздно, под конец XVIII века, а естественные науки были введены в гимназический курс лишь в середине XIX века. В связи с этим особого внимания требуют те педагогические новации и практики, которые применяли учителя-философы герменевтического склада, а именно: А.Т. Болотов (1738-1833) и Н.Н. Страхов (1828-1896). Педагогические взгляды их довольно близки по духу. Оба автора отличаются энциклопедичностью своих интересов, опытами в литературе и философии, каждый из них придавал большое значение вере, и вместе с тем, оба мыслителя отличились на поприще естествознания.

А.Т. Болотов в большей степени признан как писатель и ученый, а вот педагогические и философские его работы до сих пор мало осмыслены. Одна из центральных работ Болотова «Детская философия или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» является первой по философии для детей в России. Первая часть «Детской философии» А.Т. Болотова выходит у Н.И. Новикова в издательстве в 1776 г., а вторая – в 1779 г. В 2012 году усилиями Т. В. Артемьевой и М. И. Микешина было подготовлено ее переиздание (первый и единственный раз работа издавалась в 1776 году).

Опубликованные книги посвящены познанию Бога и общему устройству мира. Болотовым было написано семь частей «Детской философии». В рукописном отделе РГБ мне удалось познакомиться с шестой частью, в которой продолжается начатое в предыдущей части обучение естествознанию. Я бы хотела охарактеризовать общую методiku этой части «Детской философии», принимая в расчет, что Болотов был не только теоретиком, но и практиком, известны его крупные открытия в агрономии и помологии, ботанике и лесоводстве. Его научные статьи собраны в журнале «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий,

отзывов, открытий, наставлений, записок и советов», выходявшем приложением к «Московским ведомостям» Н.И. Новикова.

Общий план обучения детей естественным наукам можно найти в VII части «Детской философии» (начало 1780х), где Госпожа Ц*** рассказывает своим гостям, желающим посмотреть на ее беседы, причину своего затруднения: «...начала я детям преподавать физику. Я соблюдала при том особый порядок. Ибо, сообразуясь с летами детей моих и в незрелом их еще разуме старалась располагать все так, что им могло быть приятно, избегала, напротив того, всего того, что бы могло нагнать на них скуку. Для сей причины и начала я физику мою тем, чем иные ее оканчивают. Материя астрономическая показалась мне к тому наиспособнейшей. Я судила, что величина планет и ужасная громада здания мира наиспособнее может детей привести в удивление и заохотить их дальнейшему слушанию и в том не обманулась. Они прельстились его и получили к физике великую склонность. Пробежавши вскользь все, что в физической астрономии, сначала приступила я от величайших тел до самомельчайших, то есть до самых атомов или несложных частичек и заставила детей столько дивиться их мализне, сколько дивились они пред величиной тел. Сия материя была им не менее любопытна. После сего надобно мне было спознакомить их с общими свойствами тел натуральных. И как материя сия тонкая то была, я в не меньшем нестроении мысли как и теперь и не надеялась в том иметь успех желаемый. Однако по счастью удалось мне пройти сей скучный период не только нечувствительным, но еще для них приятным образом. После того нетрудно мне было приступить к изъяснению им стихий, а потом и метеоров. Все материи об них неотменно должныствовали быть для них веселы, приятны и удобопонятны. Они слушали их с величайшим любопытством и я не могла на них ни в чем жаловаться. Но теперь сии приятные материи кончились и приезд ваш застал нас при самом окончании материи о метеорах, а меня не согласившуюся еще в мыслях о том, чтобы и о чем им теперь говорить и не приведшей мыслью моих нимало еще в порядок. Вы знаете, что за метеорами следует в физике обыкновенно материя о здании мира. Но вы слышали, что я о том говорила уже прежде, а за ней материя о минералах, произрастениях и животных, а сия то материя меня немного тревожит» (Болотов А.Т. Детская философия, часть VII ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) Ф. 537 А.Т. Болотов, ед.хр. 20)

А.Т. Болотов и в первой части «Детской философии» пишет о принципах гуманной педагогики. Дидактика «Детской философии» идет не от простого к сложному, а от самого важного, к менее значимому. «Детская философия» ставит перед собой цель дать полную картину мира через «познание Бога, мира и человека». Болотов подробно и доходчиво объясняет устами просвещенной Госпожи Ц*** многие трудные для восприятия темы. Он демонстрирует в первой части необходимую при обучении установку на диалог: беседы будут проходить по желанию детей и с желанной же продолжительностью, более того, необходима ответная реакция детей в виде проявления непонимания и вопросов. Ярко выражен практический,

наглядный подход в обучении Госпожи Ц***, беседы будут проходить на открытом воздухе, в саду во время прогулок. Объясняя особенности своего подхода к обучению, мать не только настраивает детей на усвоение знаний, но и подогревает их любопытство, она обещает, что учение будет не трудным, а веселым. Таким образом, формируется живая заинтересованность детей в обучении: «План намерения моего не дозволяет мне трактовать сии материи детям мои так, как они трактуются обыкновенно в физиках. Тут говорить об них как вы сами знаете, коротко, а мне хотелось бы немного попросторнее. Для того, что мне хотелось бы при сем как наипоспособнейшем к тому случае подать им и обо всей натуральной истории хотя бы маленькое понятие и спознакомить их хоть вскользь с сею полезной и надобною наукой <...> порядок велел начинать теперь с минералов, но вы знаете какова сия часть натуральной истории. Не скучнее она обоих прочих? Не такова ли, которая всего скорее может нагнать на детей скуку и заставить вместо любопытного слушания зевать и слушать с небрежением?»

Н.Н. Страхов так же большое внимание уделял естествознанию, методологии науки. Самой известной его книгой по этой тематике является «Мир как целое». Вместе с тем, Страхов активно интересовался проблемой образования, редактировал и публиковал «Азбуку» Л.Н. Толстого, высоко оценивал его деятельность в Яснополянской школе и педагогические воззрения. Так же он всячески заступался за Толстого, когда критики разгромили Азбуку 1872 года.

Н.Н. Страхов имел существенный педагогический опыт преподавания естественной истории во 2-й Санкт-Петербургской гимназии 1852 по 1861. Период активных научных изысканий Н.Н. Страхова в области зоологии совпадает с периодом работы в гимназии, что делает особо актуальными его статьи о естественнонаучном образовании.

Первая статья «Естественные науки как предмет общего образования» выходит в 1861 году в «Отечественных записках» (Естественные науки как предмет общего образования / Н. Страхов // Отечественные записки. 1861. № 2. С. 301-324.). Страхов отмечает, что в гимназическом курсе естественной истории стоит преподавать начала, общие положения, систему, а не разрозненные факты, поскольку все в природе связано. Страхов полагает, что изложение голых фактов в учебниках совершенно бессмысленно и вредно, дает ложное представление и путает читателей. Естественные науки, прежде всего, являются науками и поэтому руководствуются теоретическим интересом и стремлением объяснить явления, исходя из общих начал. Всем наукам свойственно стремление понять существующее с помощью правильной умственной деятельности. Н.Н. Страхов отмечает, что в результате познания природы с помощью естественных наук, наступает момент эстетического сближения с ней. Для детей, которым предлагают изучать естественную историю в гимназии, эстетический интерес к природе имеет большое значение, так как абстрактное мышление у них еще не развито. Методологически этот интерес детей можно поддержать художественными

(а не словесными) изображениями животных, далеких стран и растений. Художественно должны быть составлены и рассказы о животных. Страхов полагает, что эстетическое отношение к природе древнее науки и должно быть свойственно каждому образованному человеку. Образованный человек должен не только знать факт, но и понимать его значение. Эстетический подход к природе нужно строго отличать от научного, чтобы их приемы были точнее. Подводя итог, Страхов отмечает тройкий интерес естественных наук: они полезны в практике, отвечают теоретическим потребностям ума и питают эстетические чувства. В первом смысле они не могут быть предметом общего образования, потому что не несут конкретной пользы. Во втором и третьем смыслах они как раз становятся предметом общего образования. Разделяя три этих интереса, можно дать естественным наукам справедливое место в общем образовании. Учащимся следует давать самые строгие методы и глубокие взгляды, а не голые факты.

Вторая статья «Естественные науки и общее образование» выходит в 1864 году в журнале братьев Достоевских «Эпоха» (Естественные науки и общее образование / Н. Страхов // Эпоха. 1864. № 7. С. 1-32). Здесь Страхов отмечает, что необходимо соотносить с возрастом детей предметы общего образования. Детская литература и учебники стремятся приспособить для детского восприятия то, что в полной мере понятно только взрослому человеку. В систему общего образования должны войти только некоторые, пригодные для этих целей предметы, имеющие образовательное влияние на ум учащихся, закладывающие основы их правильного развития. На этом основании к общеобразовательным предметам причисляются математика и чужие языки (греческий и латинский). Математика предоставляет возможность упражнения, то есть умственной деятельности, а не простого восприятия и запоминания, иными словами, предполагает активную деятельность ума, а не пассивную. Так же пригодны для общего образования и естественные науки (описательные и органические), которые обладают простым и строгим методом, заключающемся в сравнении и группировке явлений. Естественные науки противоположны догматическому стилю мышления, они постепенно образуют новые понятия, пригодные для изучаемых предметов. Изучение естественной истории начинается с элементарных основ в любом возрасте, поэтому она не может быть как-то дополнительно упрощена для детей. Следовательно, дети изучают настоящую науку во всей ее полноте, а не в сокращенном или урезанном виде. Как математика и языки, естественные науки трудны, но зато им можно в полной мере научиться. Страхов противопоставляет их русской словесности и истории, в которых возможны разные степени понимания и делаются снисхождения со стороны преподавателей. Подобно математике и языкам, они являются отвлеченным от жизни предметом и требуют упражнений. По наблюдению Страхова, детей с пробуждающимся умом очень увлекает естественная история. Изучать историю, географию, словесность, как и все, что касается форм человеческой жизни, удобнее и интереснее, в более взрослом возрасте, когда человек достаточно развился

и вступил в практическое отношение к жизни. Тем же, кто не изучал языков, математику и естественную историю в школе, труднее их изучить в зрелом возрасте. В то время, как полное понимание истории может быть достигнуто не в детском, а во взрослом возрасте. Еще один аргумент в пользу изучения естественных наук в узком смысле слова – они являются науками о внешнем, об объективном, учат видеть природу не как грубый механизм, а как «сферу явлений, исполненных жизни и глубокой самостоятельности».

Таким образом, А.Т. Болотов и Н.Н. Страхов мыслят в духе понимающей педагогической традиции или гуманной педагогики. Оба автора стремятся подобрать подходящий для обучения материал, придерживаются принципа наглядности, доступности и пользы. Андрей Тимофеевич в первую очередь торопится дать знания о том, как устроить счастливую жизнь, а затем вносит упрощающие коррективы в общий курс натурфилософии, как она преподавалась в образованном обществе конца XVIII века. Николай Николаевич стремится развить мышление вверенных ему гимназистов, творчески относясь к образовательному процессу и уделяя особое внимание в курсе естественной истории химии и биологии. Каждый выстраивал диалогические отношения с детьми, желая помочь им достичь благополучия в жизни, такого, как его понимал сам автор.

Новак М.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: МЕТАСЕМАНТИКА ЦЕНТОНОВ

Современные исследователи, занимающиеся проблематикой Постмодерна раскрывают одну из главных сущностей этого явления – постоянное копирование, использование элементов прошлых культур. Однако, в визуальной культуре советского времени, отнюдь не принадлежащей Постмодерну, также можно заметить центонизацию, или использование заранее известных элементов.

Центон – стихотворение, целиком составленное из строк других стихотворений (http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_22_468). Его можно представить некой литературной игрой.

Известны античные центоны Аристофана, Вергилия, Овидия, Лукана, Авсония.

Своего рода «перерождение», взлёт популярности центон пережил в «эпоху Постмодерна».

Если говорить об отечественной визуальной культуре – примеры можно найти в мультипликации и кино, когда в новый фильм могли быть вставлены элементы из ранее созданных советских фильмов или из зарубежного кинематографа. Возможно, этот приём выполнял несколько

задач: служил комическим моментом (мультфильм «Возвращение блудного попугая» – пародии попугая на передачи ТВ; «Анискин и Фантомас» – обращение к истории популярности французского кинематографа в СССР на тот момент времени).

Центон отдавал дань уважения кинематографу прошлого (в мультфильмах «Карлсон вернулся!» – узнаваемые элементы из фильма «Весна»; в мультфильме «Старая пластинка» – прозвучала песня «Сердце» из кинофильма «Весёлые ребята», что не является элементом визуальной культуры, но приводит зрителя к воспоминанию о фильме).

Он являлся приметой авторского стиля того или иного режиссёра (у Л.Гайдая – чёрная кошка и у Э.Рязанова – спящий персонаж);

Центон – это попытка подражать западной культуре (появление первых мюзиклов – «Мама» и т.д.). Иногда в советском кинематографе это было сознательное «копирование» заграницы с целью создать узнаваемый образ той или иной страны (например, сцены из многосерийного художественного фильма «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона», а также детского фильма «Мери Поппинс, до свидания» изобилуют стереотипами об английской культуре, выраженными в вещах, обстановке – газеты, чай, клетчатая ткань, камин. Ещё долго этот визуальный код будет существовать в отечественном кинематографе). Наиболее явный визуально-литературный центон – это фрагмент фильма «Иван Васильевич меняет профессию», где герой Л. Куравлёва говорит «Храните деньги в сберегательной кассе», подражая рекламе. Есть и другие центоны, которые становятся визуальными, «материализуясь» из фраз, выражений, образов.

В фильме «Здравствуй, я Ваша тётя!» присутствуют множественные конфликты между персонажами истории. Вне конфликтов только английский дворецкий (как ни был бы оригинален в своём образе В. Гафт, всё-таки дворецкий – своего рода тоже центон). Он «прочная ось» этого дома, вокруг него всё вертится и только потому дом ещё не развалился. Постоянная круговерть внутри дома символически выражена образом чучел мартышек и фразой «Я из Бразилии... где много-много диких обезьян...». Таким образом, суэта была «импортирована» в этот строгий английский дом из экзотической страны кричащих попугаев, грозящих загадочно пальмовой веточкой, карнавалов, бодрящего кофе, буйной сельвы.

Шкура белого медведя тоже относит нас к идее земной оси, которая тоже «вертится». Отдадим дань «Кавказской пленнице» в этом случае. Возможно, фильм вступает в диалог с предыдущим наследием советского кинематографа.

Ещё одним центоном явилась песня из спектакля по пьесе венгерского драматурга М. Дьярфаша «Лазейка», (реж. М. Захаров и А. Ширвиндт). Песня из спектакля «Проснись и пой» звучала и в фильме «Джентльмены удачи».

Мультфильм «Ну, погоди» пародирует не единожды музыкальную культуру 60-х – 70-х – это и Р. Лоретти, и выступления А. Пугачёвой («Айсберг», «Миллион алых роз»), И. Кио (вспомним, что мультфильм был создан в брежневскую эпоху, возможно, это своеобразная улыбка в сторону

власти) творчество многих музыкальных групп, как зарубежных, так и советских («Песняры»), использовались спортивный марш, «Калинка» и пр.

Нередко в фильмах повторялся образ героини – женщины смелой, экзотической профессии или становящейся такой – «Укротительница тигров», «3+2», «Полосатый рейс». Фильм «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещён» долго вызывал подозрение художественных советов за угадывающуюся центонизацию.

Все это даёт возможность сравнивать цитирование, копирование культуры прошлого в стилистике Постмодерна и центонизацию в советской визуальной культуре. Следует признать, что советский кинематограф широко и успешно пользовался центонизацией.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ III

Жилина М.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ДРЕВНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ЕГИПЕТ В РУССКОЯЗЫЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТЫ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ 2000-2023 ГГ.)

Древний Египет – территория культуры, которая на протяжении тысячелетий испытывает внимание со стороны исследователей разных познавательных установок и традиций. Особое, антропологическое внимание древнеегипетской культуре уделялось в истории русской мысли XIX-XX вв. Цель моего доклада заключается в том, чтобы систематическим образом представить базовые культурологические ориентации (предметные области) современной отечественной египтологии, соблюдая некоторое информационное равноправие – принимая во внимание все публикации, которые проявились в российском академическом пространстве XXI столетия.

Исследование отечественных публикаций, посвященных культуре Древнего и современного Египта за 2000-2023 гг., позволяет выделить четыре основных предметных области: Религия, Традиции, Искусство и наука, Положение женщины.

В российских исследованиях превалируют работы, касающиеся *религиозной тематики* (Табл. 1, 3). В общем виде можно сказать, что часто рассматриваются вопросы об архетипических началах древнеегипетского мировоззренческого опыта, его ценностных ориентирах и общие представления о мироздании [3, с. 26-54]. Изучается египетская книга Мёртвых, как древнейший письменный монумент Египта [2, с. 185-195]. Исследуются культовые и религиозные праздничные дни в бытии сообщества Древнего Египта, их взаимосвязь с аграрным циклом и разнообразными явлениями природного характера, соответствие

праздничных дней, торжеств и событий с космогоническими мифами египтян, вместе с их представлениями в отношении роли и значимости богов, усопших праотцов в земной и загробной жизни [36, с. 156-162]. Не менее значимой темой является характерология культа «Маат», который имел отчетливо очерченный комплекс из трех главных значений: «миропорядок», «справедливость» и «истина», и специфику этого культа, через образ Жены Премудрости [1, с. 11-27]. Большая часть работ затрагивающих вероисповедание Древнего Египта посвящена Коптской церкви: стадиям ее развития и формирования, духовному наследству и новейшей истории. Академическое сообщество исследует динамику видоизменений отношений между последователями христианства и ислама на территориях Египта [10, с. 83-87]; [12, с. 15-33].

Культура Египта формировалась на протяжении тысячелетий, по этой причине цивилизация Египта – это абсолютно особенная человеческая культура. Авторы отмечают, что понимание египетской культуры невозможно вне *практик памяти* – рассматривают через призму семиотики дописьменных и бесписьменных культур все воздействия, явления, предметы – включают сведения, зашифрованные в языке символов, благодаря которому можно оценить мифологический разум цивилизаций древности. Культурная память Древнего Египта, как показывают исследования, сохраняла древнейшую символику, в контексте будущего, как обращение к древнейшим, вечным основам культуры [33, с. 393-408].

Исследователи XXI в. работают над комплексным анализом египетских традиций и обычаев. Несомненно, актуальна тема глобализации как некий продуктивный анахронизм, позволяющий моделировать особенности национально-культурной идентификации египетского общества [31, с. 170-182]. Особенное внимание уделяется традициям в семейной жизни египтян, отношению к одежде, характерные черты брачных традиций и устоев. Изучается человеческий характер и особенности египетского приветствия и специфику жизненного строя египтян, сопряженного с традиционным укладом, суеверия, коих египтяне придерживаются в обыденной жизни. Особое внимание уделяется поведению египтян в период повседневных и торжественных дней [30, с. 64-65]; [25, с. 49-54].

Крайне интересным исследованием в научной категории традиций для меня стал сравнительный анализ взаимосвязи влияния образа жизни и здоровья людей на примере Древней Индии и Древнего Египта. Формулировка понятия здоровья, соотнесение церковной и эмпирической медицины, медицинские тексты и их содержание, наличие либо отсутствие квалификации врачей той эпохи, отношение к здоровому образу жизни, хроника истории медицины, философия и медицины Древнего Египта и Древней Индии [23, с. 146-149].

Нельзя не упомянуть работы, изучающие *символический либо образно-символический язык*, считался главным способом коммуникации в мифопоэтическом общественном сознании додинастического Египта. Он объяснял все явления земного существования мифологическим взглядом

на мир. Рассматривается авторами и музицирование древних египтян, со стороны сакрально-символических аспектов и религиозно-мифологической направленности в понимании функций музыканта и в использовании музыкальных инструментов [34, с. 383-400].

Обращают на себя внимание материалы, освещающие образовательные аспекты Древнего Египта. Рассматриваются характерные черты ученичества в Древнем Египте и функции школы в египетском социуме. Обосновываются характерные черты употребления термина «образование» и коннотации данного термина в памятниках египетской литературы премудрости. Анализируется учебный план, ученические упражнения и педагогические методы древних египтян [16, с. 8-25]. А также формирование новой концепции образования в Египте, социально-экономические реформы, задачами которых стало развитие общедоступного образования для народа и основание школ нового вида под государственной эгидой [19, с. 101-112].

В статьях, рассматривающих *искусство Древнего Египта*, авторы рассматривают формирование и становление древнеегипетского искусства периода Среднего Царства в единой связи с мировоззренческими спецификами, свойственными мышлению египтян этой эпохи [5, с. 93-97]. Так же можно увидеть работы, изучающие обучение цветовой грамоте в Древнем Египте, ключевая значимость и символизм цвета в искусстве Древнего Египта [2, с. 125]. Античное наследие в искусстве христианского Египта. Развитие сюжетов и образов, созданных коптскими художниками и взаимосвязь этих сюжетов с неимением в раннехристианской иконописи сформировавшихся композиций, в четких формах, развитие сюжетов и фигур [22, с. 32-39]. Высоким является интерес российского научного сообщества к искусству египтян, построения картины мира Египта через символику и, конечно же образовательную систему и реформы.

В работах российских авторов, касающихся *положения женщин в Древнем Египте*, заметны исследования ее статуса в обществе, как в древнем, так и современном государствах; так же уделено немало внимания гендерному неравенству, особенно в системе образования и изменению самой роли женщины в египетском обществе благодаря трансформации традиционных стереотипов [27, с. 192-194]; [18, с. 115-119]. Ряд работ посвящен истории появления и формирования женского движения в Египте. Представлено общественно-политическое содействие женщин в революционных действиях в Египте. Важность проблемы сопрягается как в связи активизацией феминизма, так и с усилением «женского фактора» в нынешней международной политической деятельности. Отмечается, что египетские женщины в первый раз в Арабском мире содействовали в революционных движениях за национальное освобождение, продемонстрировав образец мужественности и самоотверженности, которых не видел мир Египта. Это показывает египетских женщин, как женщин с большой степенью общественно-политического самосознания. Представлены мотивы заинтересованности женщин в революции и их основная значимость в

этот исторически важный промежуток времени. Указывается, что революция поспособствовала эмансипации женщин, развитию нового самосознания и формирования первой женской политической компании [26, с. 147-149].

Никуда не пропадает дихотомия восток-запад, такой вывод можно сделать на основании работ о обретении мусульманской женщиной прав и свободы на западноевропейский манер [15, с. 27-31]. Колоссальная часть работ написана Турк Светланой Нальбиевной, кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина. Автор в своих работах рассматривает актуальную для арабских стран проблему несоблюдения прав женщин, говорит о их социальном статусе, так же уделяет большое внимание такому противоречивому в мусульманских странах явлению, как феминистское движение Египта, а также анализируют положение египтянок на сегодняшний день.

Статистика публикаций

Для того чтобы динамически представить интересы российского академического сообщества касательно изучения египетской культуры, предлагаю обратиться к графикам, в которых отражены доминантные предметные области изучения, их временные диапазоны, а также была динамика публикаций по годам (Табл. 1 Статистика предметных доминирующих областей и статистика публикаций.). Особо выделены авторы с высокой частотностью публикаций (Табл. 2 Количество публикаций авторов), а также основные ключевые слова исследовательских работ (Табл. 3 Ключевые слова).

Табл. 1 Предметные доминирующие области и статистика публикаций.

Табл. 2 Количество публикаций авторов

Количество публикаций авторов	
1	Андрианов. Г., Андрусова Д.Е., Шейко И.В., Асоян А.А., Бакеева А. М., Гудкова М. Н., Ванюкова Д. В., Гурьянова П. К., Попова А. И., Жданов В. В., Карчевская И. А., Калашникова Е. Б., Крылов Г. Л., Кузина Н. В., Куватова В. Э., Кулуева Ф. Г., Расулова М. А., Лазаридис Н., Миронова А.В., Москалец О.В., Низамутдинова О. В., Новолодская Т. А., Ошарина О. В., Пилюшенко А.В., Сергеев А., Федяев А. П., Филиппова В. П., Халиль М., Чершинцева М. А., Папоян Л.А., Нехай Б. А.
2	Кривец Е. А., Шеркова Т. А., Швечиков А. Н.
4	Турк С.Н

Табл. 3 Ключевые слова

Общие ключевые слова	Ключевые слова по предметным областям	
<ul style="list-style-type: none"> ● 19 египет ● 8 искусство ● 6 женщин 	Религия ●	египет бог история культура
<ul style="list-style-type: none"> ● 5 история, древний, религия, ислам 	Традиции ●	египет образ жизнь философия
<ul style="list-style-type: none"> ● 4 бог, культура, образование 	Искусство и наука ●	искусство египет образование символика
<ul style="list-style-type: none"> ● 3 мир, семья, храм, образ, церковь, мир, традиции 	Положение женщины ●	женщин египет права эмансипация

Нельзя не выделить специально российского историка-египтолога, музеолога, лектора, создателя и руководителя Ассоциации по изучению Древнего Египта «МААТ» *Виктора Солкина*. Главенствующими в его научной работе можно считать такие темы как древнеегипетская цивилизация эпохи Нового царства, идеология института царской власти в Древнем Египте, традиционное знание в древнеегипетской культуре, аспекты реставрации и консервации памятников материальной культуры Древнего Египта, Россия и Египет: история культурных контактов. [37, 8.04.2023]. Из значительного

количества его работ и достижений, хотелось бы выделить создание Ассоциации по изучению Древнего Египта «МААТ», которая является первой российской некоммерческой египтологической организацией, возглавил ее, заняв должность Президента Ассоциации. Виктор Солкин – автор более 200 научных и научно-популярных публикаций по египтологии, благодаря его инициативным усилиям издана первая российская национальная энциклопедия «Древний Египет». Солкин способствовал созданию документальных фильмов в роли главы съёмочной группы, соавтора сценария, научного консультанта и автор отдельных сюжетов; он регулярно сотрудничает со СМИ, часто посещает передачи, как приглашенный эксперт-египтолог.

Литература

1. Андрианов. Г. «К вопросу об отождествлении библейской жены премудрости и древнеегипетской богини Маат» Ипатьевский вестник, no. 4, 2021, с. 11-27.

2. Андрусова Д.Е., Шейко И.В. «Роль цвета в искусстве Древнего Египта» ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск 2018, с. 125.

3. Асоян А.А. «Древние цивилизации в глобальном мире. Египет и Греция» Вестник культурологии, no. 1 (84), 2018, с. 26-54.

4. Бакеева А.М., Гудкова М. Н. «Права женщин в Египте: законы и реальность» Colloquium-journal, no. 24 (48), 2019, с. 198-199.

5. Ванюкова Д.В. «Древний Египет эпохи Среднего царства: искусство и мировоззрение» Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, no. 73-1, 2008, с. 93-97.

6. Гурьянова П.К., Попова А. И. «Национальные традиции и обычаи Египта» Colloquium-journal, no. 24 (48), 2019, с. 120-121.

7. Жданов В.В. «Миропорядок и справедливость в контексте предфилософских категорий древнеегипетской мысли Первого переходного периода и Среднего царства» Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия, no. 1, 2014, с. 126-131.

8. Зеньковский В.В. (1881-1962). История русской философии / Василий Зеньковский. – Москва: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. – 894, [1] с.; 21 см. – (Антология мысли).; ISBN 5-04-008707-1 (ЭКСМО-Пресс) с. 22.

9. Карчевская И.А., Калашникова Е. Б. «Правовое положение женщин Древнего Египта» Научный поиск в современном мире, сборник материалов 9-й международной научно-практической конференции. 2015, Махачкала, с. 153-154.

10. Кривец Е.А. «Этапы становления и развития коптской церкви» Ярославский педагогический вестник, vol. 1, no. 4, 2010, с. 83-87.

11. Кривец Е.А. «Основопологающие образования египетской нации» Вестник Томского государственного университета. История, no. 3 (29), 2014, с. 83-86.

12. Крылов Г.Л. «Матта аль-Мискин и его богословское наследие в контексте новейшей истории Коптской церкви» Христианство на Ближнем Востоке, no. 3, 2018, с. 15-33.
13. Кузина Н.В. «К вопросу о рецепции культуры Древнего Египта в русской литературе» Бюллетень науки и практики 5, no. 11, 2019, с. 395-403.
14. Куватова В.З. «Орнаментальный декор раннехристианского мавзолея «Капелла Исхода» (Харга, Египет)», Вестник Института востоковедения РАН, № 1 (19)/2022: № 1 (19) /2022 Москва с. 140 - 157.
15. Кулуева Ф.Г., и Расулова М. А. «Женщина в исламе: традиции и современность» Вестник науки и образования, no. 5 (59), 2019, с. 27-31.
16. Лазаридис Н. «Образование и ученичество в Древнем Египте» Ценности и смыслы, no. 1, 2020, с. 8-25.
17. Миронова А.В. «Роль религиозных праздников в жизни древних Египтян» Локус: люди, общество, культуры, смыслы, no. 4, 2020, с. 46-64.
18. Мирошниченко Ю.И., and Клименко А.А. «Права женщин в Египте: законы и реальность» Вестник науки, vol. 3, no. 2 (35), 2021, с. 115-119.
19. Москалец О.В. «Система образования в Египте во время правления хедива Исмаила» (1863–1879). Ислам в современном мире. 2022;18(4), с. 101-112.
20. Низамутдинова О.В. «Современные межрелигиозные отношения в Египте» Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения, vol. 23, no. 6, 2018, с. 164-172.
21. Новолодская Т.А. «Технология математического извлечения знаний о мире в древних цивилизациях (Древний Египет, Вавилон, пифагорейцы)» Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики, no. 12, 2004, с. 119-126.
22. Ошарина О.В. «Античное наследие в искусстве христианского Египта (по материалам тканей из собрания Эрмитажа)» Новое искусствознание, no. 2, 2020, с. 32-39.
23. Пилюшенко А.В. «Формирование категории «Здоровый Образ Жизни» в цивилизациях Древнего Египта и Древней Индии: сравнительный анализ» Социально-экономическое управление: теория и практика. Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, № 2 (22), 2012 с. 146-149.
24. Сергеев А. «Египетская «Книга мёртвых» Духовные ласточки, no. 4, 2020, с. 185-195.
25. Турк С.Н., Папоян Л.А. «Обычаи и традиции современного Египта» Вестник науки, vol. 2, no. 11 (20), 2019, с. 49-54.
26. Турк С.Н. «Участие женщин Египта в революции 1919 г» Общество: философия, история, культура, no. 8 (64), 2019, с. 147-149.
27. Турк С.Н., Нехай Б. А. «Социальный статус женщины в Египте» Эпоха науки, no. 24, 2020, с. 192-194.
28. Турк С.Н. «История женского образования в Египте в XIX-XXI вв» Общество: философия, история, культура, no. 9 (65), 2019, с. 87-89.

29. Федяев А.П. «Эхнатон и культура Древнего мира» Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, no. 28, 2014, с. 165-170.

30. Филиппова В.П. «Обычаи и традиции в Египте: история и современность. «Colloquium-journal, no. 22 (46), 2019, с. 64-65.

31. Халиль М. «Проблемы идентичности в современном египетском обществе» Россия и мусульманский мир, no. 10, 2009, с. 170-182.

32. Чершинцева М.А. «Музыка в синкретической культуре древних цивилизаций (на примере Древнего Египта и Междуречья)» вопросы культурологии №6, 2010 страницы: с. 59-65.

33. Шеркова Т.А. «Древний Египет в фокусе концепции «Культурная Память» «Бюллетень науки и практики, vol. 6, no. 7, 2020, с. 393-408.

34. Шеркова Т.А. «Символический язык додинастического Египта: образы и мотивы» Бюллетень науки и практики, vol. 7, no. 12, 2021, с. 383-400.

35. Швечиков А.Н. «Философско-религиозный смысл социальных институтов Древнего Египта» Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, no. 115, 2009.

36. Швечиков А.Н. «Религиозный смысл социальных институтов Древнего Египта» Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, no. 1-2, 2009, с. 156-162.

37. ВИКТОР СОЛКИН ЕГИПТОЛОГ Биография
<https://www.victorsolkin.ru/biografiya>, дата обращения [8.04.2023]

Першина И.Л.

БГТУ имени В.Г. Шухова (Белгород, Россия)

СЕМАНТИКА АТТРАКТИВНОСТИ В АРХИТЕКТУРЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА (ЗАМЕТКИ К МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Памятники архитектуры Древнего Египта пронесли через века свои основные выдающиеся качества – величие и монументальность, с их особой семантикой *аттрактивности*. Э. Кон-Винер отмечает, что статус «самой монументальной архитектуры» на протяжении веков остается у египетских пирамид [Кон-Винер, 2000, 11]. Дубровина В.А. описывает сущность монументального в простоте форм, «не требующую для своего понимания тонкой восприимчивости, захватывающую с первого взгляда и говорящую своей простотой тем убедительнее, чем огромнее размеры» [Дубровина, 2011]. Особенностью является то, что в Египте эта монументальность стала художественным принципом в такое раннее время. Первые описания и объяснения аттрактивных приёмов в архитектуре Древнего Египта на русском языке были опубликованы А.Норовом [Норов, 1840, 185-186]. Его наблюдения касались природы ощущения величия комплекса пирамид в

Гизе. В качестве фактора сильного эстетического воздействия им были выделены цветовые свойства окружающей среды. А именно – неба, «лазоревого цвета дальности», а ещё точнее – воздуха.

Влияние атмосферы на внешний вид архитектурного объекта известно давно: кроме уменьшения контрастности, меняется цветовая насыщенность и цвет объекта смещается в сторону цвета фона, который обычно голубоватый, но при определённых условиях может быть и другого цвета. На возникновение такого эффекта влияет всё: расстояние, влажность, частицы пыли, давление и другие факторы. На большом расстоянии светлые предметы кажутся темнее, а темные — светлее ближних (по слову И. Бродского, «на закате все города прекрасны, но некоторые прекраснее. Рельефы становятся мягче, колонны круглее, капители кудрявее, карнизы чётче, шпили тверже, ниши глубже, одежды апостолов складчатей, ангелы невесомей» [Бродский, 2005]).

Параллельно с «монументальностью», как композиционным средством, для достижения эффекта «величия» применялись композиционные приёмы, описанные М.А. Ильиным. В состав этих средств входят пилоны – разграничители между человеческим миром и священным пространством. Композиционное построение этих пилонов преследовало цель не только разграничения пространств на сакральное и профанное, но и оказывать мощное психоэмоциональное воздействие на человека. Согласование «человеческого» портала, являющегося частью «главного» портала, с ним самим, размер которого, в свою очередь, согласуется с размером скульптур и изображений на пилонах, «говорило о ничтожестве входившего человека по сравнению с изображениями фараона и самой архитектурой священного жилища божества» [Ильин, 1963, 11]. Этот же приём сопоставления используется в аллеях сфинксов, ведущих к храмам. Мерный ритм расстановки этих скульптур, их одинаковый облик настраивал на определенный лад участников медленно двигавшейся процессии. Каждый из сфинксов наделен деталью – «голова каждого сфинкса опирается на небольшую человеческую фигурку. Различие в масштабе настолько велико, что сперва даже можно не заметить этой фигурки, но ее неоднократное повторение заставляет, наконец, глаз не только остановиться на ней, но и сопоставить ее с монументальной формой животного. А так как человек привык сравнивать себя, порой даже интуитивно, с различными предметами видимого мира для определения их размера, то сфинксы сразу же как бы вырастают в его сознании в масштабе, в то время как сам человек невольно начинает казаться неизмеримо малым, даже ничтожным перед лицом этих застывших таинственных стражей храма». Этот прием сопоставления масштабов, неоднократно повторяемый в архитектуре египетского храма, позволял достигнуть необычайно эффектных результатов, поработав сознание не только древнего египтянина в прошлом, но и современного человека.

Египтяне, вольно или невольно, полагали начало применению в архитектуре аффордансов, возможности неявного управления сознанием и поведением человека. Например, неэргономичная геометрия дверного проёма,

которая вынуждает входящего наклонить голову, согнуть спину в позу наклона. Э. Шюре описывает это следующим образом: «...отверстие в стене...Это был вход в коридор, настолько низкий, что проникнуть туда можно было только согнувшись и передвигаясь на коленях» [Шюре, 1990, 109].

Планировка многих культовых сооружений соотносилась с явлениями солнцестояния и равноденствия. И не только композиционно, но и локально применяя возникающие световые эффекты в интерьерных пространствах. Одним из приёмов аттрактивности в освещении является эффект скользящего луча естественного света по определённой траектории (отверстия в потолке, выполненное в форме воронки и расположенные в особом месте, позволяли лучам солнца в разное время дня освещать изображения разных богов или определённые участки пола, освещая скрытые знаки на полу). Примерами такого прецедента является храм Рамзеса II в Абу-Симбеле и храм Хатхор-Маат в Дейр эль-Мединэ. Эта световая аттрактивность впечатляет даже сейчас, когда имеется понимание физики явления.

Совершенно особый вид аттрактивности представляет собой звук – это ещё один прецедент иммерсивности, наравне со *светом* и *тенью*, – неовеществлённые элементы архитектурного пространства. Описание и разъяснение феномена звучания статуй Аменхотепа III в Фивах основывается на воздействии перепада температур на структуру камня, из которого были сделаны фигуры [Флитнер, Ходжаш, 1970, 93-94]. После значительного разрушения скульптур этот феномен исчез. Наличие спонтанного звука в архитектурном пространстве посредством уникальных особенностей фигур Аменхотепа III указывают на неслучайное воздействие на перцепцию человека. Мифам о природном акустическом прецеденте придаётся мистический окрас, так или иначе связанный с философией загробной жизни. Естественным следствием которого является применение этого феномена в сакральных пространствах архитектуры.

Аттрактивность технического порядка демонстрирует собой Великая пирамида в Гизе. Описание геологических характеристик платформы, на которой покоится пирамида, технологии строительного производства самой пирамиды, а также точность, как феномен, обнаруживающая себя в «запредельных» границах даже для уровня современных технических возможностей.

И, однозначно удивительным, является обнаружение того, каким огромным комплексом знаний, обладали древнеегипетские зодчие. В процессе переноса храма Рамсеса II в Абу-Симбел (1964—1968), «эксперты ЮНЕСКО заключили, что линии фасадов Большого и Малого храмов шли параллельно трещинам в скальном грунте и тем самым твердые горные породы служили естественной опорой гигантских статуй. При сооружении пещерного храма зодчие учли природные свойства грунта – слои песчаника в нем скреплялись окисью железа, вследствие чего пласты почти не были подвержены разрушению. Вдобавок, окись железа обогащала палитру камня, придавая песчанику самые разнообразные оттенки: от красного к розовому и лиловому».

Выдающийся российский исследователь искусства Древнего Египта М.Э. Матье, оценивая вклад древних зодчих в историю культуры, подчеркивала их «полное овладение конструктивными и декоративными возможностями камня, использование колонны в оформлении пространства и сложение определенных типов колонн, создание царской усыпальницы в форме пирамиды, четкую планировку сложных ансамблей и отдельных помещений, сохранившихся затем в течение тысячелетий в зодчестве Древнего Египта, гармоничное сочетание архитектуры, скульптуры и рельефа, разработку целого ряда замечательных **приемов** и **мотивов** декорировки зданий» [Матье, 2010].

В целом, глубинные связи древнеегипетской архитектуры с мифорегиозными представлениями о творении мира обеспечивали предельные, или, иначе, сакральные архитектурные смыслы. Такая архитектура символизировала порядок, которому противостоит хаос, отодвигающий свои границы все дальше от освоенного, организованного пространства. Она моделировала универсум, мир в его целостности в мифопоэтическом сознании древних египтян. При этом, в архитектурном формообразовании отражены незакрытые, антропологически центрированные особенности архитектурного мышления: двойственность понимания, приёмы иллюзийного порядка, акустическая иммерсивность и аффордансы. Это дополняло собой композиционные средства египетской архитектуры и создавало архитектурную идеологию чувственной и поведенческой детерминированности человека.

Литература

- Бродский И.* Набережная неисцелимых: эссе / Иосиф Бродский; [пер. с англ. Г. Дашевского]. - СПб.: Азбука-классика, 2005 (ГПП Печ. Двор). – 190 с.
- Дубровина В.А.* Египетские мотивы в архитектуре Западной Европы и России XVIII - начала XX веков // Диссерт. на соиск. ст.канд.искусствоведения, специальность 17.00.04, 2011.
- Ильин М.А.* Основы понимания архитектуры. Москва: Издательство Академии художеств СССР, 1963 - с.68
- Кон-Винер Э.* История стилей изобразительных искусств. М.: СВАРОГ и К, 2000.
- Матье М.Э.* Искусство Древнего Египта. М. 2010. – с.95.
- Норов А.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834-1835 г., ч.1, СПб, 1840. – с. 185-186.
- Флиттнер Н.Д., Ходжаш С.И.* Архитектура Древнего мира. Всеобщая история архитектуры, т1. Под редакцией О.Х. Халпахчына (отв. ред.), Е.Д Квитницкой, В.В. Павлова, А.М. Прибытковой. Москва: Изд. литературы по строительству, 1970. – 510 с.
- Шюре Э.* Великие посвящённые. Очерк эзотеризма религий / Репринтное воспроизведение издания 1914. Объединение «Печатный Двор» им.А.М.Горького при Госкомпечати СССР. 1990.—419 с.

Перекрестов В.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

**СПИРИТУАЛИЗМ XIX ВЕКА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ
И КОННОТАЦИИ КОНЦЕПТОВ О ПРИРОДЕ РАЗУМА
В КАТЕГОРИЯХ «ВЕЧНОСТИ», «ДУХОВНОСТИ»,
ПОСМЕРТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И ВСЕЛЕННОЙ**

В докладе представлена попытка проанализировать аспекты спиритуалистической доктрины о будущем состоянии человека после распада физических атрибутов телесности. Представляя человека пограничным существом, спиритуалисты выдвигали гипотезу существования в нем особых духовных черт, олицетворяющих внетелесную трансперсональную сущность. Диапазон возможностей внетелесного олицетворения человека расширялся по мере перехода от наблюдений к мистическим умозаключениям в форме наукообразной этики, которая в отдельных доктринах приобретала черты христианизированной или межконфессиональной религии. В поисках основ спиритуалистической гипотезы критиками и мистиками было исписано множество бумаги в XIX веке. Независимо от того, чем представляется спиритуализм в истолковании исследователей – систематизацией старых суеверий, неточным наброском религиозной философии, сектой среди бесчисленных религиозных сект мира, формой магии, колдовства или течением оккультизма – спиритуализму была присуща чрезмерная историографическая заметность, которая не объясняется только стремлением критиков к обличению мошенников, или мечтаниями мистиков о популяризации духовного мира. В раскрытии религиозно-антропологических оснований спиритуализма XIX в. лежит фундаментальный вопрос: как это возможно, что фигура практикующего медиума, в значительной степени считающегося иррациональной, побуждает испытателей медиумизма к формированию системы научно-этических и трансперсональных отношений. Несложный путь интеграции спиритизма в социальную или религиозную систему определённой культуры, конфедеративный и горизонтальный характер спиритических центров определяет его историографическую актуальность. Идея о загробном мире становится пусковым механизмом в трансформации концепции личности, где спиритуализм XIX в. объявляет об автономности души после смерти, а ранее безразличные бессознательные элементы человека персонализируются и признаются явленными отголосками духовной сущности. Определяя место человека на карте «вечности», спиритуалисты наполняют будущий посмертный мир для человека духами, которые пережили телесные оковы и обрели независимое существование. Духовное наполнение «вечности» реализуется претензиями спиритуализма на аннулирование и сглаживание смерти человека через художественную реальность духов. Спиритуалистическая история жизни превращается в XIX в. в борьбу человека против миража смерти. Для спиритуализма становится

важным обозначить, что в стремлениях схватить «духовное» необходимо выстроить непосредственное общение с вечностью.

Ветров В.А.

Институт логики, когнитологии и развития личности,
Государственный академический университет гуманитарных наук
(Москва, Россия)

ФИЛОСОФСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ РУССКИХ БИОЛОГОВ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА И.И. МЕЧНИКОВА

Доклад В.А. Ветрова подготовлен в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РНФ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке».

В истории русской мысли множество примеров поистине выдающихся философов, однако среди отечественных мыслителей отдельно можно выделить труд специалистов, естествоиспытателей широкого профиля, которые, несмотря на свою эмпирическую деятельность не забывали и о важности гуманитарного осмысления реальности и даже вносили в нее свой вклад. Одним из ярчайших примеров такого направления являлся Илья Ильич Мечников. Эмбриолог, патолог, микробиолог и иммунолог – одновременно со всем этим один из наиболее философичных естествоиспытателей. Его труды «Этюды о природе человека. Опыт оптимистической философии», «Этюды оптимизма», «Сорок лет искания рационального мировоззрения» были предвестниками позднее развернувшихся антропологического поворота и парадигмы междисциплинарного исследования.

Творчество Ильи Ильича ценно по нескольким причинам. На основе данных естественнонаучных исследований он делает вывод о ряде наличествующихся изъянов и дисгармоний в природе, в том числе и человеческой. Исходя из этого он делает вывод о невозможности построения реалистичной рационалистической этики, дисгармонии являются источником зла и, таким образом, зло у Мечникова онтологизируется в биологической природе человека, главным из которых является смерть. Изначально пессимистичный вывод у ученого сменяется оптимизмом, заключающимся в возможности достижения счастливой и полноценной жизни посредством следования не природным правилам, а нравственности, основанных на природе измененной. Согласно этому Мечников развивает идею ортобиоза и формулирует принципы рациональной гигиены, которые позволят человеку достигать необходимого долголетия и уровня активности, необходимого для формирования инстинкта естественной смерти.

Мечников своей жизнью практически подтверждает свою концепцию перехода эмоционального переживания недостатка к рациональному насыщению, даже его рассуждения эволюционируют от упомянутой

пессимистичной точки зрения на жизнь к возможности счастливого нравственно наполненного существования. Теория ученого-естественника, построенная на принципах реализма, оказывается вневременной и крайне актуальной на сегодняшний день.

Макарова Е.Ю.

Ляонинский университет международной торговли и экономики
(КНР, провинция Ляонин, Далянь)

ОБРАЗ ПЕТРА I В РАЗМЫШЛЕНИЯХ И ХАРАКТЕРИСТИКАХ КАН ЮВЭЯ

У китайского мыслителя и общественного деятеля XIX-XX вв. Кан Ювэя (1858-1927) есть небольшая работа, значение которой покамест не оценено в отечественном гуманитарном сообществе, – эссе «Записки о реформах Петра Великого» (кит. 俄國政變記). Эта работа является своего рода ментальным, творческим зеркалом периода «100 дней реформ», когда император Цзай Тянь при поддержке реформаторов издал множество указов, направленные на изменения в области политики, науки и образования (так 8 августа 1898г. был организован Пекинский университет), промышленности, сельского хозяйства и т.д.¹ Здесь и подоспел опыт исторической России.

В своем сочинении «Записки о реформах Петра Великого» (кит. 俄國政變記 *elusi dapide bianzhiji*) Кан Ювэй описывает наступление эры процветания России следующим образом: «До правления императора Канси земли их страны были обширными и пустынными, люди не имели образования. В то время страна закрыла свои границы, не вела торговли с другими странами, проявляла полное равнодушие и не имела отношений с другими странами. Не было промышленного производства, их инструменты просты и несуразны, не было школ и люди были невежественны. Оружие и снаряжение не приводились в порядок, подсчёт точного количества официальных солдат в армии не вели. Дороги также не ремонтировались, они были полны сорняков, которые не позволяли по ним передвигаться. Не только железных кораблей не было, но и не было даже лодок. У народа было только сельское хозяйство, но методы ведения сельского хозяйства были очень отсталыми. Остальные же люди – кочевники, у которых в привычках вести ленный образ жизни и устраивать состязания в смелости и жестокости. Природа в этих краях полна диких зверей и кустарников, это дикая и нецивилизованная страна. Западные страны презирают их. Человек, что создал план российской гегемонии – великий государь Петр Великий».²

¹ Перевод и содержание некоторых из указов см. Тихвинский С. Л. Избр. произведения. Кн. 1: История Китая до XX в.: движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй, М., 2006, стр. 285-291

² 日本文学外种考者姜生张瑜编北京:中国大辞典社2010 стр. 330

Делая акцент на казалось бы безвыходном и угнетённом положении России в допетровские времена, Кан Ювэй показывает, что все возможно исправить, если появится достойный правитель с правильным *Дао дэ*, который на своём примере невероятной внутренней силы, жажды к знаниям и изменениям, воле к прогрессу, желанием бороться с невежеством и отсталостью, докажет всем, что все прежнее можно исправить, модернизировать и в результате выйти на мировую арену в числе передовых и сильных государств. Кан Ювэй сообщает, что в истории Китая уже были подобные по своему значению правители – это Вэй Вэнгун (кит. 卫公 *weiwengong*), что правил в период весен и осеней в царстве Вэй, а так же правитель царства Юэ в период весен и осеней Гоуцзянь (кит. 越王 句践 *yuewang goujian*).³ Эти правители, так же как и Пётр I были скромны в своих нуждах, имели огромное стремление к обучению, старались налаживать торговлю, ремёсла и образование для своих подданных. Вэй Вэнгун носил одежды из грубой ткани, сам изготавливал инструмент для сельского хозяйства, уважал трудящихся, давал должности только талантливым людям, а не знатым, всех убеждал о необходимости учиться. Правитель царства Юэ урезал своё жалованье, лично участвовал в сельскохозяйственной деятельности, его жена ткала ткани, он был вежлив к гостям, справедливым в применении наказаний. По мнению Кан Ювэя, все эти положительные качества соединились в одном человеке – Пётре I, так он всего за несколько десятилетий привел Россию к процветанию, присоединил десятки тысяч миль новых территорий. Кан Ювэй считал, что всё это стало возможным при помощи смены правительства, ведь чем сильнее преобразования, тем эффективней управление.

Одной из самых примечательных отрывков статьи «Записки о реформах Петра Великого» (кит. 俄罗斯彼得政记 *eluosi dapide bianzhiji*) на мой взгляд является часть, где Кан Ювэй пишет о наставлениях, которые Пётр I якобы оставил своим детям и внукам. Так как Кан Ювэй активно собирал сведения о европейских державах и готовился к разговорам с императором, то читал всю имевшуюся на то время литературу, которая не всегда содержала полную и достоверную информацию. В данном сочинении мы можем увидеть, что географические сведения не всегда точны, названия не везде записаны правильно, временные рамки не всегда указываются должным образом. Не смотря на эти неточности, мы можем заметить, что именно в данной части Кан Ювэй вкладывает в уста Петра I часть своих идей, которые мы можем встретить в его дальнейшей работе «Книге о Великом Единении» (кит. 大同书 *datongshu*), практический призыв к Цзай Тяню на определённые действия и некоторые соображения о ведении внешней политики.

Так русская история становится поучительной в пространстве исторической культуры Китая.

³ 日本汉学外种康有为著姜学谦译校北京: 中国人民大学出版社 2010 年 330 页

Литература

1. 日本政考外種康育者姜生引榮編輯北京:人民大學出版社2010, отрывок стр. 337-339
2. The Constitutional Monarchy and Modernization: Kang Youwei's Perspectives on "Keeping the Emperor and the Royal System in China", Dong Fangkui, Canadian Social Science 2014, 10(2), стр. 8
3. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени. (1840-1898) [Текст] : [Пер. с китайского] / Акад. наук СССР. [Ин-т философии] ; [Сост. и общая ред. Н. Г. Сенина и Ян Хин-шуна] ; Вступ. статья Н. Г. Сенина [с. 5-34]. - Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1961
4. Самойлов Н. А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. No 4. С. 107–114.
5. Тихвинский С. Л. Избр. произведения. Кн. 1: История Китая до XX в.: движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй, М., 2006

Михайлов А.Е.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ПСИХОАНАЛИЗ ИГРЫ (ОЧЕРК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА К.Г. ЮНГА)

В докладе представдены результаты исследования трудов К.Г. Юнга – их концептуального ядра – в контексте актуальных концепций философии игры. При этом особое внимание обращается на подходы к анализу игры как социокультурного и психолого-педагогического феномена. В качестве ключевого методологического текста принимается работа Й. Хейзинги “Человек играющий”. Особое внимание обращается на работы Р. Энвана, П. Радина и М. Уинборна, анализ которых позволяет уточнить трансформационную динамику идей Юнга в трудах современных психоаналитиков, стратегии символизации игры в актуальных психоаналитических практиках и др.

Макарейкина Ю.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ПРООБРАЗ ТЕОРИИ МАСС И «МАССОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматриваются понятия «массы» и «толпы» в античной и средневековой интеллектуальной традиции. Автор отмечает, что в Древней Греции идея толпы понималась как радикальная форма демократии, стремившаяся к перераспределению богатства. Однако понятия «массовый человек» не существовало, а толпа не считалась политическим субъектом. В средневековой интеллектуальной традиции упор делался на иерархическую систему, а понятие «массы» сводилось к спорадическим восстаниям из-за голода. В статье делается вывод о том, что понятия «массы» и «толпы» не были четко определены в античных и средневековых интеллектуальных традициях и применялись лишь к спорадическим восстаниям.

Апатенко Д.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

АБСОЛЮТНЫЕ СМЫСЛЫ ДЕЛА В.И. ЗАСУЛИЧ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ А.Ф. КОНИ)

Дело Веры Засулич – одно из наиболее громких уголовных дел 19 века. Вокруг этого дела в том числе и в настоящее время идут многочисленные споры и дискуссии. Оправдание Засулич, виновность которой, казалось бы, полностью очевидна и доказана, вызвало общественный резонанс; отзвуки этого резонанса дают себя знать до сих пор. В докладе обосновывается необходимость культурно-исторических уточнений тех предельных, или абсолютных ценностных смыслов этого дела, исследование которых позволяет уточнить его особый этико-правовой статус.

Дело идёт не только о необходимости исследовать общественное мнение, его предпосылки, структуры или механизмы влияния; разделение позднейших исследователей на тех, которые считают оправдательный приговор вершиной правосудия, и тех, кто полагают его оправданием политического террора и отправной точкой для развития революционных настроений и самой революции, мотивировано своего рода этической дилеммой судьи, А.Ф. Кони, который был председателем на судебном заседании по делу В.И. Засулич, одного из наиболее ярких представителей русского юридического сообщества XIX века. Его вклад в развитие юридической мысли, проникнутой духом гуманизма и стремлением к этическим основаниям права признаётся современными исследователями

и продолжает изучаться до сих пор. За Кони закрепился статус основателя судебной этики в России. При этом, судебный результат дела В.И. Засулич стал поводом не только для воодушевлённых настроений, но и нападок на А.Ф. Кони, обвинений его в предательстве государства, содействии развитию революционных действий, и даже более масштабно – гибели Российской империи. Некоторые исследователи указывают на то, что поставленные в резюме А.Ф. Кони вопросы к присяжным заседателям и напутственное слово судьи «помогло» присяжным принять оправдательный вердикт. Иногда ситуация доходит до крайностей: исследователи, забывая об академической корректности, пишут тексты, по своему содержанию очень похожие на обвинительные приговоры.

Сказанное выше свидетельствует об определённом этическом накале и необходимости пересмотра и уточнения этических установок самого А.Ф. Кони, пересмотра известного парадокса *summum jus est summa injuria* (безусловно осуществлённое право (иногда) равносильно высшему бесправию). В контексте попытки разрешения данного вопроса уместным видится и возвращение к рассмотрению диссертации А.Ф. Кони, которую он написал, будучи ещё студентом – «О праве необходимой обороны». Полезным кажется и проведение семантического анализа как самой речи А.Ф. Кони, озвученной присяжными заседателям, так и его воспоминаний об этом деле.

Объединение каждого отдельного из вышеуказанных исследований в одно целое поможет прояснить этические установки Кони и понять, насколько они коррелируют с существующими в современных исследовательских кругах обвинениях – именно в символической перспективе абсолютных смыслов дела В.И. Засулич.

Козак О.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

Н.М. КАРАМЗИН В XXI СТОЛЕТИИ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Творческое наследие Н.М. Карамзина (1766-1826 гг.) активно изучается на протяжении трех столетий, с различных сторон и при помощи различных подходов. Наиболее масштабны исследования в области историографии и филологии. Карамзина рассматривают как писателя, историка, переводчика, издателя.

В докладе представлен результат сравнительно-библиографического анализа наследия Н.М. Карамзина в XXI столетии: книг, статей из журналов и сборников, авторефератов, диссертаций за 2000-2023 гг.

Материал для анализа собран на основе электронного каталога РНБ (Российской национальной библиотеки), электронной библиотеки РГБ

(Российской государственной библиотеки), Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» и др. ресурсов.

Особое внимание уделено деятельности «Центра изучения наследия Н.М. Карамзина», в состав которого входит: С.М. Шаврыгин, Л.А. Сапченко; исследованиям Т.Б. Фрик, Т.А. Алпатовой и др.

Представленные в докладе схемы и диаграммы отражают основные направления исследований жизни и творчества Н.М. Карамзина, разносторонние взгляды и оценки филологов, историков, философов.

Леонова Д.О.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

СВОБОДА ВОЛИ В «ПСИХОЛОГИИ» М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВА (ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

В докладе рассматривается свобода воли в понимании Михаила Ивановича Владиславлева на основе третьего отдела второй части его труда «Психология. Исследование основных явлений душевной жизни» (1881). В соответствии с этим сначала будет дан общий обзор воли: будет разобрано, что под ней понимает Владиславлев, за что она отвечает, как взаимодействует с разумом, к чему приводит её неправильное развитие, какую роль она играет в мышлении. После обращения к самой воли рассматривается её свобода, которой Владиславлев посвящает отдельную главу. Здесь им под вопрос ставится само понятие свободы воли, отсекаются смыслы часто приписываемые, но не присущие ему, подмечается нравственная окраска актов воли, влияние разума на свободу, разбирается, при каких обстоятельствах действия человека порицаемы. Вместе с этим будут выделяться логические вкрапления, содержащиеся в разбираемых местах.

Гребенникова А. И.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

А.А. ФЕТ И НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ (АСПЕКТЫ ВОВЛЕЧЁННОСТИ)

В докладе будет представлен к обсуждению вопрос о возможности целостного представления об А.А. Фете как читателе, свидетеле, или участнике дискуссий о немецкой философской мысли в русской интеллектуальной культуре XIX в. Особое внимание уделяется студенческим годам жизни А.А. Фета, его перепискам, стихотворениям и книгам, благодаря которым уточняется мера вовлечённости Фета в общий

русский разговор о философии и философских оациях И.В. фон Гёте, Ф.В.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, И. Канта и др.

Зюганова С. К.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

**«СЕМАНТИКА КАТЕГОРИЙ ΘΕΣΙΣ И ΔΥΝΑΜΙΣ В АНТИЧНОМ
МУЗЫКАЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ (ПО РАБОТЕ Е.В. ГЕРЦМАНА
«АНТИЧНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ»)»**

Гармонические установки древнегреческого музыковедения являются неким фундаментом последующих исторических практик музыкального мышления. Изучение этих установок способствует выявлению органических особенностей всего культурного мышления древней Эллады. Категориальная рефлексия этих установок далеко не завершена. Им посвящали свои труды мыслители самых разных эпох и теоретических направлений. По времени ближайшим к нам является монографическое исследование Е.В.Герцмана, который предложил уточнить целостный характер гармонических установок древних эллинов фиксируя такие категории, как тесис и дюнамис. На сколько можно судить подход к изучению античного музыкального мышления, предложенный Евгением Владимировичем имеет междисциплинарный характер, то есть, написан на стыке различных областей музыковедения и музыкальной эпистемологии, поэтому его анализ может сослужить хорошую службу для развития категориальной рефлексии в отношении музыкального мышления древних, как некий исследовательский перекресток современной философии и истории музыки.

Евгений Владимирович – это советский и российский музыковед, исследователь античной и византийской музыки. Он родился в 1937 году в Одессе, его родители были дирижер и балерина одесского театра оперы и балета. Его собственный профессиональный путь в музыке был довольно необычный, в 1962 году он закончил одесскую консерваторию и начал преподавать в музыкальном училище по классу фортепиано, а затем окончил музыковедческое отделение Дальневосточного Института Искусств. С 1993 года он является профессором кафедры древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской консерватории и кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского Гуманитарного Университета. Таким образом, при таком коротком биографическом очерке его личности проясняется его профессиональный энциклопедизм. Это находит своё подтверждение в работе «Античное музыкальное мышление», которая была написана в 1986 году для защиты учёной степени кандидата искусствоведения. В ней Евгений Владимирович предлагает новую концепцию античного ладотонального мышления, критически анализируя ранее известные представления о нём.

Перед обращением к исследуемым категориям необходимо прояснить некоторые общие отличия музыкального мышления древних эллинов. Для теоретического осознания звуковысотной практики в античном музыкознании использовалась «совершенная неизменная система» (σύστημα τέλειον ἀμετάβολον), которая, в свою очередь, подразделялась на две более мелкие организации – «меньшую и большую совершенные системы». Каждая система состояла из тетрахордных комплексов, для характеристики каждого звука которой использовались специальные категории «тесис» (ἡ θέσις) и «дюнамис» (ἡ δύναμις). Согласно словарю И.Х. Дворецкого слово «тесис» – постанова (ноги), расстановка, распределение, а на музыкальном языке это понятие переводится, как местоположение определенного звука в рамках звукоряда. Понятие «дюнамис», согласно И.Х. Дворецкому, – сила, способность, свойство, на музыкальном языке это означает свойство звука, то есть его высоту, длительность, тембр, громкость и т.д. Тетрахордные соединения задавали особый настрой музыкального мышления, как октава в современности. Каждый звук устанавливался в рамках тетрахорда и имел своё название в зависимости от положения в нём. Например, «гипата» (υπάτ) – это самый нижний звук, «нета» (νήτη) – это самый высокий. (Названия звуков внутри системы заимствованы от названия струн лиры.) Все эти тетрахордные организации образуются двумя способами:

1) «по соединению» – верхний звук нижнего тетрахорда является нижним звуком верхнего тетрахорда;

2) «по разделению» – верхний звук нижнего тетрахорда и нижний звук верхнего тетрахорда расположены друг от друга на расстоянии тона.

Для понимания этой особенности мышления произведем сравнение с современным звукорядом фортепиано. Деление совершенной системы на тетрахорды означает, что звукоряд делится на некоторое количество частей, которые соединяются друг с другом одним из выше перечисленных способов («по разделению» или «по соединению»). Каждая из частей состоит из четырех последовательных звуков и крайние из них образуют интервал «кварта». Современный звукоряд фортепиано также состоит из частей, которые соединяются друг с другом способом «по соединению», и каждая из этих частей состоит из восьми последовательных ступеней, и крайние звуки образуют интервал «октава».

Чтобы показать важность кварты в измерении звукового пространства Герцман обращается к одному из сохранившихся фрагментов Филолая: «...Древнейшие [музыканты] заявляли, что октава называется «гармонией», кварта «силлаба», основное слияние созвучных звуков, квинта «диоксия», ибо квинта – это созвучие, прилегающее к первичному созвучию кварты ... октава же – это система обоих [созвучий]...». Получается, что для античных музыковедов «кварта» – это основная смысловая единица и исходная величина. Только в таком сочетании звуки приобретали ладовые контакты, превращающиеся в ладовую систему. С современной точки зрения это может показаться очень примитивной звуковой организацией. Однако это ложное суждение, несмотря на упрощенность. Древним эллинам были известны

более широкие диапазоны и объёмы звукового пространства, но эта логика ладовых связей не выходила за пределы квартовости, Евгений Владимирович обращается к тексту Аристоксена, который пишет «...Среди созвучных интервалов нужно выделить наименьший (в античности кварта – это наименьший из созвучных звуков), состоящий... из четырех звуков, отчего он и получил свое название от древних...».

Получается, что именно тетрахордные соединения являются почвой для «дюнамиса» звука. Эту мысль Герцман подтверждает ещё одним фрагментом Аристоксена: «...дюнамисы [звуков], которые созданы природными свойствами тетрахордов...».

Интерес к исследованию исследуемых нами категорий начался с публикации Ионом Уоллесом трактата «Клавдий Птолемей», но наиболее горячо этот вопрос стали обсуждать в середине XIX века. В своей работе Евгений Владимирович предлагает рассмотреть наиболее значимые предположения современных исследователей. Первым он обращается к Рудольфу Вестфалю, немецкому филологу и музыковеду, который строит свои доводы на платоновских текстах. Вестфаль считал, что самым значимым в древней Греции был дорийский лад и, следовательно, звуки совершенной системы были неизменны только в нём. Производные же от него лады вели к изменению звучания и названия звуков, то есть изменению по значению или «по дюнамису».

На теорию Рудольфа Вестфалья очень негативно отреагировал его коллега Хуго Риман. Он рассматривал «тесис» и «дюнамис», как сопоставление соединенных и разделенных тетрахордов. Этой же точки зрения придерживались и российский теоретик Вячеслав Иванович Петр.

Алексей Степанович Оголёвец считал, что восстановить понятие «дюнамис» в теории эллинского музыкознания можно только с помощью построения квинтового круга от «фа-диез» до «ре-бемоль» с центром «С» (парагипаты нижнего тетрахорда), и чем дальше звук от центра тем больше у него «дюнамис». «Тесис» же, по его мнению, это местоположение звука в звукоряде. По мнению Ингемара Дюринг, шведского филолога, профессора по греческой культуре и языку, «тесис» – это место струны при настройке основного звукоряда на лире, а «дюнамис» – это функция звука в определенной тональности.

Таким образом, можно увидеть, что все исследователи убеждены, что для определения этих терминов необходимо ввести основной звук, своеобразную «тонику».

На эту убежденность Евгений Владимирович отвечает очень просто «...Искать тонику совершенной системы – занятие столь же бесполезное, как искать тонику, например, фортепианного звукоряда...». Звукоряд античной совершенной системы играл вспомогательную обучающую функцию. В виде этого теоретического звукоряда были показаны нормы музыкального мышления, и именно поэтому он приводился в начале каждого древнегреческого учебника музыки. Если рассмотреть с современной точки зрения, то эту совершенную систему в виде звукоряда можно сравнить

с звукорядом фортепиано, который используют для наглядного изображения системы звуков в элементарных учебниках теории музыки.

Что же тогда означают эти категории? Чтобы ответить на этот вопрос Евгений Владимирович обращается к сохранившемуся фрагменту Птолемея «...гармоника – это воспринимающийся «дюнамис» различий звуков по высоте...», такое же определение давал и Порфирий. Другими словами получается, что «дюнамис» – это свойство звука, которое имеет лишь косвенное отношение к его высоте, потому что всего лишь характеризует его. Получается, что каждый звук имеет свой «дюнамис» в независимости от характера звучащего объекта. И соединение отдельных звуков тоже ведет к соединению их «дюнамисов»: «...когда высокий и низкий звуки, воспринимаемые слухом, создают некоторое смешение, то слух различает не индивидуальный дюнамис каждого обнаруженного из звуков, а третье звучание [объединяющие звуки], называемое „созвучием“...» – Порфирий. Из этого следует, что «дюнамис» использовался для того, чтобы показать особенности звучания не только одного звука, но и группы звуков, то есть он определял их значение звучания в системе с другими звуками.

Понятие же «тесис» намного проще поддается объяснению, у всех эллинических музыковедов оно обозначает положение звука в системе по отношению к другим звукам. Простыми словами, «дюнамис» – это свойство звука или звуков, например: высота, длительность, громкость, тембр; «тесис» – это на какой ступени расположен данный звук в общем звукоряде.

Оба этих термина были очень важны для античного музыкального мышления, как утверждает Герцман. Они использовались при характеристике многих научных положений в эллинической музыке. В качестве примера автор приводит фрагмент изложения древнегреческой нотационной системы Гаудеция, в котором он говорит о знаке, который обозначает «дюнамис» определенного звука: «...Пусть в основании [системы] лежит какой-то самый низкий и первоначально слышимый дюнамис звука...». А согласно Бакхию даже ритмические проблемы рассматривались с использованием этой терминологии: «...согласно Аристоксену, протекающее время строится посредством каждого из [его] дюнамисов...», «...согласно Федру, ритм — это соответствующий тесис установленных по отношению друг к другу слогов...». Получается, что ритм трактуется, как сумма «дюнамисов», а его характеристика, как особое расположение «тесисов».

Но эта терминология использовалась не только для внутритетрахордных взаимоотношений, но и при рассмотрении межтетрахордных соединений. Для подтверждения этого Евгений Владимирович обращается к Бакхию: «...Сколько существует тетрахордов в неизменной системе? По количеству – неопределенно, а по дюнамису — пять...», «...Существует семь тесисов тетрахордов, которыми определяется мелос...». Получается, что особый «дюнамис» и «тесис» были у каждого тетрахордного соединения. И более того, каждый музыкальный род имеет индивидуальные «дюнамисы» звуков: «...Дюнамисы звуков в природе бесчисленны, допущенных же в каждом из родов — 28...» – Аристид Квинтилиан.

Такое широкое использование этих терминов ведет Евгения Владимирович и нас вместе с ним к двум основным принципам античного музыкального мышления. Во-первых, «тесисный» принцип – любая система может функционировать только при регулируемом положении её элементов по отношению друг к другу. И второй принцип – «дюнамисный» – любая организация регулируется значением (индивидуальным или общим) её звуков.

Можно провести грубые примеры современных способов трактовки этих принципов. «Тесисный» принцип – это звукорядный подход при изложении и изучении музыкальных материалов; «дюнамисный» принцип – функциональный подход при анализе и изучении этого материала.

Обратимся к источникам древнеэллинических музыковедов, чтобы удостовериться в точности того, что предлагает Евгений Владимирович Герцман.

Первый источник – это фрагменты из трактата Аристоксена «Элементы гармоник». В нем автор предполагает, что действительно звуки могут иметь не только разную высоту, но и разное значение, под этим Аристоксен подразумевает дюнамис звука, т.е. горизонтально-мелодическую функцию звука в рамках звукоряда. «... Ибо два звука, отстоящих на один и тот же интервал друг от друга, имеют на одном месте звукоряда иное значение, чем на другом, и поэтому третья часть всей дисциплины состоит о звуках гаммы, которое отмечает их различия, [а именно] – будут ли, как полагает большинство, разные звуки различаться лишь по высоте, или же они будут иметь ещё и различное значение, и, в особенности, в чем состоит это значение...».

Клеонид же в своем трактате «Введение в гармонику» утверждает, что дюнамис это положение звука в системе, что тоже довольно схоже с модальной функцией звука: «...Дюнамис есть положение звука в системе [т.е. в звукоряде]...». И по дюнамису звуков 18 в каждом роду: «...По высоте звуков бесконечно много, по функции (τῆ δύναμι) же— восемнадцать в каждом роде...». А «по высоте» означает по тесису, так как «...При интервальном движении он [голос], наоборот, делает остановки и промежутки между ними, то и другое располагая попеременно. Остановки мы называем высотами (θέσις), переходы от одной высоты к другой – интервалами...».

В трактате «О музыке» Аристид Квинтилиан использует понятие тесис в качестве одного из «ритмических времен»: «...В целом, по Аристиду, ритмика – это наука о двух ритмических «временах» – арсисе и тесисе (ἄρσις – «поднятие ноги», θέσις – «постановка ноги»). Она состоит из пяти частей: первая трактует о «главных временах», вторая – о родах стоп, третья – о ритмическом темпе, четвертая – о метаболах, пятая – о ритмопее...».

Схожее мнение о тесисе в трактате «Гармоника» имеет Птолемей. Он использует эту категорию при описании стопы и понимает её, как безакцентную долю: «... Известно, что стопа рождается из арсиса [акцентная доля] и тесиса [безакцентная доля] ибо из <соотношения> арсиса и тесиса составляется обусловленная система. Арсис есть, в конце концов,

обозначение идеи тесиса, тесис в такой же степени является обозначением идеи арсиса...».

Изучив источники, получается, что тесис и дюнамис нельзя считать главными основополагающими категориями, а вот интегральными и мерными можно. Ритм в древней Элладе был единым и для музыкального, и для литературного произведения, поэтому использование тесиса при описании ритмики в целом показывает на объединяющий характер этой категории. Что же касается мерности, то наличие определенного количества дюнамисов у звуковых систем ведет к некоторым границам, в рамках которых мыслилось музыковедение Древней Эллады. А вот о главенствующей роли этих категорий древнегреческие музыковеды не приписывают. В целом даже точного определения этим категориям дать нельзя, так как многие музыковеды описывали этими категориями схожие, но в тоже время разные явления.

СЕКЦИЯ I НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ СОБЕСЕДНИКОВ И СОВРЕМЕННОКОВ Н.Н. СТРАХОВА

Заброскова А.О.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ПОНЯТИЕ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ САМОПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ В.Н. КАРПОВА

В докладе излагаются предварительные результаты исследования понятия «самопознание» в философско-психологической концепции В.Н. Карпова.

Карпов был преподавателем СПбДА по истории философии, логике и психологии, переводчиком Платона, и следование сократо-платоновской философии находит отражение в большинстве идей Карпова, в том числе и в определении науки самопознания.

Самопознание в концепции Карпова занимает центральное место и является связующим звеном всех наук. Говоря о структуре самопознания, Карпов выделил уровни самопознания согласно методу (практическое и теоретическое). Как психология наука о самопознании разделяется на две части: психологию синтетическую и психологию аналитическую.

В древнегреческой философии (преимущественно сократо-платоновской традиции) начинает развиваться практическое самопознание. Качественный скачок в его развитии произошел в христианстве, по большей части благодаря опыту подвижничества, и в докладе представлены взгляды

В.Н. Карпова на значение христианства для развития практического самопознания.

Основное внимание планируется уделить определению места самопознания по отношению к другим наукам, в частности философии, психологии и логике. Самопознание у Карпова выступает как предмет философии, а предмет философии в свою очередь определяет предметы всех прочих наук. Наука о самопознании так же является основанием для психологии, как опыт внутреннего самонаблюдения. Обращается внимание на особенности употребления Карповым понятий «психология» и «логика».

Подчеркивается значимость самопознания для нравственной жизни человека. Ставится вопрос об отношении между нравственным состоянием (человека и народа) и развитием теоретического самопознания.

Ермолова Е.М.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

СТИЛЬ РЕЧИ И СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ В.П. БУРЕНИНА (К ОЦЕНКАМ И ВПЕЧАТЛЕНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ)

В докладе содержатся предварительные итоги исследования стиля речи и стиля мышления В.П. Буренина – одного из наиболее заметных и весьма нетривиальных литераторов XIX – начала XX вв. Показывается крайняя разноречивость оценок его творчества со стороны П. Д. Боборыкина, А.С. Суворина, С.А. Толстой, Н.К. Михайловского, Н.С. Лескова и некоторых других его современников, оставивших заметки о нём в своих воспоминаниях и письмах.

Детально рассматривается динамика общественных впечатлений и оценок литературной деятельности В.П. Буренина с 60-х годов и до конца XIX в. Как показывает исследование, В.П. Буренин занимал весьма заметное место среди русских литературных критиков двух-трех поколений; оценки его критических работ эволюционировали от широких симпатий к его остроумию к неоднозначной аксиологической сложности; от брезгливого раздражения до поклонения. В связи с социальной ангажированностью стиля его речи и письма, риторической нацеленностью его фельетонов и статей на широкую публику, особое внимание предполагается уделить анализу некоторых ключевых его псевдонимов – литературных масок (вопросу «от чьего лица В.П. Буренин говорил со своими читателями?»).

Особое внимание в докладе обращается на оценки творчества Виктора Петровича великими русскими писателями, писателями литературно-философского склада Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, Н.А. Некрасовым, М.Е. Салтыковым-Щедринным, чьи произведения также подвергались его критике. многих из них он впервые встретил в конце 50-х годов на собраниях А.Н. Плещеева. Чьи-то оценки, с кем Буренин был знаком довольно близко,

имеют более личный характер (как, например, М.Е. Спалтыков-Щедрин, которому Буренин подражал в начале своего литературного пути и с которым разошелся во взглядах впоследствии); другие же давали свои оценки в основном силе буренинского литературного таланта. Однако, большинство из них считали В.П. Буренина «одаренным», заслуживающим внимания критиком, что потребовало специального анализа в ходе исследования.

Рудавина Т.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И А.С. ПУШКИНА

Федор Михайлович Достоевский является одним из самых известных русских писателей, причем не только в России, но и за границей. Его творчество представляет наше Отечество на мировой литературной арене и украшает литературную сферу жизнедеятельности российского социума. Многие крупнейшие русские философы писали и пишут книги о Достоевском, как о величайшем русском художественном гении (Лосский, 2020). К его трудам обращаются православные богословы, отмечая христианскую направленность и «невидимую гармонию» творчества Достоевского. Как отмечает Н. Симаков, Достоевский в XX веке «для русской и мировой религиозно-философской мысли имел такое же значение, как Платон для древнегреческой философии, св. Августин Блаженный для средневековой теологии, а Кьеркегор для новоевропейской философии» (Симаков, 2010).

Писатель родился и жил в XIX веке, когда происходило множество перемен в социальной, культурной и политической сферах страны, что оказало влияние на формирование его религиозно-философских убеждений, которые отражены в его произведениях. Красной нитью проходят через все его труды христианские идеи о любви, смирении, терпении, милосердии.

Одной из особенностей его взглядов была вера в Бога, во Христа, и от этой веры он отталкивался в своем мировоззрении. Эта вера у писателя есть вера покаянная, вера любви среди волнений «житейского моря» и соблазнов. Именно с веры, по мнению Достоевского, начинается настоящая, подлинная жизнь личности, души, которая бессмертна богообразна, в соответствии с христианским учением. Чистая, искренняя вера в Бога, в Творца вызывает полный переворот содержания и установок личности (Иустин (Попович), 2007).

Федор Михайлович на страницах своих книг размышляет о греховности человека, о его предназначении, о вопросах бытия, о Боге и Истине. Христос стал его идеалом, а грех, по мнению Достоевского, мешаает человеку слиться с Богом.

В его творчестве прослеживаются характерные черты той антропологической парадигмы, которая господствовала в то время в сознании российского общества: человек воспринимается как «целостность», «соборность», как «Я», которое актуализируется в «Мы»; определяющими человеческого бытия становятся нравственные основания, постоянное искание правды и смысла жизни. Человек, стремясь к духовному совершенству, преобразует мир вокруг себя. Однако «духовное совершенствование» каждый понимал по-своему. И Достоевский в этом смысле открывает своим современникам жизнь духа и Бога в христианском их понимании. Вопрос о возрождении души, о встрече с Богом, об обожении – вот то, что занимало Достоевского (Дроздов, 2020).

Достоевский обращает внимание на особенности западного гуманизма, веры, присущей западному миру: он говорит о том, что этот мир делает акцент на вере не в Бога, а в человека, т.е. в центре мира для западного религиозного сознания стоит человек, он есть главный стержень мироздания, а Бог отодвигается на периферию человеческого сознания. Такой взгляд на бытие мира Достоевский осуждает, считая, что это есть гордость, человекобожие, которое ведет к богоборчеству, делает человека безбожным, а это «нарушает его духовный строй, парализует ум и доводит до безумия» (Иустин (Попович), 2007).

Предметом веры является Христос, воплотившийся Бог, именно Он есть смысл и цель всей человеческой истории, по мнению писателя. На страницах своих произведений Достоевский словами главных героев рассуждает на тему религии, поднимает вопросы веры в Бога, раскрывает свой взгляд на мир. Он считает, что идея Бога, стремление к Богу являются имманентными человеческому мышлению, сознанию, человеку свойственно искать своего Создателя, стремиться к Нему. Идея Бога, таким образом, является центром сознания человека. Христос есть полнота и реальность бытия и всего Высшего. В Его личности Достоевский видит решение всех проблем, как отдельного индивидуума, так и всего социума в целостности. Человека он рассматривает в свете Христовой истины, т.е. антропология его строго теоцентрична и христоцентрична.

Еще одним элементом религиозно-философских взглядов Достоевского является молитва, как разговор человека с Богом. Молитва рассматривается писателем в качестве метода православного воспитания, созидания души. Она ведет ум человека, его сердце к Богу, раскрывает тайны Вечности (см.: Иустин (Попович), 2007).

Из веры в Бога, принятия Христа в свое сердце естественным образом вытекает смирение, следующий элемент философии Достоевского. Именно посредством смирения человек начинает понимать, что его духовный уровень, духовное зерно в нем весьма мало по сравнению с абсолютным совершенством Христа, что он, человек, становится настоящей личностью именно тогда, когда соединяется с Богом, со Христом, Который являет Собой смысл жизни и цель истории человечества. Любовь, как путь и способ

истинного Богопознания, является еще одной составляющей мировоззрения Достоевского.

Положительное решение человеком основных онтологических вопросов, по мнению писателя, заключено в признании Бога, Боговоплощения, а потому это решение строится на основании библейских принципов. Следование этим принципам, принятие положительных решений присуще положительным героям Достоевского. Отрицательное решение, наоборот, заключено в признании, что Бога нет, нет и бессмертия, и это признание составляет сущность всех отрицательных героев Достоевского.

Главное в жизни, по мнению писателя, – поиск высшей Правды, поиск Бога, познание самого себя в свете заповедей Божиих. Без искреннего признания Бога и желания жить по Его заповедям, без веры Богу, как Отцу Небесному, по убеждению писателя, человечество идет к человекобожеству, а потому неминуемой гибели (в этом ключе Достоевский анализирует и католический и протестантский мир Запада).

Мысль о необходимости для человека веры в Бога, веры в бессмертие души является у писателя основным стержнем его творчества (Осипов, 2018). Смысл человеческого существования заключается в духовно-нравственном «совершенствовании и единении с другими людьми во всеобщей любви, в самоотдаче себя на благо другим» (Шовина, 2006), соединении с Богом.

Герои Достоевского решают вечные и весьма важные вопросы: есть ли Бог, есть ли бессмертие души? Если их нет, то тогда человеку все позволено и тогда теряется смысл жизни. Образ Христов есть главная творческая сила в душах их. Он светится в их лицах. Положительность их заключена в христоликости их душ. В душах своих они свято хранят Лик Христов, проносят его через хаос времени. Христос есть содержание, смысл жизни каждого человека. При потере веры в бессмертие человек потеряет и высший, подлинный смысл своей жизни. Только с верой в Бога и в свое бессмертие человек может понять смысл своего бытия (Симаков, 2010).

Свое мировоззрение Достоевский строит на основе евангельских истин, на основе православного вероучения, догматики. Именно в свете «Евангелия» писатель «с потрясающей глубиной показывает обнаженное сердце человека» (Осипов, 2018). Смысл жизни человека Достоевский понимает в рамках христианского мировоззрения – в обожении. Конечной целью духовного делания личности становится, по мнению Достоевского, уподобление Христу.

Таким образом, Федор Михайлович Достоевский принадлежит к той части человечества, которая именуется людьми живыми, несущими в себе огонь, ищущими Истину, идущими за ней и ведущими за собой других людей. Евангельское слово принижает все произведения Достоевского, которые отражают его мировоззрение, религиозно-философские взгляды. Человек, приобщившийся к миру Достоевского, становится иным, в нем что-то меняется, происходит переориентация смысловых ориентиров, перед ним «раскрываются иные измерения бытия» (Бердяев, 2000: 252).

Вопросы, с великой силой поднятые в литературе Достоевским, есть вопросы духа и совести, смысла жизни, тайна бессмертия, т.е. вопросы, главные для каждого человека. То главное, что придает смысл жизни, по мнению Достоевского, есть вера в Бога и в бессмертие души, которые он понимает в соответствии с христианской догматикой.

Лирика А.С. Пушкина, который также жил и творил в XIX столетии, содержит в себе христианские мотивы. Он – «солнце русской поэзии» (Одоевский, 2020). В прошлом столетии русский философ и религиозный мыслитель С.Л. Франк писал: «В русской мысли и литературе господствует какое-то странное, частью пренебрежительное, частью равнодушное отношение к духовному содержанию поэзии и мысли Пушкина» (Франк, 2019). Философ удивлялся тому, что религиозность Пушкина, его духовное, внутреннее сознание менее всего изучены, и, к глубокому сожалению Франка, проблема религиозности поэта практически не ставилась на тот момент. А ведь, как замечает мыслитель, «в безмерно богатом и глубоком содержании духовного мир Пушкина религиозное чувство и сознание играет первостепенную роль» (Франк, 2019).

Александр Сергеевич родился, воспитывался и рос во время, когда русское общелитературное направление «стало достигать своего апогея» (Пономарев, 1899). Свое творчество он начал, как и многие русские писатели, с подражания и увлечения «иностранным». Однако, овладев собой, он встал на путь самобытно-русского мирового гения с русским сердцем, отыскав болезненное явление нашего интеллигентного общества, «оторванного от почвы» и возвысившегося над народом.

Пушкин выявил проблемы русского народного сознания, в частности, он указал на «человека беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого отрицающего и искренно страдающего» (Пономарев, 1899). При этом он первый раскрыл перед нами художественные типы русской красоты и духа.

С.Л. Франк обращает внимание на религиозное начало поэтического творчества Пушкина, при этом религиозность поэта имеет «типично русскую форму, сочетающую религиозное просвещение с простотой, трезвостью, смиренным и любовным благоволением ко всему живому, как творению и образу Божию» (Франк, 2019). Духовные интуиции Александра Сергеевича и запас «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» (Пушкин, 1978) отражает его поэзия, которая наполнена духовным содержанием и в которой «мы находим богатые данные для познания религиозности Пушкина» (Франк, 2019). Поэт, как и любой другой русский человек, сочетает в себе две крайности: с одной стороны, в нем бушует разгул, неистовство, цинизм, а с другой, налицо широта души, великодушие, умудренность и просветленность. Франк видит в Пушкине «духовную стыдливость, скрывающую чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства» (Франк, 2019). Его волнуют духовные вопросы, он высмеивает пороки человека и общества, притворство, «святых невежд, почетных подлецов и мистику придворного кривлянья» (Пушкин, 2010d: 216).

Примечательно, что не только в зрелом, но и в юношеском возрасте его творения отражали его духовное состояние, уровень и направленность его религиозности. Если, будучи уже более взрослым человеком, он стал степенным и более христианином, то ранняя поэзия свидетельствует о его увлечениях вольнодумством, античностью, атеистическим взглядом на мир, Вольтером, который для него «поэт в поэтах первый» (Пушкин, 2019), Гомером, Вергилием и др.

С возрастом меняется мировоззрение, в Пушкине раскрывается христианин, его творчество содержит евангельские молитвы, христианское мировоззрение: «... веленью Божию, о муза, будь послушна» (Пушкин, 2010f: 599). Он видит ложность «просветительства» и атеизма, глупость, поверхностность отрицания необходимости веры в Бога. И, кстати сказать, даже в молодом возрасте Пушкин уже чувствует, прозревает трагическую, мучимую «безнадежность сердца, неспособного к религиозной вере» (Василевская, 2009) (стихотворение «Безверие» (Пушкин, 2010a: 149-152). Для Пушкина «не допускать существования бога – значит, быть еще более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге» (Модзалевский, 1926: 314).

Таким образом, то, что Пушкину была свойственна религиозность, не вызывает никакого сомнения. В то время, как он берет уроки атеизма и увлекается атеистическими писателями, он читает и Священное Писание. Он интересуется онтологическими, экзистенциальными вопросами. С 20-х годов в поэте шел процесс созревания, углубления духовной умудренности и религиозного сознания, что, так или иначе, отражалось в его творчестве. Для Пушкина поэтическое вдохновение было настоящим религиозным откровением.

Из поэтических творений на религиозные темы можно назвать, в частности, стихи «Ангел» («В дверях эдема...»), «Монастырь на Казбеке», «Юдифь», «Молитва» («Отцы-пустынники»), «Мирская власть», «Отцы пустынники и жены непорочны» и другие.

К концу жизни Пушкина духовное созревание поэта выразилось в его христиански-религиозном настроении. Он, можно сказать, унаследовал религиозную, а именно христианскую, систему ценностей, сквозь призму которой он воспринимает все, что его окружает, в частности, красоту природы: и «светил небесных дивный хор» (Пушкин, 1978), и «шум морской», и «хвалебный гимн отцу миров», и бездну, и разъяренный океан, и ураган. В красоте природы поэт видит божественное начало, божественную энергию, следы Творца.

И в любви к родительскому дому, к Родине просматривается отсыл к библейской заповеди о любви к родителям, их почитании (пятая заповедь в Декалоге, см. Исх.20 глава). Например, стих «Два чувства»:

«Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его...
Животворящая святыня!
Земля была без них мертва,
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества» (Пушкин, 2010b: 537).

Библейский посыл мы видим и в стихотворении «Пророк», основой которого стала шестая Книга Пророка Исаии. В «Мирской власти» Пушкин противопоставляет мирское бытие и священное, христианское, мистическое, показывая абсурдность, приниженность мирского перед сакральным.

Основой стихотворения «Отцы пустынноики и жены непорочны...» является молитва прп. Ефрема Сирина, которую особо читают в период Великого поста, и Пушкин красиво перефразирует ее в стихотворной форме:

«Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи» (Пушкин, 2010c: 597-598).

В стихотворении «Странник» поэт обращается к евангельским сюжетам, вспоминая «спасения верный путь и тесные врата» (Пушкин, 2010e:585), а в «Подражание итальянскому» он обращается к теме предательства Иудой Иисуса Христа.

Таким образом, обзор части творений поэта позволяет сделать вывод о том, что многие из его творений проникнуты христианскими, евангельскими молитвами. А.С. Пушкин – великий русский поэт, творчество которого отражает его внутреннее настроение, духовную направленность. И если в юношеские годы он увлекался атеистическим рационализмом, вольтерьянством, античностью и т.п., то в зрелом возрасте он более склоняется к христианству. Евангельскими, библейскими сюжетами наполнены его произведения. Лейтмотивом его творчества является человек (причем сквозь призму религиозного, христианского взгляда): его место и роль в мире, смысл жизни и, соответственно, темы дружбы, любви к другому человеку, к отчужденному, к миру, тема природы и т.п.

В заключение можно отметить, что в основе религиозно-философских взглядов Ф.М. Достоевского и А.С. Пушкина лежит христианское вероучение, а составляющими элементами их мировоззрения являются вера в Бога, необходимость связи с Творцом, признание Боговоплощения, Христа в

качестве Спасителя и центра жизни, а также любовь, молитва, смирение. Произведения писателей чудесным образом раскрывают перед нами глубины сердца человеческого как в его греховности, так и в его величии.

Творчество и Ф.М. Достоевского, и А.С. Пушкина оказало огромное влияние на всю мировую литературу и на мировоззрение многих философов и мыслителей, как отечественных, так и зарубежных. Обращение к их произведениям, анализ их трудов в рамках многовековой православной традиции позволит увидеть глубины религиозности русского народа.

Литература

Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев. Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2000. 318 с.

Василевская А. Христианин ли Пушкин? // Смоленская митрополия [Электронный ресурс]. URL: <http://smoleparh.ru/publikacii/2009/02/hristianin-li-pushkin/> (дата обращения: 29.03.2023).

Дроздов А.И., священник, Гимоян С.А., священник. Религиозные воззрения Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-vozzreniya-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 29.03.2023).

Иустин (Попович), прп. Философия и религия Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/book/195975-filosofiya-i-religiya-dostoevskogo/> (дата обращения: 29.03.2023).

Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/6/dostoevskij-i-ego-hristianskoe-miroponimanie/#0_1 (дата обращения: 28.03.2023).

Модзалевский Б.Л. Письма Пушкина. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. 579 с.

Одоевский В.Ф. Солнце нашей поэзии закатилось [Электронный ресурс]. URL: <https://онлайн-читать.рф/в-ф-одоевский-солнце-русской-поэзии-закатилось/> (дата обращения: 29.03.2023).

Осипов А.И. Искатель высшей правды. Ф.М. Достоевский и Православие [Электронный ресурс]. URL: <https://alexey-osipov.ru/books-and-publications/doklady/iskatel-vysshey-pravdy/> (дата обращения: 29.03.2023).

Пономарев А.И. Значение А.С. Пушкина в истории русского литературно-общественного развития [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Ponomarev/znachenie-a-s-pushkina-v-istorii-russkogo-literaturno-obshhestvennogo-razvitija/ (дата обращения: 29.03.2023).

Пушкин А.С. Безверие // Я вас любил... Стихотворения. А.С. Пушкин. М.: Эксмо, 2010. 640 с.

Пушкин А.С. Городок [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/5189/gorodok> (дата обращения: 29.03.2023).

Пушкин А.С. Два чувства // Я вас любил... Стихотворения. А.С. Пушкин. М.: Эксмо, 2010. 640 с.

Пушкин А.С. Евгений Онегин [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v05/d05-005.htm> (дата обращения: 28.03.2023).

Пушкин А.С. Отцы пустынноики и жены непорочны // Я вас любил... Стихотворения. А.С. Пушкин. М.: Эксмо, 2010. 640 с.

Пушкин А.С. Послание к кн. Горчакову // Я вас любил... Стихотворения. А.С. Пушкин. М.: Эксмо, 2010. 640 с.

Пушкин А.С. Странник // Я вас любил... Стихотворения. А.С. Пушкин. М.: Эксмо, 2010. 640 с.

Пушкин А.С. Я памятник себе воздвиг... // Я вас любил... Стихотворения. А.С. Пушкин. М.: Эксмо, 2010. 640 с.

Симаков Н. Ф.М. Достоевский как религиозный мыслитель, проповедник и пророк [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2010/7/05/fm_dostoevskij_kak_religioznyj_myslitel_p_gorovednik_i_prorok (дата обращения: 29.03.2023).

Франк С.Л. Религиозность Пушкина [Электронный ресурс]. URL: <https://pravlife.org/ru/content/religioznost-pushkina> (дата обращения: 29.03.2023).

Шовина Е.Н. Проблема смерти и бессмертия в философском наследии Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-smerti-i-bessmertiya-v-filosofskom-nasledii-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 29.03.2023).

Сиротина А.Н.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ТЕМА ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Доклад посвящён исследованию софийного мироощущения в романах Ф.М. Достоевского. Показано, как раскрывается тема Вечной Женственности в романе «Идиот».

Современная наука испытывает повышенный интерес к философским аспектам творчества Ф.М. Достоевского – знакового русского писателя, произведения которого несут глубочайшую метафизику русского духовного бытия, который породил философскую критику Серебряного века, связал воедино художественную словесность и метафизическое философствование, являются ключом для раскрытия проблем современного философского знания, и в первую очередь для постижения русского духовного софийного мироощущения.

Ф.М. Достоевский видит категорию Вечной Женственности как софийности - высшей полноты и мудрости жизни – сквозь призму эпохи XIX века, утрачивающей цельность и единство и всё более взыскующей этой цельности. Этот поиск создаёт особую духовно-метафизическую

насыщенность его произведений, исследующих онтологическую драму отношений человека с миропорядком, свидетельствуя о взлётах и падениях души человека, ибо «мир есть София в своей основе и не есть София в своём состоянии».

В романе «Идиот» тема Вечной Женственности раскрывается в русле софийной поэтики всеединства, перекликаясь с основными положениями русской религиозной философской мысли XIX–XX веков (В. С. Соловьёв, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский), утверждавшей Софию как единую субстанцию Божественной Троицы, Её всеединство, сопряжённую с мировой душой.

Главная героиня романа Настасья Филипповна, воплощает в себе идеи софийности о том, что человек является выражением падшей Софии, но одновременно София остаётся тем же первородным началом для человека. Через художественные образы романа Достоевский показывает, что лишь благодаря сознательному усилию воплотить в себе высшее творческое, духовное начало человек способен преобразоваться, уподобиться божественной Вечной Женственности и воссоединиться с ней.

В романе софийность находит своё воплощение также в соборности – характерной для русской общественной духовной жизни духовной общности народа, многих совместно живущих людей. Единение людей проявляется как в мирской, так и в религиозной сфере.

Таким образом, основные идеи Вечной Женственности в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» нашли отклик в мотивах Софии, софийности, соборности, отразились в образах главных героев.

Винграновская А.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

СМЕХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

В последнее время актуализировались вопросы, связанные с проблематикой смеха в творчестве Ф.М. Достоевского. Смех, комическое занимает центральное место в эстетике и поэтике Достоевского, о чем говорит употребление самого слова «смех», а также близких к нему по значению лексических единиц. Необходимо показать основные особенности этой лексемы, отраженные в словарной статье Словаря языка Ф.М. Достоевского, предполагающей многопараметровое лексикографическое представление идиоглосс, ключевых для авторского идиостиля лексем.

В настоящем докладе систематизированы суждения о смехе Достоевского отечественных ученых-литературоведов, таких как В.Г. Белинский, М.М. Бахтин, Л.В. Карасев, А.Е. Кунильский и другие. Материалом для исследования проблематики смешного в творчестве Ф.М.

Достоевского стали его работы разных жанров: роман «Подростки», «Записки из мертвого дома» и особенно показательный «Дневник писателя». В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский характеризует юмор как «остроумие глубокого чувства». Самым высоким видом юмора Ф.М. Достоевский считал смех сочувственный, в котором есть любовь, сострадание и уважение.

Цель работы – показать необходимость разграничения смеха и комического, исследовать своеобразие смеха писателя. Рассмотреть два вида смеха Достоевского, добросердечный и злой. Изучить понятие «юмор» и «смех», как их понимал сам Ф.М. Достоевский.

В докладе приведены исследования о характерологическом и аксиологическом аспектах смеха. Показана проблема собственной боязни Ф.М. Достоевского быть осмеянным, на примере «Дневника писателя».

В заключение выявлено различие между смехом и комическим в творчестве Ф.М. Достоевского. На основе анализа места комического и способов его функционирования в творчестве Ф.М. Достоевского сделаны выводы о взаимодействии комического с другими категориями эстетики писателя.

Шульженко А.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОРГАНИЦИЗМА В РОССИИ XIX ВЕКА

В докладе рассматриваются факторы философского мышления, предшествовавшие возникновению органической традиции в русской философии XIX века, их влияние и влияние философского диалога России и Германии. Также обращено внимание на важные особенности органицизма, как теоретико-методологического способа понимать, утверждающего конец негативного взгляда. Этот способ понимать начал выделяться главным образом в эпоху немецкой классической философии.

Рассматриваются роли М.М. Щербатова, А.Н. Радищева, Д.М. Велланского, М.Г. Павлова и А.И. Галича в формировании органической философии в России, а также истоки их философских ориентаций на пути органического понимания, и обзор становления А. Григорьева как органического философа, рассматриваются его интеллектуальные собеседники: Т. Карлейля и Ф. Шеллинг и Г. Гегель.

Кальницкий А.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РАБОТАХ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО И И.Л. СОЛОНЕВИЧА. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В докладе рассматриваются концепции российской государственности Н.Я. Данилевского и И.Л. Солоневича, как они изложены в их трудах «Россия и Европа» и «Народная монархия». Вначале анализируются основные черты цивилизационной теории государственности России Данилевского, а затем концепт «народно-монархической» российской государственности Солоневича. Данилевский считал, что исторически Россия должна возглавить всеславянскую конфедерацию народов (с рядом приграничных государств) и раскрыть свой потенциал как особой цивилизации: объединить и защитить малые народы славян, не дать романо-германской цивилизации поглотить их; противостоять западной цивилизации и сохранить славянскую идентичность, в том числе и русского народа. Солоневич же полагал, что историческому идеалу отвечал бы возврат к «истокам», к допетровским временам. Его формула власти: поддержка народом монарха и власть монарха на Московский манер (допетровский), а именно: сохранение и развитие режима самоуправления с судом присяжных, с земским собором, который обеспечивает стабильность государству; соборность самой власти, то есть равновесие всех политических сил (что называется балансом ветвей власти) и, самое важное, взаимодействие с простым народом. Основа Московского княжества – монарх и народ. Важно отметить, что авторы писали в разные исторические эпохи, и этот факт играет значительную роль в анализируемых концепциях. Данилевский писал о том, как сделать Россию более великой, а Солоневич о том, как вернуть величие стране и власть народу на основе симфонии всех ветвей власти и общественных групп.

Хоу Цзыци

Сучжоуский Университет (Сучжоу, Китай)

ЗОЛОТОЙ ВЕК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

В традиционной истории литературы Золотой век, начавшийся с Пушкина и закончившийся Чеховым, считается самым процветающим периодом в истории русской литературы. Однако русский литературный критик и мыслитель 19 века К. Н. Леонтьев предложил другую точку зрения: Пушкин и его современники – вершина и конец русской литературы,

с «Шинели» Гоголя начался упадок русской литературы, и все его продолжатели представляют собой представители упадка русской литературы. Эта точка зрения односторонняя, но и предлагает новый взгляд на изучение истории русской литературы XIX века.

Сергеева И.Н.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ПОЧВЕННИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ В ЛЕКСИКОНЕ ОРЕСТА МАРКОВИЧА НОВИЦКОГО

Почвенничество является идейным направлением в России второй половины 19 века. Программа данного направления была опубликована в журнале «Время», где Ф.М. Достоевский писал: «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом, <...> – После реформы был между ним и нами, сословием образованным, один только случай соединения – двенадцатый год, и мы видели, как народ заявил себя. <...> Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» (<https://fedordostoevsky.ru/works/lifetime/time/>).

Однако почвенничество – одно из непростых понятий. Его рассматривают в различных аспектах, как: «литературно-общественное и религиозно-философское течение; социально-политическую доктрину, рожденную «Золотым веком» русской политической мысли; новую интуицию «русского пути», настолько впечатляющую, что она за полтора с лишним столетия все еще не утратила своей привлекательности» (МИКИТЮК Ю.М. Основные характеристики теории почвенничества и ее актуальность в глобализации культуры // *Общественные науки. Всероссийский научный журнал* №5. – 2011. – С. 52-60.)

Ф.М. Достоевский понимал почвенничество как религиозную доктрину, в основе которой находится преобразование общества и мира в целом средством христианского братства и единения. В данном контексте им говорилось о идее русской «всечеловечности», где мироустройство определено общиной, а русская идея – народная соединяет мировые культурные ценности и народные идеалы. Идеология, основанная на объединяющем людей христианстве, также была близка и профессору Киевской духовной Академии Оресту Марковичу Новицкому.

В контексте понимания почвенничества, можно проследить отражение философии О. М. Новицкого, как науку о форме бытия, которая заложена в духовном мире человека, отражающем самопознание через идею божественного. Здесь определяется близость людей духовно, а не через социальные или политические точки. Как полагает автор философия не

может существовать без идеи, так как идея – сущность разума, а в глубине духа она встречается с религией, верованиями индивида, то есть существует три предмета сознания: я, не-я и Бог.

О. М. Новицкий подчеркивал, что есть «истина для нашего мыслящего духа есть согласие мысли и бытия мыслимого» (Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. 1-4. Киев, 1860-61; Изд. 2-е. 1882.), то есть для понимания бытия человека необходимо проанализировать отношение философии к религии и мыслящий дух по отношению к мыслимому бытию. Новицкий определил опытное развитие законов внешнего мира и объединение этих противоположностей в высшем их начале и принадлежит русскому народу, который выражается в примерном благочестии, глубокой преданности отечеству и царю – главные черты русского характера и духа. Только с выражением их может создаться самобытная философия.

Брызгунов М. А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

**Ф.И. ТЮТЧЕВ И РУССКИЕ ОБРАЗЫ
НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА
(К ИССЛЕДОВАНИЯМ Т.И. ЛИПИЧ)**

В докладе рассматриваются некоторые аспекты связи Ф.М. Тютчева с немецкими мыслителями и поэтами того времени (биографические и проблемно-тематические, прежде всего); характеризуются процессы уточнения и изменения смыслов и значений немецкого романтизма через интерпретацию поэзией русской культуры. Актуальным, в связи с этим, является целостное представление об опыте общения Ф.И. Тютчева с немецкими мыслителями, его социокультурном окружении поэта. Без сомнения, важным является герменевтический подход к анализу тютчевских стихотворений, в которых смыкаются и взаимно уточняют друг друга немецкие и русские романтические смыслы. Особое внимание в докладе обращается на исследования Д.И. Чижевского в сравнении с работой С.Л. Франка «Космическое чувство в поэзии Тютчева».

Герменевтически контекстуальными (значимым для характеристики перечисляемых романтических традиций в поэзии Ф.И. Тютчева) являются труды Т.И. Липич.

Акиншина А.С.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

Я.П. ПОЛОНСКИЙ В БИБЛИОТЕКЕ-МУЗЕЕ Н.Н. СТРАХОВА (ОПЫТ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЗОРА)

В докладе сообщаются результаты систематического анализа материалов редкого фонда и электронных коллекций библиотеки-музея Н.Н. Страхова в НИУ «БелГУ». Показывается, что Н.Н. Страхов и Я.П. Полонский имели достаточно продолжительный опыт общения. Особое внимание обращается на тематику литературных предпочтений Я.П. Полонского и разностороннюю, почвенную критику Н.Н. Страхова.

Ключевыми для анализа являются следующие сборники из коллекции библиотеки Н.Н. Страхова: Я.П. Полонский. Лирика. Проза / Сост., вступ. ст. и ком. В.Г. Фридлянд; Ил. Ю.К. Бажанова. М.: Правда, 1984; Я.П. Полонский. Проза / Сост., вступ. ст., примеч. Э.А. Полоцкой. М.: Сов. Россия, 1988; Сочинения Я.П. Полонского. СПб. Т. I и II, 1869; Т. III, 1870; Стихотворения Н. Некрасова. Издание пятое. Четыре части. СПб., 1869; . Страхов Н.Н. «Мороз Красный нос», поэма Н. Некрасова ... СПб., 1870 // Заря. 1870. № 9, о. II. С. 127-164; Страхов Н.Н. Снопы. Стихи и проза Я.П. Полонского. Книга 1. СПб. 1871 // Заря. – 1871. – № 3, о. II. – С. 13-14; Полонский, Я.П. Письмо Я.П. Полонского – Н.Н. Страхову // Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования / АН СССР, Ин-т мировой лит.; гл. ред. В.Р. Щербина. М., 1973. С. 72-73. Это своего рода диалогическое собрание позволяет уточнить наиболее существенные информационно-библиографические контексты современных исследователей многолетней сферы разговора и поэтико-познавательного поиска двух выдающихся современников гуманитарной России XIX столетия.

Штейнмиллер И.О.

Белгородский государственный академический
драматический театр имени М.С. Щепкина,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР: К ФИЛОСОФИИ ТЕАТРА Г.Г. ШПЕТА

Философия театра Г.Г. Шпета, одного из самых диалогически чутких русских мыслителей, знатока русской театральной жизни конца XIX и первых десятилетий XX вв., пребывает пока что во вполне предварительном состоянии. Опубликованные труды имеют вид весьма конденсированных, сжатых в смысловом отношении текстов (ключевыми здесь являются

«Дифференциация постановки театрального представления» и «Театр как искусство»); значительны, между тем, и контексты – те, которые содержат оригинальную общую разработку Г.Г. Шпетом проблем герменевтики, – программные тексты, посвященные установкам и практикам интерпретации как своего рода «понимающего» условия его философии театра; многочисленны и до сих пор не полностью выведены их под архивной сени и материалы различных переписок Г.Г. Шпета, его встреч и разговоров с выдающимися деятелями русского театра того времени и т.д.. В докладе предлагается рассматривать потребность в реконструкции целостной философии театра Г.Г. Шпета, представляя её в некотором диалогическом воображаемом – в связи с возобновлением тех разговоров, следы которых можно найти в различных трудах мыслителя при сценарном расширении их фактичности. В докладе в дискуссионном порядке излагаются результаты такой исследовательской, экспериментальной реконструкции применительно к работе «Дифференциация постановки театрального представления» (с учетом намеченного самим Г.Г. Шпетом герменевтического контура «драматург – режиссер – художник – актёр... интерпретатор»).

СЕКЦИЯ II
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СТРУКТУРЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ XIX-XX В.

Нифонтова В.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Создатель культурно-исторической теории Л.С. Выготский разработал ее, опираясь на достижения психологии XIX-начала XX века. Руководствуясь материалистической теорией Маркса, Лев Семенович использовал историко-генетический метод в определении основных этапов развития человека. Выводы по проведенным экспериментальным исследованиям позволяют подвести итоги – онтогенез каждого человеческого индивидуума повторяет основные культурные достижения филогенетического развития той социальной общности, в которой он развивается.

Интерес к обучению личности быть инициирован запросами общества Советского государства. После Октябрьской революции на просторах страны остались без присмотра около семи миллионов несовершеннолетних. Эту армию детей, не получивших ни начального образования, ни зачатков воспитания надо было превратить в людей – строителей будущего. Опираясь на существующие на тот момент старые педагогические методики, нельзя было получить продукт – личность нового образца, готовую к построению нового общества. Цель выстраивала задачи.

Титанический труд по оппонированию ученым-психологам, занимающимся проблемами обучения и развития детей, задействование в экспериментальных исследованиях «принципа историзма, принципа целостности, идеи системного и смыслового строения сознания» [5, с.6] позволило воссоздать структуру обучения ребенка с точки зрения культурно-исторической теории.

Основная система обучения опирается на два основных момента: «Во-первых, это актуальный уровень развития как собственно уровень подготовленности ребенка. Для него характерны задачи, которые он может выполнять совершенно самостоятельно.

Второй и более высокие уровни, которые он называет зоной ближайшего развития, т. е. ребенок еще не способен выполнять задания самостоятельно. Но выполняя задание с помощью взрослого, по мнению Л. С. Выготского, завтра ребенок сделает это сам. То, что находится в зоне ближайшего развития процесса обучения, в процессе обучения переходит на уровень актуального развития». [5, с. 8]

Роль социума, его основополагающих принципов жизнедеятельности, подтверждала деятельность коммуны под руководством А. Макаренко, созданной из беспризорников в Харьковской области. Коллектив, построенный на основе общности трудовой деятельности, учета интересов личности, взаимовлияния членов детского отряда и высоких идеалов педагогического коллектива, продемонстрировал действенную модель социализации индивида в общности с заданными параметрами.

Теория культурно-исторического подхода к решению проблем обучения и развития подрастающего поколения подтверждалась в исследовательских лабораториях и полевых выездах сотрудников Л.С. Выготского. Культура общества - основа социализации индивида. Это тот фундамент, на основании которого будет (и проходит) формирование человека. Индивид становится личностью и осознает себя как личность в парадигме социальных отношений и культурного своеобразия социума, в котором проходило ее формирование. Деятельность субъекта, в заданном культурном плане общества, определяет отношения с другими индивидуумами, сознание и самосознание.

Образование в этом плане выглядит как процесс интеграции индивидуального бытия в культурную общность социума. В этом сложном контексте воспринимается и антропоцентричность культуры и «транслирующая деятельность» взрослого в общении с учеником.

Современные реалии образовательного процесса претерпевают мощные изменения. Введение в сферу образования новых технологий: удаленного обучения, интерактивного компонента, других компьютерных технологий изменяют методики преподавания дисциплин. Но меняется ли их наполнение? Остается ли действующим культурно-исторический подход в современных методах образования?

Повторимся, что цель определяет задачи ее достижения. Если у нас стоит цель в получении высокообразованного специалиста с широким кругозором и умением новаторски мыслить, находить варианты решения сложных технических и естественнонаучных задач современного мира, то культурно-исторический подход в образовании позволяет этого достичь. Технологии нового времени позволяют облегчить и ускорить процессы поиска информации, и ее обработки. Однако, главная задача образования – «для возникновения настоящего продуктивного акта мышления» [1, с. 203], создать систему знаний и навыков, позволяющих использовать индуктивные и дедуктивные методы в обработке информации и применению новых подходов в решении научных задач. Пока эта задача современным состоянием образования решается с трудом. Если принципы обучения практически не изменились, то и педагогика, и дидактика (как теория образования) претерпели кардинальные изменения. По замечанию Г. Кравцова и Е. Кравцовой «Единственный конструктивный путь в психологии образования, ведущий к созданию научно обоснованной дидактики, видится в углубленном анализе и дальнейшей разработке идей и принципов, выдвинутых Л.С. Выготским» [5, с10].

Общение является основополагающим моментом как в обучении, так и в образовании. Личность, которая находится рядом с ребенком, рядом с учеником определяет отношение основного постулата культурно-исторической теории «индивид - общество». В разрезе образовательного процесса, личность педагога, владение им новейшими методиками преподавания, широкий спектр знаний в различных областях, являются главным, если не сказать основополагающим фундаментом, для интеграции ученика в культурную среду социума и его самоидентификацию. Реальные взаимоотношения и общение педагога и ученика выстраивают тот мостик, по которому ребенок входит в общество, принимает его ценности и культуру, и сам становится его частью.

Литература

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
2. Выготский Л.С. История развития высших психических функций. Собрание сочинений, том 3. М.: Педагогика, 1983. 369 с.
3. Горлова Н.А. Педагогические ориентиры культурно-исторического подхода в современном образовании и [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-orientiry-kulturno-istoricheskogo-podhoda-v-sovremennom-obrazovanii> (дата обращения 10.04.2023)
4. Давыдов В.В. Соотношение понятий «формирование» и «развитие» психики/ Обучение и развитие: Материалы по симпозиуму (июнь-июль 1966). М.: Просвещение, 1966. С. 35-48.
5. Кравцов Г.Г., Кравцова Е.Е. Культурно-исторический подход к вопросам образования // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 4–13.

Кузубова М.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

А.А. ПОТЕБНЯ О ЯЗЫКЕ КАК ВЫРАЖЕНИИ ОТНОШЕНИЯ НАРОДА К МИРУ И СРЕДСТВЕ ПОЗНАНИЯ

А.А. Потебня известен, в первую очередь, благодаря работе «Мысль и язык», в которой предпринимается серьезная попытка выяснить отношение мысли к слову. Но, следует отметить, что взаимосвязь языка и народа становится одним из основных лейтмотивов в творчестве А.А. Потебни. Изучая мифы, песни, обряды и обычаи славян, он видит в языке основу духовной жизни народа.

В лингвофилософской концепции языка А.А. Потебни категории – общество и народ не являются тождественными. Общество предшествует

языку и является первостепенным условием его развития, поскольку именно коммуникация между людьми позволяет мысли объективироваться в слове. «Язык возможен только в обществе. Уединенная работа мысли может быть успешна только на значительной ступени развития, при пользовании письменностью, отчасти заменяющей беседу. Лишение общества может довести до отупения или сумасшествия даже высоко развитого человека» (Потебня, 1958: 22).

Если общество – фундамент для возникновения языка, то дальнейшее развитие языка обнаруживается в его взаимодействии с народом. При рассмотрении понятия «народ» Потебней, выясняется, что оно обозначает собирательное понимание множества людей. Синонимом народа выступает язык, поэтому то, чем один язык отличается от другого, ученый называет народностью. В определении понятия «народ», таким образом, ключевым признается не происхождение, быт, местоположение, верования людей, а именно язык: «...верная, единственная примета, по которой мы узнаем народ и вместе с тем единственное, незаменимое ничем и неперемное условие существования народа есть единство языка» (Потебня, 1913: 222). По мысли ученого народность представляет собой способ, посредством которого выражается содержание языка. Народность становится определенной конфигурацией, обеспечивающей межличностную взаимосвязь и обеспечивает социокультурное единство. Кроме того, народность «...есть великий исторический двигатель, потому что служит средством образования связей между членами одного и того же народа; единство веры, образованности и пр. Народность есть стимул, действующий с появления человеческих обществ, и при том независимо от того, сознаются ли разделяющие ее особенности или нет» (Потебня, 1913: 222).

Элементом народа, проявляющим его индивидуальность и творческий потенциал, является личность. Народ состоит из множества личностей и обретает своеобразный дух через складывание самовыражений личностей. Роль связующего материала выполняет язык, обеспечивающий сопричастность личности и народа. Потебня убежден, что «в языке живет, чем где-либо, каждый человек чувствует себя только эманацией всего человеческого рода» (Потебня, 2007: 44).

Язык выступает силой, объединяющей людей – носителей языка и обеспечивающей понимание между ними. Данные функции языка заключены в понятии внутренней формы слова, синонимом которой также выступает объективное содержание. Функция внутренней формы слова заключается в обеспечении единства образа через выделение наиболее значимого признака предмета. Данный признак, выражая объективное содержание в слове, создает общий мыслительный уровень как условие взаимопонимания. Объективное содержание слова позволяет сделать вывод о принадлежности к одному народу.

Посредством языка личность выражает свое отношение к миру, поэтому для А.А. Потебни важнейшей задачей становится исследование языка исторически. Изучение эволюции языка отражает в себе то, как

личность фиксировала свой образ мысли и восприятие реальности через слово. В истории языка мыслитель выделяет основные типы мировосприятия народа: фольклор, мифология и наука. «Язык создает ту национальную и личную атмосферу или стихию мышления, в которой индивидуальному уму особенно удобно и привольно вращаться» (Овсяннико-Куликовский, 1893: 16). Язык позволяет узнать о сменяющихся восприятиях народа, об отношениях между человеком и внешним миром. Именно фактологическая основа в виде грамматических категорий, заключающих в себе форму мысли, позволяет установить движение исторической мысли. Части речи выступают актами мысли, а предложение аналогично структуре мысли. Потебня приходит к выводу, что эволюция типов предложения позволяет узнать об исторической типологии мышления. Предложение есть микрокосм мысли, поскольку строение мысли и предложения совпадают, убежден Потебня.

Предложение есть микрокосм мысли, поскольку строение мысли и предложения совпадают, убежден Потебня. Преобладание в предложении существительных свидетельствует об отсутствии целостности и связи, потому что основная черта субстанции – самостоятельность. В связи с этим мир представлялся бессвязным и расчлененным. Трансформация мира происходит тогда, когда глагол обретает руководящую роль в предложении, в котором все починается единому процессу. Поскольку слово исторически выражает отношение к действительности в концепции мыслителя, то Потебня выделяет три стадии мышления: мифическое, поэтическое и прозаическое.

Как видим, в концепции Потебни язык выступает как основное выражение народа, его культуры и мышления. Поэтому язык для Потебни является синонимом народа. Поскольку слово заключает в себе отношение личности к миру, то исторический метод исследования языка позволяет узнать о сменяющихся народных мировоззренческих системах. Благодаря существованию внутренней формы слова обеспечивается общий уровень понимания, точка соприкосновения, свидетельствующая о принадлежности к народу. В слове отражается история жизни народа, слово воспринимается в учении Потебни как носитель исторической содержательности. Язык является средством не только отражения представлений человека, но и главным инструментом их формирования. С помощью языка происходит описание и классифицирование явлений мира, а также создание нового знания.

Литература

Овсяннико-Куликовский, Д. А.А. Потебня, / Д. Овсяннико-Куликовский // «Киевская старина», 1893. – 61 с.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1-2. 536 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007. 241 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. Язык и народность. О национализме. Харьков: Типография "Мирный труд", 1913. 225 с.

Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.

Говорун Е.Д.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

**МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА:
К ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.**

В докладе сообщаются результаты исследования семантического поля понятия моральной экономики в отечественной философской и философско-религиозной мысли конца XIX-первой половины XX вв. Определяющим является анализ работ русских мыслителей рубежа XIX-XX вв. (В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.Н. Савицкого и др.) Особое внимание обращается на инициативное исследование А.В. Чаянова; отмечается, что исследования А. В. Чаянова базируются на сущностных особенностях особой социально-экономической общности – семейно-крестьянском хозяйстве, как некапиталистической экономической системе. В докладе принимается во внимание и то, что в трудах современных отечественных ученых большее внимание уделяется работам зарубежных историков философии, антропологов и специалистов в области истории интеллектуальной культуры, учитывается мировой опыт и путь развития философских идей и практических результатов морально-экономических исследований в различных познавательных контекстах. В связи с этим представляется необходимым обратить особое внимание на истоки и актуальные смыслы понятия моральной экономики в отечественной философской мысли, основные направления историко-критического обзора ситуаций возникновения и применения термина «моральная экономика».

Чуева Ю.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

**АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
НА БОГОСЛОВИЕ АП. ПАВЛА В ТРУДАХ Н.Н. ГЛУБОКОВСКОГО**

Библейская критика в современном ее понимании берет начало в период Реформации католической церкви и прошла с тех пор долгий исторический путь. Исследования ученых XVII-XIX веков в области текстологии Библии дали почву для сомнений в индивидуальном авторстве целого корпуса рукописей и развитию историко-критического метода в библейской науке, главной задачей которого была координация евангельских повествований. Эти проблемы нашли отражение в русской герменевтической традиции XIX-XX вв., основными направлениями которой были

филологическая, юридическая и, собственно, библейская герменевтика. В своём развитии русская библеистика находилась под влиянием двух начал: гуманистической традиции в Европе в лице историко-филологического подхода и противостоящего ему отечественного церковного и вероучительного подхода. Основоположником критического направления в отечественной библейской герменевтике, не выходящего за рамки ортодоксальной христианской традиции, принято считать митрополита Филарета Дроздова. Крупнейшим представителем этого направления был Николай Никанорович Глубоковский (1863-1937), уделявший много внимания богословской деятельности апостола Павла.

В докладе предлагается рассмотрение отдельных трудов Н.Н. Глубоковского – «Св. Апостол Павел и стоицизм» (1907), «Благовестие св. Апостола Павла и эллинская философия» (1908), «Св. Апостол Павел и философ Сенека» (1908), посвященных полемике с «Бауровой» школой. С позиции этих критиков, истинное раннее учение Христа было искажено позднейшим церковным учением под влиянием идей и богословия апостола Павла, получившим название «паулианство». Н.Н. Глубоковский в полемике с «Бауровой» школой придерживался двух принципов: верности традиции Церкви и использования классической логики как методологической основы герменевтики. Согласно его подходу, результаты герменевтических поисков не должны противоречить Священному Преданию, а возникающие кажущиеся противоречия должны быть логически устранены. В отличие от западных критиков, видевших в богословии апостола Павла множество разрозненных идей, Н.Н. Глубоковский отстаивал позицию, что учение апостола язычников является целостным и восходит к учению самого Иисуса Христа. Значение отдельных выражений эллинизма, приводимых критиками в качестве основы посланий апостола, виделись Н.Н. Глубоковскому преувеличенными, а достоинство самих посланий было явно недооценено.

Зайцева Е.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ИДЕИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА И ЗАПАДНИЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н.ТОЛСТОГО

Лев Николаевич Толстой-известная личность в русской литературе. Я думаю, что не нашлось бы такого человека, который не слышал бы этого имени. Читая его работы, можно сказать, что он не только одаренный писатель, но и настоящий философ. Его философские произведения «Исповедь», «Путь Жизни», заставляют человека задуматься о своем предназначении и переосмыслить свое бытие в целом. Лев Николаевич хотел донести до нас, что человек-хозяин своей жизни и он должен решить для себя, в чем заключается смысл его существования. Произведения Льва

Николаевича перевернули мировоззрение людей не только в России, но и за рубежом.

Как известно Л.Н. Толстой вёл интенсивную переписку с Н.Н. Страховым на протяжении четверти века. Писатель доверял критику и прислушивался к его мнению. Если бы не Николай Страхов, то многие книги Льва Толстого так и не вышли бы в свет. Публицист повлиял на мировоззрение писателя, поскольку они вместе изучали проблемы философии и религии. Они имели как одинаковые идеи, мысли, так и совершенно различные. Дискуссии, которые они вели в письмах, широко обсуждались и обсуждаются критиками.

Мы исследуем переписку этих двух знаменитых деятелей и попробуем разобраться, какие философские мысли они унаследуют.

В творчестве Л.Н. Толстого мы попробуем проследить его неоднозначное отношение и к славянофильству, и к западничеству. Какие идеи писатель опровергает, а какие поддерживает.

Я считаю, что вопрос противостояния этих двух идей является актуальным и в наши дни, поскольку стабильность отношений России и Запада поставлена под огромный вопрос. И довольно-таки большая вероятность того, что опять появятся споры о наследовании Запада.

Кахерская С.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сегодня уже никто не спорит с тем, что история и культура не только объективны, но и субъективны, как и люди, которые их создают. Поэтому понимание роли наших гениев в этой меняющейся субъективной истории тоже меняется, в связи, с чем возникает необходимость переоценки ценностей в различные культурные эпохи. Особенно если учесть, что борьба за Н. В. Гоголя в различных партиях, религиях, культурах, как и во времена А. С. Пушкина, продолжается. Кроме того, каждое новое поколение переписывает портреты гениев вовсе «не от нечего делать», а, чтобы обнаружить новые перспективы и выстроить онтологию последующей жизни, которая складывается из опыта и прозрений гениев. Вот почему Н. В. Гоголь со своей проблемой культуры личности и Личностной России вновь актуально, как никогда. Если выстроить шаги соединенного духовного поиска, начавшегося после Гоголя, то горизонты литературы сразу расширяются, концентрируя свои круги вокруг человека. Вся литература, сразу как бы превращается в синтетическую форму личностной философии, в центре которой уже не просто вопросы языка, слова, речи, рациональной

организации сознания, но все проблемы исторической организации личности, способной продолжить историю.

Название гоголевской поэмы имеет, по крайней мере, два значения. Под «мертвыми душами» понимаются и умершие крестьяне, скупкой которых занимается помещик Чичиков, и абсолютно живые герои произведения – помещики и чиновники неизвестного города.

Заслуга великого писателя, прежде всего в том, что он мастерски изобразил в своем произведении массу разнообразных характеров. Центральное место в поэме занимают главы, повествующие о разных типах помещиков в тогдашней России.

Описание помещиков Гоголь дает в определенном порядке. Образы помещиков проходят перед нами сряду, и с каждым новым персонажем видна потеря всего человеческого. «Мертвые души» - это поэма о типичных явлениях действительности, современной Гоголю, и в образах помещиков автор сатирически показал губительную силу людей в собственности.

Первого помещика в поэме открывается образом Манилова. На первый взгляд, этот хозяин вовсе не кажется «мертвой душой» (как пишет сам автор). Однако Николай Васильевич раскрывает всю пустоту и бесполезность Манилова. Он может только приятно улыбаться и расточать любезности. Сперва странная просьба Чичикова смущает помещика, но Манилов не в состоянии подумать над предложением и легко дает убедить себя. Так достаточно любезный человек предстает перед нами как «мертвая душа», не утратившая какие-то человеческие черты.

Другой образ помещика олицетворяет собой Ноздрев. Его Гоголь иронически называет «историческим человеком», подчеркивая его типичность. Образ Ноздрева ярко показывает развращающий характер крепостного права.

А вот и Собакевич, который спокойно воспринимает предложение Чичикова и начинает с ним торговаться. Человеческие чувства в нем давно уже умерли. Откровенное сравнение Собакевича с неживыми предметами достаточно красноречиво говорит о его бездушии.

На вершине этой пирамиды оказывается Плюшкин. Духовная гибель человека показана в нем с огромной обличительной силой. А ведь раньше Степан был только расчетливым, бережливым хозяином Крепостное право убило в нем человека, превратило в „живой труп“, не вызывающий ничего, кроме отвращения.

При первом взгляде на Чичикова, он производит впечатление многоликого человека.словно хамелеон, Павел постоянно меняется. Он способен придавать своему лицу нужное выражение, чтобы представать приятным собеседником. Достаточно быстро Чичиков общий язык находит и с помещиками, у которых покупает умершие души крестьян.

Постепенно шулерства Чичикова обретали больший размах. От скромного понычка, до таможенного чиновника, прослеживает Гоголь путь героя. Предпринимательский талант Чичикова не согласуется с нравственными нормами. Для него нет никаких моральных устоев.

Гоголевские образы позволяют яснее понять активность современных беззастенчивых дельцов, а также внутренний облик людей, которые реальное общественное дело подменяют пустым фантазерством. Гоголь отразил в поэме такой социальный вред, как нравственную опустошенность. Утрата благо нравственности характеризует изображенную Гоголем напыщенную повседневность, которая насмешливо относится к духовным интересам и поднимает философские вопросы.

Гоголь понимал человека как субъект культуры, ее начало, а всю культуру воспринимал как результат индивидуальной работы души. Великий писатель показал всю современную Россию, сатирически изобразив поместное дворянство и чиновничество. Если выстроить шаги соединенного духовного поиска, начавшегося после Гоголя, то горизонты литературы сразу расширяются, концентрируя свои круги вокруг человека. Вся литература, сразу как бы превращается в синтетическую форму личностной философии, в центре которой уже не просто вопросы языка, слова, речи, рациональной организации сознания, но все проблемы исторической организации личности, способной продолжить историю.

Исходя из всего вышесказанного, автор рассуждает о судьбе России, утверждает, что есть еще нерастраченные силы, стойкость духа и надежда. Несмотря ни на что, Гоголь верит в Русь.

Безродная К.С.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

РУССКАЯ МЫСЛЬ XVIII-XIX ВЕКОВ: СВЯЗЬ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Россию XVIII-XIX века можно считать периодом, когда началось интенсивное развитие антропологии, а также развитие философской мысли. В этот период русские мыслители обращали большое внимание на исследование человека, его природы, происхождения, и различных аспектов его жизни. Это была эпоха социальных, политических и культурных изменений, а вместе с ними исторических сдвигов в понимании человека, его места в мире, его отношения к высшим идеалам и моральным правилам.

В это время русская мысль отходила от западноевропейской. В данный период появились различные интеллектуальные течения, которые проявлялись в разных аспектах жизни общества.

Связь антропологических и философских исследований очевидна. Антропология изучает человека как биологическое существо, а также культурные нормы и обычаи. Философия же смотрит на человека с моральной и духовной стороны и поднимает вопросы о смысле жизни и нравственности. Философы того времени понимали, что человек как объект

исследования является важнейшим элементом в понимании мира. Они осознали, что изучение человека напрямую влияет на ценности и институты общества. Изучение человека помогло мыслителям понять, что только развивая интеллектуальные способности людей, можно достичь общественного прогресса.

Данная тема актуальна, так как антропологические и философские исследования периода XVIII-XIX вв. помогают не только изучить развитие русской культуры и общественной мысли, но и прояснить картину сегодняшней российской действительности.

Мовсесян А.С.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДЕТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

В докладе характеризуются социально-исторические аспекты исследования детской литературе советской эпохи. Особое внимание обращается на проблему контекстуализации текстов детской литературы исследуемого времени (в т.ч. вопрос о либерализация литературы и искусства в годы оттепели, советская критика детской литературы в 20-е годы и др.). В качестве ключевых принимаются работы И. Бернштейн «Детская литература советской эпохи: проблемы комментирования», Я. Липина «Советская критика детской литературы в 1920-е годы», А.А. Димьяненко «Советские исследования детской книги и детского чтения на страницах журнала «Русская школа за рубежом».

При подготовке доклада пол предпринят контент-анализ детской литературы первых десятилетий советской истории.

Головин П.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В КНИГЕ А.Н. РАДИЩЕВА «О ЧЕЛОВЕКЕ, ЕГО СМЕРТНОСТИ И БЕССМЕРТИИ»

XVIII век богат выдающимися личностями. Одной из них является А.Н. Радищев. Это был великий человек, которого одновременно можно назвать мыслителем и писателем высшего уровня России XVIII века. Он родился в дворянской семье, получил домашнее образование, и затем отцом был отвезен из села Немцово в город Москву. В будущем ему

посчастливилось работать в Сенате, именно тогда он начнет свою творческую деятельность. Одним из самых главных его творений по праву называют философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии». Создавался он не в простых условиях, а в ссылке. Возможно, поэтому автор касается темы души, её смертности и бессмертия, потому что именно в таких условиях человек задумывается о настоящих ценностях своего бытия.

Нетрудно догадаться о том, что, если название произведения связано с душой, то непременно в нём будет рассказ и о человеке, его антропологии. А.Н. Радищев был убежден, что человек является высшим проявлением телесности, «совершеннейшей из тварей» [1. с. 46]. Тут же подчеркивается его связь с окружающей живой средой. Животный, растительный и человеческий мир взаимосвязаны, один без другого не выживет. В частности, человеческий мир может помогать и поддерживать животное и растительное царство, а иначе все погибнет. Но автор больше заинтересован выявить здесь отличия человеческого начала от всех остальных. В частности, указывается на прямохождение людей, наличие у них более рациональных чувств, принципов морали, нравственности и, конечно же, религии. Человек – существо разумное, а значит обладает не только инстинктивными чувствами, присущими всем млекопитающим, но и выходит за рамки животного мира. Главное его отличие в умственной способности, которая может менять его жизнь, жизнь окружающих и всего мира в целом.

Философ неспроста особо выделяет индивидуальное развитие личности, этим самым он как бы подчеркивает особенность и отличие людей от всех остальных существ. В начале своего пути человек рождается, не имея никаких приобретенных качества и черт. В дальнейшем своем становлении он будет социализироваться, соответственно при этом получая новые знания, умения, навыки, качества и черты характера. В конечном итоге ему придется столкнуться со смертью и покинуть телесно этот мир, оставив все приобретенное другим поколениям. Автор называет этот процесс последовательными новообразованиями, ведущими в конечном счете к «развержению» в человеке общественного разума.

На самом же деле, началом существования человека можно назвать не факт его рождения, а факт его зачатия и развития в утробе матери. Рождается человек от любви двух людей друг ко другу или по-другому от свободного «союза души и плоти». В этом факте опять же видно отличие человеческого начала от всех других существ. После рождения человек не получает сразу все умения, он только лишь вступает в большую фазу развития, начиная с развития своих органов, роста, познания окружающего мира и так далее. Младенец «чувствует, но не мыслит» [1, с. 67]. Однако, «чувствование предваряет рассудку» [1, с. 54], и вследствие интенсивного развития мозга «младенец становится дитя» [1, с. 68].

После младенчества наступает стадия отрочества. Это очень интересная стадия, на которой уже может из индивида сформироваться личность. Но, к сожалению, многие уже и на взрослой стадии остаются только индивидами. Возвращаемся к отрочеству. Именно эта фаза развития

человека закладывает в него основные, фундаментальные качества личности, отличающие его от других. Отрок склонен к проявлению самостоятельности, он уже хочет вырваться из домашнего гнезда и отправиться в свободное путешествие. При всем этом он еще внутренне остается ребенком, а внешне хочет показать все противоположное этому, то есть происходит борьба.

А.Н. Радищев замечает, что отрок, склонный к самостоятельности мышления, как и дитя, следует, прежде всего, «чувственности», а более всего своей подражательной природе: «Страсти в нем разверзаются; рассудок начинает снискивать опору или в слышанном, или в испытанном» [1, с. 69].

Зрелость человеческая рассматривается как период, в котором должно укрепиться все, начиная от ума и заканчивая телом и дать при этом определенные плоды: «Время достижения величайших истин и заблуждений; время, в которое человек уподобляется всевышнему или ниспадает ниже низжайшей степени животных» [1, с. 69].

Старость подводит итог всему человеческому циклу и дает осознанность, что было сделано так, а что нет.

Человек – довольно динамичное существо, оно не стоит на одном месте, а все время старается развиваться, совершенствоваться или, напротив, деградировать. Именно познание является одной из главных функций человека: он познает себя, своих родных, свою культуру, своё наследие и мир в целом. Развивая разум, человек не ограничивается только собой и внешним миром, а стремится к высшему, стремится познать самого Всевышнего. Познание Бога является высшим уровнем познания, так как другим существам не открыта эта функция. Если обращаться к христианской религии, то не сложно заметить её сосредоточенность на совершенствовании человека. Ему надо отказываться от разных пороков, искажающих его нутро, созданное Богом, то есть нужно стать нравственной личностью. Для начала необходимо грамотно отслеживать поступки, поставленные цели, насколько они вредны или полезны для человека, и одновременно сопоставлять их с нравственным законом. Самое главное, что человеку при этом нужно оставаться бескорыстным, потому как, если нравственность будет показная, то это легко перерастает в лицемерие, и любая похвала от людей будет нечестной. Людей еще возможно обмануть, а вот Бога обвести вокруг пальца, точно не получится. Связь наших поступков с их целью отмечали святые отцы Православной Церкви. По словам святителя Григория Богослова, тот, «кто упражняется в добре из каких-нибудь видов, тот не тверд в добродетели, ибо цель минует, и он оставляет доброе дело, подобно, как плывущий для прибыли не продолжает плаванья, если не видит прибыли» [2, с. 173.]. Именно нравственность становится основой человеческого сознания по мнению А.Н. Радищева.

Автору при всем своем интересе к духовной составляющей личности, не менее интересна и внешняя, физическая её сторона. Выявляются внешние и внутренние факторы, влияющие на формирование человека. Писатель, в который раз, выделяет взаимосвязь человеческого и природного мира. А.Н. Радищев пишет черным по белому, что «человек рожден для

общежития» [1. с. 57]. Это означает, что человек не может существовать в одиночку, ему надо общаться с себе подобными, а также иметь контакт вообще со всем живым миром.

Если нужен контакт со всем миром, а больше всего с себе подобными, то какими способами этот контакт можно достичь? Сначала надо понять, что объединяет людей. В первую очередь, это могут быть физические потребности. Например, нужно объединиться с другими людьми и вместе сходить поужинать, тем самым удовлетворить потребность в питании. Также для контакта с миром, можно заниматься совместной деятельностью с определенной группой людей, приходить на помощь нуждающимся, помогать и соперничать им. Таких примеров, очень много. Здесь последнее слово остается за самим человеком, что ему больше нравится, тем он и должен заниматься.

Таким образом, проанализировав разные человеческие стадии жизни в контексте прочтения произведения А.Н. Радищева, можно сделать вывод о человеке как о высшем существе. Только ему подвластны разум и рациональное мышление. Он может менять жизнь как свою, так и всего человечества. Любой личности подвластны многие способности, недоступные, скажем, для животных. Но в силу своей лени человек не всегда способен полноценно увидеть всё то на что он способен.

Литература

1. Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 2. М. ; Л. : АН СССР, 1941. С. 39-145.
2. Григорий Богослов, сеп. Творения: В 6 т. М., 1889. Т. 3. С. 173.

Жеребцов П.В.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В данной статье пойдёт речь о каноническом праве, которое ещё называется церковным, об образовании, о таком как появилось каноническое право, о первоисточниках зарождения канонического права, которые можно увидеть как в Ветхом, так и в Новом Завете. О том, что такое право, о том, что оно бывает как светское, так и церковное, о важности, которую несёт каноническое право для Русской Православной Церкви, для отдельно взятого человека и в целом для общества. В статье также будет говориться и о том, кто первым проложил путь к развитию, как светских, так и богословских наук, в числе которых и каноническое право, в данной статье будет говориться и о известных выдающихся людях – учёных, специалистов

в области церковной истории, богословия и конечно же канонического права, которые, в свою очередь оказали сильное влияние на становление и развитие канонического (церковного) права в России в 19 веке – в веке, который зарекомендовал себя как век становления и развития, как светских, так и богословских наук. В данной статье будет говориться о том, как каноническое право было введено в качестве учебной дисциплины, как этому способствовали такие известные люди, специалисты в области богословия как Суворов Н. С., Заозерский Н. А., Павлов А. С. И другие, в данной статье также будет говориться и о том, как каноническое (церковное) право развивается уже в наше время, и система образования в целом в России, о том какую благодатную почву несёт современное образование для светских и богословских дисциплин, в том числе и такой учебной дисциплины и науки, как каноническое право, далее в данной статье будет говориться и о том что современная образовательная система начинает становиться благодатной почвой для подготовки научно-педагогических кадров в светской и богословской областях.

Ключевые слова. Церковь, право, канон, богословие, образование, педагогика, образование.

Достаточно немалое число церковных историков, различных учёных, докторов богословия, специалистов в области канонического церковного права написало научно-богословских трудов по такому разделу богословия как каноническое (церковное) право, к числу таких знаменитых выдающихся людей по праву можно отнести Цыпина Владислава Александровича, священнослужителя Русской Православной Церкви, доктора теологии, историка, как Русской Православной Церкви, так и всей Православной Церкви, а также специалиста в области канонического права, который внёс несоизмеримо большой вклад в развитии различных богословских наук, в том числе и канонического права, в отношении церковной истории и богословия он написал достаточно много научных трудов и достаточно много он написал в отношении канонического (церковного) права.

К трудам Владислава Цыпина по праву можно отнести такие труды как: «Богословско-канонические основания прославления святых», «Взаимоотношения Церкви и государства. Канонические принципы и историческая деятельность», «Историческое значение принятия «Акта о каноническом общении», «К вопросу о границах Церкви», «Каноны и церковная жизнь», «Курс церковного права», «О молитвенном общении с инославными с канонической точки зрения», «Развод: взгляд церковного канониста», «Русская Православная Церковь и государство в 1917-1990 годах: правовой аспект», «Архиерейский Собор 1943 года», «История Русской Церкви (Синодальный период)», «История Русской Церкви (1917-1997 гг.)», «Уложенная грамота 1589 г.», «Пентархия» (<https://azbuka.ru/oteknik>), но особенно знаменитым изданием В. Цыпина стало издание под названием: «Каноническое право», в котором Цыпин проделывает объективное

изложение канонического (церковного) права, он пишет о истории возникновения канонического (церковного) права, о взаимосвязи Православной Церкви и канонического права, о различных источниках канонического права, о каноническом (церковном) праве, как о науке. Каноническому праву Владислав Цыпин придаёт особенный характер, акцентируя внимание на том, что каноническое право касается не именно только определённой категории людей, но и затрагивает всё общество, когда пишет о нём следующее, он пишет, что: «Право имеет по преимуществу общественный характер...» (Протоиерей Владислав Цыпин. Каноническое право // Сретенский монастырь. 2009. С. 12)

Прежде всего, чтобы перейти к разговору о том, какую роль играет каноническое (церковное) право в системе образования, нужно начать с того, что представляет, из себя право вообще, что такое каноническое право и откуда берет оно свои первые истоки. Итак, слово «право» подразумевает под собой, проще говоря, - что можно делать человеку и чего делать нельзя, право есть – светское и есть духовное. Светское право – это то право, которое ещё принято называть конституционным, так называемое законодательство какой-либо определённой страны. Церковное право – оно же и каноническое право, которое, в свою очередь регулирует жизнь Православной Церкви. Каноническое право время от времени в той или иной степени изменяется и дополняется на Соборах Русской Православной Церкви. Далее надо сказать и о первоисточниках канонического права.

Итак, первоисточники канонического права. Изначально первоисточники канонического права можно наблюдать в Ветхом Завете с момента появления первых людей Адама и Евы, где Бог сотворил их и поселил в Эдемском саду и заповедал им не есть от дерева познания добра и зла, и, тем не менее, они не послушались. Далее пример, другого первоисточника в Ветхом Завете – где Бог через пророка Своего Моисея даёт десять заповедей – то есть что нужно делать и чего делать нельзя и уже в Новом Завете можно увидеть заповеди блаженств, суть которых заключается в том, что нужно делать, чтобы попасть в царство Небесное.

Далее уместно перейти к разговору о становлении канонического права как науки, учебной дисциплины. По праву основоположником становления и развития, как светских, так и богословских наук, можно назвать Петра 1, который достаточно много делал для развития Российского государства, основной мощный подъём в отношении развития светских и богословских наук, образования, и такой науки, как каноническое право можно назвать 19 век. Когда такие известные учёные, как Н. С. Суворов, Заозерский Н.А. Павлов А. С. И другие, благодаря своим выдающимся трудам добивались при поддержке государства того, что такая наука как каноническое право, стала прочно оформляться как наука и в качестве учебной дисциплины стала внедряться в высших учебных заведениях, таких, как Московская, Санкт-Петербургская, Киевская и Казанская духовные академии, студенты впервые смогли знакомиться и изучать данную дисциплину.

Далее после распада СССР и с наступлением демократического строя в России начали восстанавливаться православные храмы монастыри и, конечно же, православные духовные заведения разного уровня. В связи с тем, что православные учебные заведения, в том числе и духовные академии стали получать государственную аккредитацию и в светских вузах данная дисциплина стала вводится, у студентов появилась возможность по окончании учёбы работать не только в учреждениях Московского Патриархата, принять священный сан, но и продолжить изучать богословские науки и каноническое право в магистратуре, аспирантуре, где готовят научно-педагогические кадры – магистров, кандидатов богословских наук.

В заключении можно сделать следующий вывод. Если в отношении науки и образования не было истории, то, разумеется, и не было и современного состояния науки и образования. Наблюдая за тем, как развивается образовательная система, как развиваются светские и богословские науки, в числе которых и каноническое право, то появляется надежда и уверенность в том, что и дальше будет всё совершенствоваться, вообще образование – это важный предмет и отсутствие его или его слабое развитие – может привести к печальным последствиям, если будут отсутствовать медицинские институты, где будут у нас врачи, которые так или иначе в течении, в нашей жизни нам нужны, вообще специалисты в любой светской сфере, а что уже говорить и о катастрофе в духовной сфере, если бы не было семинарий, духовных академий, как служили бы священнослужители, не зная при этом истории Ветхого и Нового Завета, Патрологии и так далее, поэтому образование как светское, так и духовное имеет неопределимо важное значение, чтобы общество росло грамотным, как в светских науках, так и в духовных, во славу Божию, на благо Церкви и на благо обществу!

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Кого пустить в будущее? ТРАНСГУМАНИЗМ,
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ В. О ПЕЛЕВИНА
(проект II курса направления «Философия»; профиль «История
отечественной философии и культуры», НИУ БелГУ)

Чистякова Е.Ю.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ПРЕОДОЛЕВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ: НАБРОСКИ (К ТРАНСГУМАНИЗМУ?) МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА

Французский писатель Мишель Уэльбек (род. 1958) обрел признание с выходом своего большого романа «Элементарные частицы» в 1998 году, за который получил французскую литературную премию Ноябрь. И хотя это не первый роман Уэльбека (первым был «Расширение пространства борьбы» 1994 года), его можно считать первым в «трансгуманистическом цикле» автора. Уже в первом романе Уэльбек пишет в экзистенциалистском ключе о проблеме одиночества, вызванной разрушением института семьи в западном обществе и сексуальной революцией. Расширение пространства борьбы – это перенесение принципов эволюционизма в социальную сферу взаимоотношения полов. Для Уэльбека эта исторически сложившаяся ситуация неразрешима, он не находит адекватных средств против атомизации западного общества. Из этой предпосылки, на наш взгляд, рождается «трансгуманистический» замысел романа «Элементарные частицы». По сюжету, повествование ведется от лица исследователей будущего, реконструирующих биографию великого ученого Мишеля Держински, сделавшего революционное открытие частиц Краузе (отвечающих за чувствительность половых органов), изменивших природу человечества. Лишь косвенно описаны люди будущего в романе – преобразование коснулось их тел, по всей поверхности которых генной модификацией были распространены частицы Краузе. Так в будущем удалось решить проблему половых взаимоотношений между людьми. Однако, в центре сюжета романа далеко не люди будущего, а люди нашей, кризисной эпохи, страдающие от отсутствия половой любви и одиночества. Таким образом, способ преодолеть кризисное состояние общества – перестать быть людьми.

Второй роман «трансгуманистического цикла» Уэльбека – «Возможность острова» 2005 года. В центре внимания дневниковые записи клонов и их прототипа. Человечество вышло на новую ступень развития, когда люди обрели бессмертие благодаря клонированию. Правда, проблема преемственности сознания и личности решается сомнительным способом – через изучение дневниковых записей. Изменились тела людей-клонов: они не

нуждаются в питании в привычном смысле слова, они употребляют только витамины и микроэлементы в капсулах, живут в искусственном микроклимате автономных жилищ и не выходят в агрессивную окружающую среду, где еще остались одичавшие после ядерной войны люди. Единственная форма коммуникаций между людьми-клонами – дистанционное общение через интернет. Мы знакомимся с историей клона Даниэля, которого гложет странное чувство неудовлетворенности и одиночества, доставшееся в наследство от прототипа Даниэля. Это чувство толкает клона выйти в агрессивную окружающую среду на поиски физического контакта с другим клоном – Марией. Однако, контакта между клонами так и не происходит: Даниэль-клон сбивается с пути и остается доживать свой срок в питательном растворе случайно найденного озера. Это такая своеобразная метафора доживания жизни без любви. Но и в этом романе в центре внимания история «последнего человека» Даниэля, его страданий от отсутствия любви, которая переходит клонам. Уэльбек показывает, что преобразования тела человека не сделает его счастливым и не решит проблему одиночества. Трудно сказать точно, есть ли прямая преемственность между образом постчеловека в «Элементарных частицах» и «Возможности острова» – Уэльбек не особенно вдаётся в детали, его не интересуют клоны, его интересуют люди-современники.

Продолжение «трансгуманистического цикла» или, теперь уже можно скорректировать его название на «утопический» мы усматриваем в романе «Покорность» 2015 года. Уэльбек рассмотрел вариант преобразования природы человека научно-техническим способом и пришел к выводу его несостоятельности для решения проблемы одиночества. Поэтому он предлагает проект преобразования общества в романе «Покорность». По сюжету, в недалеком будущем на выборах президента Франции побеждает представитель мусульманской партии, что приводит к культурной экспансии ислама на всей территории страны. Французы начинают активно принимать ислам, что «вылечивает» социальные проблемы. Главный герой долго не решается на этот шаг – принять ислам (который переводится с арабского как «покорность»), его увольняют с профессорской должности в университете, но под общественным давлением, он, в конце концов, соглашается (покоряется). В результате его восстанавливают в университетской должности, он возвращается в общественную жизнь, ему даже находят удобную и покорную жену. Главный герой, страдавший от одиночества и проблем в личной жизни, обретает искомое счастье.

К слову, в 2001 году Уэльбек получил иск от мусульманских организаций за исламофобские высказывания. А теракт 2015 года в редакции Charlie Hebdo произошел в день выхода номера, посвященного «Покорности». В этом свете финал романа кажется тем более неожиданным.

Романы Уэльбека можно характеризовать только названиями в кавычках как «утопические», «трансгуманистические», потому что в действительности его интересуют не проекты изменения природы человека или общества, а нынешнее кризисное состояние человечества. Каким бы

абсурдным не казался выход, который предлагает Уэльбек в «Покорности», он оказывается наиболее действенным, так как меняет весь культурный уклад французского общества и устраняет главную проблему – социальную атомизацию и ее следствие – одиночество. К слову, для Уэльбека счастье неодионочества можно обрести только в традиционной семье, разложение которой и происходило на глазах его поколения.

В дальнейшем творчестве Уэльбек пока не обращался к названной проблематике, что может говорить либо о потере интереса к ней и разочарованию, либо об отсутствии других приемлемых вариантов ее решения. Последующий за «Покорностью» роман «Серотонин» 2019 года пропитан чрезвычайно депрессивными интонациями и лишен надежды на решение проблемы одиночества.

Бондарев А.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА И БУДДИЗМА В ПРОЗЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

В докладе будет затронута тема пересечения некоторых идей трансгуманизма и буддизма в художественном пространстве произведений Виктора Пелевина, где автор представляет свое собственное видение мира настоящего и мира будущего, что особенно ярко проявилось в некоторых книгах последних десяти лет. Сюжетной основой часто в них выступают отношения между человеком и техникой, которые оказываются помещены в специфический контекст развития персонажей. Для современной пелевинской прозы характерны попытки переосмыслить базовые концепты буддисткой философии (такие как, сансара, дхарма, просветление, карма и другие) в новой реальности, где технологическое стало либо становится неразрывно связано с повседневностью человеческой жизни. Пелевин далек от оптимизма трансгуманистов, что технологии смогут обеспечить человечеству достойное существование, наоборот человеку будущего требуется больше усилий для освобождения от сансары, так как она приобретает более изощренные способы воздействия посредством виртуального пространства, в этом смысле писатель, используя оптику буддизма, сомневается в ценности технологического прогресса как самоцели, не подкрепленной духовным содержанием. В интерпретации автора идеал сверхчеловека будущего нивелируется в трансгуманистической антиутопии, где страдание не перестает быть онтологической константой мира, а, следовательно, и сама проблема несовершенства индивида оказывается по-прежнему неразрешимой в рамках сансарического модуса бытия. Тем не менее, в литературных мирах Пелевина технология часто служит

инструментом для постижения духовных истин о природе реальности или метафорой для объяснения некоторых буддистских доктрин. Таким образом, идеи буддизма и трансгуманизма находятся в тесной, но не равной взаимосвязи, где технологиям, на наш взгляд отведена вспомогательная функция развития и иллюстрации нарратива, восходящего (иногда частично) к представлениям буддистской философии.

Боболь А.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

СВЕРХЧЕЛОВЕК - ИНВАЛИД? МЕСТО ДЕФЕКТИВНОСТИ В БУДУЩЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТЫ ВЫГОТСКОГО «ОСНОВЫ ДЕФЕКТОЛОГИИ»)

Выготский Лев Семенович известен в первую очередь своей теорией культурно-исторического развития, при этом как бы отодвигаются на второй план его идеи о сверхчеловеке или об обществе будущего. Является ли Выготский трансгуманистом? Вписывается ли его концепция сверхчеловека в трансгуманистическую повестку?

Однозначного ответа я не дам, но постараюсь рассказать об одной из сторон общества будущего Выготского, а именно, о дефективности. Заявленная тема не является игрой слов. У Выготского действительно в обществе будущего очень важное место занимают люди с определенными патологиями и недостатками развития. Об этом обществе будущего Выготского стоит сказать поподробнее. Его сверхчеловек занят собственным развитием, реализуя гуманистическую идею универсального человека. Многие люди с ограниченными возможностями вполне могут быть полноправными членами такого общества, исключениями будут лишь те, кто ограничен будет в умственном плане. Это ограничение состоит главным образом в том, что умственная недоразвитость не позволит человеку воспринимать культуру.

Выготский говорит в работе «Психология искусства»: «В плане будущего несомненно лежит не только переустройство всего человечества на новых началах, не только овладение социальными и хозяйственными процессами, но и «переплавка человека», постольку несомненно переменится и роль искусства. Нельзя и представить себе, какую роль в этой переплавке человека призвано будет сыграть искусство, какие уже существующие, но бездействующие в нашем организме силы оно призовет к формированию нового человека. Несомненно, только то, что в этом процессе искусство скажет самое веское и решающее слово».

В своих лекциях по психологии развития Выготский говорит, что существуют три уровня недоразвитости мозга: имбецил, дибилик и идиот. Это вариации недоразвитости головного мозга, которые не дадут ребенку

развиться до нормального уровня. Говоря о пользе патологий, Выготский говорит конечно же о дефектах физических, которые не ведут к дефектам умственным, а скорее стимулируют интеллектуальное развитие.

Если человек в детском возрасте утратил зрение и слух, то он вполне может стать профессором и доктором психологических наук. Суворов Александр Васильевич тому подтверждение. Если же у человека недоразвит мозг, то ему всю жизнь придется влачить жалкое, не в полном смысле человеческое, существование. Все дело в дефекте и сверхкомпенсации. Эта теория Адлера очень понравилась Выготскому. Идея о том, что определенные физические ограничения дают преимущество в чем-то другом, легла в основу работы «Основы дефектологии». «Если слепой или глухой ребенок достигает в развитии того же, что и нормальный, то дети с дефектом достигают этого иным способом, на ином пути, иными средствами, и для педагога особенно важно знать своеобразие пути, по которому он должен повести ребенка. Ключ к своеобразию дает закон превращения минуса дефекта в плюс компенсации». Выготский считал, что за этой компенсацией стоят огромные перспективы человеческого развития, ведь пути, проходимые дефективными людьми в процессе их интеграции в общество, имеют уникальный и особенно ценный характер.

Индивидуальность является двигателем культуры, топливом же – недостатки. «Конфликт создает повышенные возможности и стимулы к компенсации и сверхкомпенсации. Дефект становится, таким образом, исходной точкой и главной движущей силой психического развития личности. Он устанавливает конечную целевую точку, к которой стремится развитие всех психических сил, и дает направление процессу роста и формирования личности. Повышенная тенденция к развитию создается дефектом, он развивает психические явления предвидения и предчувствия, а также их действующие факторы (память, внимание, интуицию, чувствительность, интерес – словом, все обеспечивающие психологические моменты) в усиленной степени».

Поэтому дефективные люди, при должном уровне интеграции в общество, сверхмотивированы. «Он будет хотеть все видеть, – говорит Адлер про ребенка, – если он близорук; все слышать, если у него аномалия слуха; все будет хотеть говорить, если у него есть налицо затруднение в речи или заикание... Желание летать будет выше всего выражено у тех детей, которые уже при прыгании испытывают большие затруднения».

Вряд ли возможно с уверенностью утверждать, как именно устроить школы для дефективных детей, что бы они вносили свой вклад в развитие культуры. Выготский оговаривается, что на данный момент это слишком малоизученный вопрос: «Традиционная дефектология не осознала той мысли, что дефект создает трудности, задержки и отклонения не только в сфере и в плане биологического, но и в сфере культурного развития поведения. Вследствие этого культурное развитие ненормального ребенка до сих пор почти не изучено». Сейчас миссией номер один является максимально интегрировать людей с ограниченными возможностями в общество, создавая тем самым фундамент для будущих открытий.

Колесников А.А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

СВЕРХЧЕЛОВЕК: ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА

Образ сверхчеловека, описанный известным немецким философом Фридрихом Ницше, до сих пор остаётся предметом для многочисленных дискуссий. На рубеже 19-20 веков ницшеанство в России было достаточно популярно, хотя ницшеанская этика совсем не близка по своему духу к русской философии. Тем не менее, русских философов интересовала само направление, ориентированное на поиск новых аксиологических основ становления и формирования личности, обоснование стремления к сверхчеловеческому. В работе предпринимается попытка ответить на вопрос: в чём оригинальность отношения Владимира Соловьёва к ницшеанской идее сверхчеловеческого.

Винаков Н.О.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ТРАНСГУМАНИЗМ И Н.Ф. ФЕДОРОВ (НЕКОТОРЫЕ СБЛИЖЕНИЯ)

Николай Федоров прямо связывает долг воскресить всех с христианской догмой, это очень интересная позиция, очень хотелось бы послушать тех гуманистов, которые выступают против трансгуманизма, что они об этом думают. А вообще в этом определении фигурирует очень важный термин - этика, этическая сторона трансгуманизма, которая является, по моему мнению, наибольшим камнем преткновения, не побоюсь сказать - всех трансгуманистов, ведь вопрос что есть человек, границы человечности и его возвышение к постчеловеку, каков будет этот человек трансгуманизма, что будет выкинуто в мусорку. Все трансгуманисты так увлеченно поддавшись этому соблазну бессмертия позабыли о самом человеке, они выкидывают в эту мусорку человеческие чувства и эмоции, не задумываются о человеческом мышлении и тому подобном, выделяя самым важным, единственным отличным от всего качества человека – мышление, делая тем самым из человека робота.

Трансгуманизм в первую очередь все-таки техническая сфера науки, поэтому к теме этики человека нужно подходить с максимально серьезным настроением, выдержать баланс или скажу иначе найти “золотую середину” между наукой и этикой.

Жагин П.С.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ТРАНСГУМАНИЗМ ПЕЛЕВИНА: К ОПЫТУ ЧТЕНИЯ GENERATION Z

В докладе поднимаются вопросы о современном течении трансгуманизма, его представлении у Виктора Олеговича Пелевина и опыте чтения его произведений среди поколения “Z”. Особое внимание будет уделено особенностям трансгуманизма Пелевина, которые позволят понять отношение автора к самому течению и к современным молодёжным тенденциям. Так же будет затронута тема опыта чтения “Transhumanism inc” у поколения Z, их отношение к сатире на популярные тенденции и своеобразный юмор, которым пропитан весь роман.

Скрябин Н.Ю.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ БЕЗДНА ПОКОЛЕНИЯ «П»

Доклад описывает экзистенциальную бездну поколения «П» – молодых людей, родившихся в конце 70-х – начале 80-х годов. Это поколение выросло в контексте постсоветской неопределенности, перехода к капитализму и потери идеологических ориентиров. Автор создает мир, где реальность и виртуальность переплетаются, идентичность размывается, а желания и потребности формируются под диктат массовой культуры.

Опираясь на пример главного героя, Вавилена, поколение «П» можно назвать летаргическим и безысходным. Пелевин замечательно показывает, как наше самопознание становится все более автоматическим, поверхностным и пустым. Это поколение промышляет трансформацией реальности, создавая свой мир мультимедиа, иллюзий и значений. Они безоглядно верят в чудодейственность технологий, а выход за пределы виртуального мира может привести к катастрофе.

В книге показывается, что жизнь в современном обществе – это игра, где побеждает тот, кто может лучше обезличиваться и превратиться в бесформенный потребитель. Таким образом, Generation «П» Виктора Пелевина исследует самые глубокие проблемы современного общества, и показывает, как технологии и массовая культура создают новые формы насилия над человеком.

Научное издание

**ГУМАНИТАРНАЯ РОССИЯ: ГЕРМЕНЕВТИКА НАУКИ
И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА XVIII-XXI ВВ.**

Материалы международной
научно-практической конференции молодых ученых

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: Т.В. Мезеря
Выпускающий редактор: Ю.В. Ивахненко

Подписано в печать 21.06.2023. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 7,0. Тираж 100 экз. Заказ 121
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48